

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
В. ШЕКСПИРА
ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ПЕРЕВЕЛЪ

Н. А. КАШИНИНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ В. ШЕКСПИРА НАПИСАНЪ
ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Н. И. СТОРОЖЕНКО.

ПРИМѢЧАНІЯ

П. Н. ВЕЙНБЕРГА, П. А. КАШИНА И ДР.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I. Гамлетъ, принцъ датскій.—II. Ромео и Джульета и III. Отелло.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

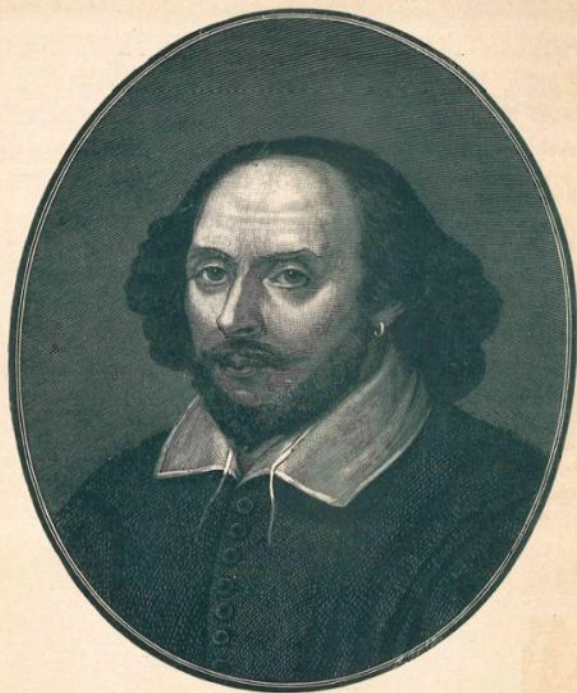
ПОРТРЕТА АВТОРА И СЕМИ РИСУНКОВЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ С. ДОБРОДѢЕВА.
1894.

Дозволено цензурою, Спб., 24 мая 1894 года.

Типография С. Добродьева. Ковенскій, собствен. домъ, № 14.



В. Шекспиръ.



ВИЛЬЯМЪ ШЕКСПИРЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Н. И. СТОРОЖЕНКО.



В 1766 г. одинъ изъ извѣстѣйшихъ издателей и комментаторовъ Шекспира, Джоржъ Стивенсъ, такъ охарактеризовалъ сумму свѣдѣній о жизни Шекспира, которыми обладала современная ему наука: «Все, что мы знаемъ, говоритъ онъ, съ нѣкоторой достовѣрностью о Шекспирѣ, состоитъ въ томъ, что онъ родился въ Стрѣтфордѣ на Эвонѣ, женился, имѣлъ дѣтей, отправился въ Лондонъ, сначала былъ актеромъ, потомъ писателемъ, писалъ поэмы и пьесы для театра, наконецъ, возвратился въ Стрѣтфордъ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, умеръ и былъ тамъ похороненъ». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе ста лѣтъ. Неугнѣимые изслѣдователи перерыли всевозможные архивы и библіотеки, нашли нѣсколько любопытныхъ документовъ, касающихся внѣшнихъ обстоятельствъ жизни и карьеры Шекспира, открыли источники его произведеній, призвали къ отвѣту всѣхъ его современниковъ, всѣхъ, которые могли его знать или, по крайней мѣрѣ, слышать о немъ; благодаря ихъ совокупнымъ усиліямъ, мы имѣемъ теперь точныя, документальныя свѣдѣнія о предкахъ Шекспира, объ его женитбѣ, о матеріальномъ благосостояніи его въ разные періоды его жизни, знаемъ, какія книги онъ читалъ, съ какими людьми знался, имѣемъ отзывы о немъ современниковъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ; но всего этого слыхкомъ мало, чтобъ составить что-нибудь похожее на связную біо-

графю. Мы не знаемъ ничего о дѣтствѣ Шекспира, его матери и вліяніи ея на сына, не знаемъ ничего объ его воспитаніи, объ отношеніи его къ своимъ роднымъ и женѣ, не имѣемъ ни одного письма, ни одного клочка бумаги, написаннаго его рукой, за исключеніемъ его подписи на двухъ или трехъ официальныхъ документахъ, такъ-что и теперь, перечитывая одну изъ его многочисленныхъ біографій, авторы которыхъ выбиваются изъ силъ, чтобы связать сырой матеріалъ различными гипотезами и полудостоверными анекдотами, невольно вспоминаешь горькія слова Стивенса.

Родиной Шекспира былъ маленькій городокъ Стратфордъ на рѣкѣ Эвонѣ, въ графствѣ Уоррикѣ (Warwickshire). Предки его были мѣстные поземельные собственники (yeoman). Одинъ изъ нихъ храбро сражался въ рядахъ войска Генриха VIII противъ Ричарда III при Босвортѣ (въ 1485 г.), за что Генрихъ наградилъ его дворянскимъ гербомъ. Въ 1557 г. Джонъ Шекспиръ, отецъ поэта, человѣкъ зажиточный, владѣвшій двумя домами въ Стратфордѣ, женился на Маріи Арденъ, дочери мѣстнаго землевладѣльца Роберта Ардена, у котораго онъ арендовалъ землю. Невѣста, принадлежавшая къ одной изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій графства, принесла въ приданое значительный участокъ земли съ двумя домами и садами. Хотя Джонъ Шекспиръ былъ человѣкъ неграмотный, но это не мѣшало ему поочередно занимать почетныя городскія должности оддермана, старшаго балы и старшаго оддермана (помощникъ городского головы). У него было восемь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ третьимъ былъ нашъ поэтъ, родившійся въ апрѣлѣ 1564 г. въ Стратфордѣ. Домъ, въ которомъ онъ родился, до сихъ поръ показывается посѣтелямъ. О дѣтствѣ и воспитаніи Шекспира до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Должно полагать, что онъ нѣкоторое время учился въ страдфордской городской классической школѣ (Free Grammar School), гдѣ приобрѣлъ довольно скудные свѣдѣнія въ классическихъ языкахъ, подавшія поводъ его пріятелю Бенъ-Джонсону замѣтить, что онъ мало зналъ по-латыни и еще меньше по-гречески. Долго-ли Шекспиръ пробылъ въ школѣ — неизвѣстно. Роу, писавшій на основаніи мѣстныхъ

преданій, увѣряетъ, что Шекспиръ не окончилъ курса, что отецъ, нуждаясь въ его помощи, взялъ его домой. Это мнѣніе подтверждается найденными въ новѣйшее время документами, изъ которыхъ видно, что, начиная съ 1578 г., дѣла отца Шекспира, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ, пришли въ страшный упадокъ: въ 1578 г. онъ принужденъ былъ заложить полученную въ приданое за женой ферму, въ слѣдующемъ году онъ не могъ уплатить слѣдующихъ съ него городскихъ сборовъ, а всколько лѣтъ спустя было постановлено продать за долги все его имущество, и онъ былъ лишенъ званія оддермана. Весьма естественно, что при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ помощь сына была ему положительно необходима. Предположивъ, что около 1578 г. юный Шекспиръ оставилъ школу, чтобы помогать отцу, мы всетаки не знаемъ, въ чемъ могла состоять его помощь и чѣмъ онъ вообще занимался все это время до самой своей женитьбы. Основываясь частью на мѣстныхъ преданіяхъ, частью на знакомствѣ Шекспира съ юридической терминологіей и съ терминологіей морского дѣла, біографы дѣлаютъ его поочередно мясникомъ, школьнымъ учителемъ, писцомъ у адвоката и, наконецъ, матросомъ. Въ декабрѣ 1582 г. состоялся, надо полагать къ немалому огорченію семьи, бракъ восемнадцатилѣтняго Шекспира съ Анной Гесва, двушкой небогатою, дочерью одного сосѣдняго йомана и къ тому же бывшей на 8 лѣтъ старше своего жениха. Изъ документовъ видно, что бракъ этотъ былъ заключенъ съ особой поспѣшностью, послѣ однократнаго оглашенія въ церкви, можетъ быть, изъ опасенія, чтобы родители Шекспира не успѣли воспрепятствовать женитбѣ своего несовершеннолѣтняго сына. Впрочемъ, была и другая причина поспѣшности: Анна Гесва, выходя замужъ, была уже беременна, и чрезъ шесть мѣсяцевъ у молодыхъ родилась дочь. Очевидно, что пылкій юноша увлекся или, вѣрнѣе, былъ увлеченъ женщиной болѣе его опытной и, какъ благородный человѣкъ, поспѣшилъ загладить свой проступокъ законнымъ бракомъ. — Что послѣдствіи Шекспиръ осуждалъ эти поспѣшныя, ранніе, заключенныя безъ согласія родителей браки, что онъ считалъ себя виновнымъ передъ своими родными, что онъ, наконецъ,

плохо вѣрилъ въ семейное счастье женщины, вышедшей за человѣка моложе себя—это доказывается многими мѣстами въ его драмахъ. Такъ въ комедіи «Два Веронца» (Дѣйствіе I, сц. I) ранней любви приписывается гибельное вліяніе на судьбу человѣка: «Какъ рано созрѣвшая почка гибнетъ отъ червя раньше, чѣмъ успѣетъ вполне распухнуть, такъ юный и пѣжный умъ превращается любовью въ безуміе, лишается свѣжей весенней зелени и всѣхъ прекрасныхъ надеждъ въ будущемъ». Въ комедіи «Все хорошо, что хорошо кончится» (Дѣйствіе II, сцена III), прямо говорится, что человѣкъ, женившійся молодымъ—пропавшій человѣкъ. Въ «Зимней сказкѣ» (Дѣйствіе IV, сцена VI) Шекспиръ влагаетъ въ уста Поликсена слѣдующія многозначительныя слова, въ автобіографическомъ значеніи которыхъ, зная собственную исторію Шекспира, трудно сомнѣваться: «Сынъ имѣетъ, конечно, право выбирать себѣ жену, но вѣдь и отецъ, полагающій все свое счастье въ достоинствѣ потомствѣ, въ правѣ участвовать хоть со вѣтомъ въ этомъ дѣлѣ». Не мѣняе важно въ автобіографическомъ отношеніи одно мѣсто въ комедіи «Двѣнадцатая ночь» (Актъ II, сцена IV), бросающее свѣтъ на семейныя отношенія Шекспира: «Женщина, говорить герцогу Вольдъ, всегда должна выходить замужъ за человѣка старше себя; съ такимъ она свыкается и будетъ царить въ его сердцѣ, ибо наша мужская привязанность слабѣе, непостояннѣе и требовательнѣе, чѣмъ женская». Гдѣ жили молодые, въ домѣ отца Шекспира или отдѣльно и на какія средства—неизвѣстно. Мы знаемъ только, что съ каждымъ днемъ дѣла старика Шекспира все болѣе и болѣе запутывались и что, вѣроятно, ему было трудно содержать, кромѣ своей семьи, ежегодно увеличивавшуюся семью сына (въ 1585 г. у Шекспира было уже трое дѣтей). При такомъ положеніи дѣлъ оставаться Шекспиру въ Стратфордъ было нелегко; нужно было искать въ другомъ мѣстѣ средства для содержанія семьи. Къ этому главному мотиву Роу присоединяетъ еще одно немаловажное обстоятельство, ускорившее отъѣздъ Шекспира изъ родного города. На основаніи мѣстныхъ преданій онъ сообщаетъ, что Шекспиръ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми охотился въ

Чарльотскихъ лѣсахъ, принадлежавшихъ сару Томасу Люси, что преслѣдуемый за браконьерство, считавшееся тогда серьезнымъ проступкомъ, онъ сочинилъ на сара Люси пасквиль, послѣ котораго ему было бы неблагоприятно оставаться въ Стратфордѣ. Какъ бы то ни было, но въ 1586—1587 году Шекспиръ, оставивъ жену и дѣтей въ Стратфордѣ, отправился въ Лондонъ искать счастья. Мы не знаемъ, чѣмъ руководился Шекспиръ въ выборѣ своей карьеры—дѣтскими-ли впечатлѣніями отъ игры пріѣзжавшихъ въ Стратфордъ актеровъ, зажегшихъ въ его душѣ любовь къ драматическому искусству, или тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Лондонѣ жили его земляки Джонъ Гемингсъ и Ричардъ Борбеджъ, бывшіе родомъ изъ Йоркшира и занимавшіе важное положеніе въ труппѣ лорда камергера—но только Шекспиръ, по пріѣздѣ въ Лондонъ, дѣлается сначала актеромъ, а потомъ и присяжнымъ драматургомъ труппы лорда камергера, игравшей въ Блэкфрайерскомъ театрѣ. Онъ подвигается впередъ такими быстрыми шагами, что уже въ 1592 г. возбуждаетъ зависть въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ драматурговъ того времени—Робертѣ Гринѣ, который, находясь на смертномъ одрѣ, въ посланіи къ своимъ друзьямъ и товарищамъ по драматической дѣятельности, Марло, Пиллю и Нану, составляющемъ послѣсловіе къ его предсмертному памфлету «Копѣйка ума, некупленная милліономъ раскаянія», заклинаетъ ихъ не писать больше для театра и прервать связь съ неблагодарными актерами, «ибо между ними завелась выскочка-ворона, украшенная нашими перьями, съ сердцемъ тигра подъ костюмомъ актера. Этотъ выскочка воображаетъ, что можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и будучи настоящимъ Иваномъ на всѣ руки мастеромъ (Johannes Facitotum), считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, способнымъ потрясать нашей сценой» (Shakescene). Последнія слова, въ которыхъ Гринъ пародируетъ фамилію Шекспира, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что онъ мѣтилъ зѣйс именно въ Шекспира; ими устанавливается тотъ важный для его біографіи фактъ, что уже въ 1592 г. Шекспиръ, соединившій въ своемъ лицѣ профессию актера и драматическаго писателя, отбилъ хлѣбъ у дра-

матурговъ, работавшихъ для театра до появленія его, что онъ уже въ то время, передѣлывая пьесы прежнихъ актеровъ (за что Гринъ и обозвалъ его вороной, украшенной чужими перьями), пользовался такой извѣстностью въ театральныхъ кругахъ, что имѣлъ основаніе считать себя выше всѣхъ современныхъ драматурговъ. Замѣчательно, что оскорбленіе, нанесенное умирающимъ Гриномъ Шекспиру, вызвало протестъ со стороны его собственныхъ друзей и поклонниковъ. Такъ, близкій пріятель Грина и издатель его посмертнаго памфлета, Генри Четтл сожалѣлъ, что онъ не выбросилъ всего мѣста, относящагося къ Шекспиру, «потому что, прибавляетъ онъ, я самъ имѣлъ случай убѣдиться, что поведение его было столь же безукоризненно, сколь превосходна его дѣятельность на избранномъ имъ поприщѣ (актера). Кромѣ того, многіе достойные уваженія люди свидѣтельствуютъ объ его прямотѣ и въ обхожденіи съ людьми, доказывающемъ его честность, и о граціи и остроуміи его твореній, доказывающихъ его художественный талантъ».

Не довольствуясь своими успѣхами въ качествѣ актера и драматурга, Шекспиръ въ 1593 г. издалъ въ свѣтъ свою первую поэму «Венера и Адонисъ», посвятивъ ее въ самыхъ лестныхъ и даже подобоострастныхъ выраженіяхъ своему другу и покровителю лорду Саутампону. Въ посвященіи Шекспиръ называетъ свою поэму «первенцемъ своего поэтического творчества» — знакъ, что свои драматическія произведенія, возбуждавшія такую зависть въ Гринѣ, онъ даже не относилъ къ области поэзіи. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ вторую поэму «Лукреція», посвященную тому же лицу. Тонъ посвященія еще болѣе восторженный, но въ немъ слышится уже удовлетворенное чувство, выражающееся увѣренностью, что его произошеніе будетъ принято благосклонно. Ободренный поддержкой друга и сочувствіемъ публики, Шекспиръ еще съ большей ревностью сталъ трудиться для сцены. Уже въ 1593 г. въ одномъ официальномъ документѣ имя его, какъ члена труппы лорда камергера, стоитъ рядомъ съ именемъ знаменитаго актера Ричарда Борбеджа. Съ открытіемъ въ 1595 г. обширнаго театра Глоубъ, для труппы, игравшей одновременно

въ двухъ помѣщеніяхъ, пошли особенно ходко, и члены ея получали ежегодно не малый дивидендъ. Съ процвѣтаніемъ дѣла труппы связано пріобрѣтеніе Шекспиromъ въ 1597 г. дома въ Стратфордѣ съ службами и садомъ (New Place). Благодаря своей дружбѣ съ Саутамптономъ, привилегированному положенію въ труппѣ, Шекспиръ казался своимъ землякамъ вліятельнымъ и богатымъ человекомъ, къ покровительству и помощи котораго они нерѣдко прибѣгали. Такъ, въ 1598 г. онъ обращался къ Шекспиру съ просьбой, чтобы онъ помогъ своимъ вліяніемъ уполномоченному отъ Стратфорда, Ричарду Куини, добиться у перваго министра лорда Борлея какихъ-то привилегій для города; къ этому году относится письмо того же Куини къ Шекспиру — единственное изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Шекспиру, — въ которомъ онъ проситъ поэта дать ему въ займы 30 ф. ст. — сумму по тому времени довольно значительную, чтобы уплатить его долгъ въ Лондонѣ. Въ этомъ же году мы встрѣчаемъ восторженный отзывъ о Шекспирѣ извѣстнаго критика Миреса, который сравниваетъ его съ Овидіемъ, Плавтомъ и Сенекой. Живя въ Лондонѣ, достигши такого высокаго положенія въ литературѣ, Шекспиръ пользовался знакомствомъ, покровительствомъ и дружбой многихъ знаменитыхъ и вліятельныхъ людей тогдашней Англіи. Кромѣ Саутамптона, онъ былъ болѣе или менѣе близокъ съ другомъ Саутамптона, Эссексомъ, а въ послѣдній періодъ его дѣятельности ему оказывали много знаковъ вниманія лорды Пемброкъ и Монгомерри. Изъ своей пишущей братіи Шекспиръ былъ хорошъ съ драматургомъ Флетчеромъ, съ которымъ они, по преданію, написали одну пьесу (The Two Noble Kinsmen), съ поэтомъ и драматургомъ Чапманомъ, сообщившимъ ему въ рукописи свой переводъ Гомера, которымъ онъ воспользовался въ своей драмѣ «Троилъ и Крессида». Судя по нѣкоторымъ намекамъ, Шекспиръ также лично зналъ поэтовъ: Спенсера, Драйтона, сатирика Дэвиса и др. Но особенно онъ былъ друженъ съ драматургомъ противоположной ему классической школы и главнымъ представителемъ бытовой комедіи, Бэнтъ-Джонсономъ. Изъ своихъ товарищей-актеровъ Шекспиръ находился въ короткихъ, дружескихъ отно-

шеніяхъ съ Ричардомъ Борбеджемъ, Джономъ Гемингсомъ и Генри Конделемъ. Обо всѣхъ троихъ онъ вспоминалъ на смертномъ одрѣ и завѣщалъ каждому изъ нихъ по 26 шиллинговъ, чтобы они купили себѣ золотыя кольца и носили на память о немъ. Было одно излюбленное мѣсто въ Лондонѣ—именно «Mermaid Tavern», гдѣ лондонскіе литераторы сходились по вечерамъ и коротали время въ дружеской бесѣдѣ. «Тамъ то, — говоритъ драматургъ Бомонтъ, не разъ присутствовавшій на этихъ посидѣлкахъ, — можно было послушать рѣчей, до того пропитанныхъ остроуміемъ и юморомъ, что казалось, будто каждый изъ собесѣдниковъ старался вложить все свое остроуміе въ одну шутку». Въ этихъ словахъ содержится намекъ на словесные турниры, зачастую происходившіе между Б. Джонсономъ и Шекспиромъ, которые оба славились своимъ остроуміемъ и потому, само собою разумѣется, были соперниками. Одинъ писатель XVII в. (Thomas Fuller), вѣроятно писавшій со словъ какого-нибудь очевидца, такъ описываетъ обоихъ бойцовъ: «Бэнъ-Джонсонъ, гордый своею ученостью, солидный, но медленный въ своихъ движеніяхъ, напоминалъ всей своей фигурой громадную испанскую гальону. Шекспиръ же, подобно английскому военному кораблю, былъ гораздо меньше объемомъ, но легче оснащенъ и потому болѣе подвиженъ, болѣе способенъ при быстротѣ остроумія изыскать себѣ выгоду изъ всякаго вѣтра». Объ отношеніи Шекспира къ властямъ сохранилось очень мало извѣстій. Извѣстно, впрочемъ, что Елизавета, вообще любившая театръ, оказывала особое вниманіе къ труппѣ, поселившей дорогое ей имя Лейстера, и часто приглашала ее играть при дворѣ. Изъ пьесъ, игравшихъ этой труппой королевѣ, ей въ особенности нравились «Генрихъ IV» Шекспира; по словамъ Бэкона, она не хотѣла вѣрить, чтобы простой актеръ могъ написать такую пьесу, а Роу, на основаніи преданія, сообщаетъ, что Елизавета, восхищенная юморомъ Фольстафа, пожелала видѣть его влюбленнымъ и что во исполненіе этого желанія Шекспиръ написалъ свою комедію «Виндзорскія проказницы». Съ своей стороны Шекспиръ счѣмъ достойнымъ

и поэтическимъ образомъ выразить свою благодарность: въ его комедіи «Сонъ въ лѣтнюю ночь» есть великолѣпное мѣсто о вѣчной весталкѣ запада, въ которой современники не замедлили узнать королеву. Впрочемъ, надо полагать, что въ послѣдніе годы жизни королевы Шекспиръ долженъ былъ замѣтно охладѣть къ ней. Если «Ричардъ II» съ своей знаменитой сценой низложенія короля парламентомъ, игранный по желанію Эссекса много разъ въ различныхъ мѣстахъ Лондона съ цѣлью подготовить населеніе къ предстоящему перевороту, былъ шекспировскій «Ричардъ II», то это обстоятельство является сильнымъ аргументомъ въ пользу того, что нашъ поэтъ питалъ сочувствіе къ замысламъ Эссекса, котораго онъ считалъ своимъ покровителемъ и котораго онъ незадолго передъ тѣмъ восторженно привѣтствовалъ въ послѣсловіи къ «Генриху V». Весьма вѣроятно, что казнѣ Эссекса, оплакиваемого всѣмъ народомъ, и заключеніе въ Тауеръ друга Шекспирова, лорда Саутамптона, окончательно оттолкнули его сердце отъ Елизаветы. Когда вскорѣ послѣ смерти королевы Четтлъ пригласилъ Шекспира уронить свою слезу въ память той, которая такъ цѣнила его талантъ и склоняла свой царскій слухъ къ его пѣснямъ, Шекспиръ не отозвался на этотъ призывъ и продолжалъ хранить упорное молчаніе. Только впоследствии, въ «Генрихѣ VIII», который, во всякомъ случаѣ, долженъ быть одной изъ его послѣднихъ пьесъ, Шекспиръ, взглянувъ на Елизавету съ исторической точки зрѣнія, счѣмъ воздать ей должное и устами архіепископа Крамера произнести ей восторженный панегирикъ. Отношенія Іакова I къ театру были еще болѣе благосклонны. Едва только онъ вступилъ на престолъ, какъ тотчасъ же далъ труппѣ лорда каммергера, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, позволеніе именоваться актерами его величества. Съ восшествіемъ на престолъ Іакова, пьесы Шекспира особенно часто даются при дворѣ. Такъ въ декабрѣ 1603 г., изъ одиннадцати пьесъ, представленныхъ на придворныхъ спектакляхъ въ Уайтхоллѣ, восемь принадлежало Шекспиру. И на этотъ разъ поэтъ не остался въ долгу. Въ «Макбетѣ», напр., встрѣчаются лестные намеки по адресу короля; въ «Генрихѣ VIII» Шекспиръ

искусно связал похвалу Елизаветы съ восхваленіемъ ея преемника.

Соотвѣственно возростающей извѣстности, возрастали и доходы Шекспира. Въ 1602 и въ 1605 гг. онъ купилъ нѣсколько участковъ земли въ Стратфордѣ на суммы весьма значительныя (первый разъ на 320 и второй разъ на 440 фунтовъ). Повидимому, лондонскіе триумфы мало удовлетворяли Шекспира, и онъ тогда уже помышлялъ о возвращеніи на родину, и потому, лишь только онъ приобрѣлъ на столько, что могъ считать себя обезпеченнымъ до конца дней своихъ, онъ не замедлилъ оставить мѣсто своихъ трудовъ, успѣховъ и славы и удалился въ Стратфордъ, гдѣ зажилъ привольной и независимой жизнью зажиточнаго сквайра въ своемъ прекрасномъ домѣ New Place. Когда совершилось это переселеніе Шекспира изъ Лондона, въ точности неизвѣстно; есть извѣстіе, что въ 1608 г., когда умерла его мать, онъ былъ уже въ Стратфордѣ. Переѣхавъ на житье въ родной городъ, Шекспиръ не порвалъ окончательно своихъ связей съ театромъ; по преданію, онъ присылалъ оттуда по одной, а иногда по двѣ пьесы въ годъ и самъ бывалъ по дѣламъ въ Лондонѣ и безъ сомнѣнія видался съ своими друзьями и сподвижниками по сценѣ, которые съ своей стороны не разъ пріѣзжали въ Стратфордъ, чтобы за стаканомъ вина помянуть доброе старое время. Впрочемъ, Шекспиру не долго пришлось наслаждаться досугомъ и комфортомъ, онъ умеръ въ Стратфордѣ 23 апрѣля 1616 г., не достигнувъ старости, на 53 г. своей жизни, и былъ похороненъ въ церкви св. Троицы. На могильной плитѣ Шекспира нѣтъ обозначеній ни имени, ни возраста, ни дня смерти почившаго. Въмѣсто этого, вырѣзаны слѣдующіе загадочные стихи, по преданію сочиненные самимъ поэтомъ, которыми онъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ охранить свой прахъ отъ неистовства пуританъ: «Добрый другъ, кто бы ты ни былъ, но ради І. Христа не тревожь прахъ лежащаго подъ симъ камнемъ. Благословенъ тотъ, кто пощадитъ эту плиту, и проклятѣ тому, кто потревожитъ мои кости».

Незадолго до смерти, Шекспиръ сдѣлалъ духовное завѣ-

щаніе, которое дошло до насъ. Изъ этого документа видно, что у него оставались въ живыхъ сестра Іоанна (по мужу Гартъ) и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, его любимица Сусанна, была замужемъ за докторомъ Холломъ (Hall), а меньшая — Юлиѣ въ стратфордскимъ виноторговцемъ Томасомъ Куини. Раздѣливъ между ними все свое довольно значительное имущество: дома, земли, уголья и деньги, входя во всѣ подробности наслѣдованія, Шекспиръ какъ будто не случайно устранилъ отъ наслѣдства самое близкое къ себѣ существо — свою жену. Положимъ, по закону судьба ея была обезпечена, потому что она и безъ того получала вдвойню часть, но все-таки упоминаніе о ней какъ бы мимоходомъ въ концѣ завѣщанія (женѣ же моей завѣщаю мою вторую лучшую постель съ принадлежностями) послѣ того, какъ онъ щедро одѣлилъ всѣхъ своихъ дѣтей, внуковъ и даже племянниковъ, звучитъ чуть не прощески. Это обстоятельство, равно какъ и то, что Шекспиръ сдѣлалъ своими душеприказчиками не жену, но дочь и зятя, наводитъ на мысль, что великій поэтъ не былъ особенно счастливъ въ своей семейной жизни, что въ послѣднее время отношенія между супругами были на столько нехороши, что Шекспиръ не задумался въ официальномъ документѣ выразить свое недовѣріе къ женѣ. Хотя прямыхъ свидѣтельствъ объ отношеніи Шекспира къ матери дѣтей его нѣтъ, но если соединить вмѣстѣ всѣ косвенныя улики, всѣ преданія объ его лондонской жизни и всѣ намеки въ его собственныхъ произведеніяхъ, то можно придти къ заключенію, что отношенія эти были довольно холодныя. Будь эти отношенія болѣе теплыя и сердечныя, Шекспиръ, конечно, не удовольствовался бы своими кратковременными побѣдами въ Стратфордѣ, не перевезъ бы жену въ Лондонъ, сдѣлалъ бы ее участницей своей славы и своихъ триумфовъ.

Изъ скудости біографическихъ свѣдѣній о Шекспирѣ, не слѣдуетъ заключать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики (напр. Рюмелинъ), что Шекспиръ въ свое время не пользовался извѣстностью, что общество относилось къ его дѣятельности довольно равнодушно. Дѣло въ томъ, что литературной извѣстности въ нашемъ смыслѣ слова въ XVI в. не

существовало. XVI в. былъ вѣкъ великихъ изобрѣтателей, реформаторовъ, полководцевъ, авантюристовъ, словомъ, дѣятелей практическихъ. За жизнью и приключеніями этого рода людей общество слѣдило со страстнымъ участіемъ, и они одни только удостоивались біографій. Литературная дѣятельность считалась дѣятельностью низшаго порядка, и люди, восхитившіеся поэмами Спенсера и сонетами Даніэля, мало интересовались личностями самихъ поэтовъ. Еслибы сэръ Филиппъ Сидней написалъ только свои стихотворенія и свою «Аркадію», а не былъ бы блестящимъ полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ, то о жизни его мы едва-ли бы имѣли больше свѣдѣній, чѣмъ о жизни Шекспира; къ этому нужно прибавить, что изъ всѣхъ отраслей литературы занятіе драматическимъ искусствомъ считалось наименѣе достойнымъ истиннаго поэта. Что самъ Шекспиръ раздѣлялъ такой взглядъ на драму, что онъ не считалъ своихъ пьесъ поэтическими произведеніями—это видно изъ того, что посвящая въ 1593 г. свою поэму «Венеру и Адонисъ» лорду Саутампτονу, Шекспиръ, бывшій уже авторомъ многихъ пьесъ, называлъ свою поэму «первенцемъ своего поэтического творчества»; послѣ этого нечего и удивляться, что самые ранніе похвальные отзывы о Шекспирѣ относятся не къ его драматическимъ произведеніямъ, а къ его поэмамъ, имѣвшимъ большой успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ. Таковы отзывы Анонима и Драйтона (1594 г.). Ричарда Баррифилда (1598). За свои поэмы Шекспиръ былъ названъ своими современниками сладкимъ и медоточивымъ (*mellifluous, honeytongued*) поэтомъ. Только въ 1598 г. извѣстный критикъ Миресъ однако восторженно отнесся какъ къ его поэмамъ, такъ и къ его драмамъ. Два года спустя въ пьесѣ «Возращеніе съ Парнаса» (*Return from Parnassus*) прямо говорится, что Шекспиръ отодвинулъ на задній планъ всѣ университетскія перья и въ томъ числѣ самого Бэнь-Джонсона. Въ 1603 и 1604 гг. относится замѣчаніе Габріэля Гарвея, «что молодежь восхищается Шекспириной поэмой «Венера и Адонисъ», но что люди болѣе зрѣлые предпочитаютъ его «Лукрецію» и его «Гамлетаръ». Но самый восторженный отзывъ о Шекспирѣ

принадлежитъ его другу Бэнь-Джонсону; онъ предпосланъ первому изданію *in folio* произведеній Шекспира, изданному въ 1623 г., черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти его товарищамъ-актерами Гемингсомъ и Конделемъ. Здѣсь Бэнь-Джонсонъ, не обинуясь, ставитъ Шекспира не только наравнѣ, но даже выше величайшихъ драматурговъ всѣхъ временъ и народовъ.

Гораздо болѣе скудны отзывы современниковъ о Шекспирѣ, какъ актерѣ и человѣкѣ. Выше были приведены отзывы Грина и Четтля, сущность которыхъ сводится къ тому, что уже въ 1592 г. Шекспиръ достигъ высокаго положенія, какъ актеръ и драматургъ и что нравственный характеръ его внушалъ глубокое уваженіе многимъ достопочтеннымъ людямъ. Мнѣніе Четтля о нравственномъ характерѣ Шекспира подтверждается слѣдующими словами Бэнь-Джонсона, сказанными много лѣтъ спустя послѣ смерти Шекспира: «Я любилъ этого человѣка и болѣе чѣмъ кто-либо чту его память, ибо пометинъ это была честная, прямая и свободная натура». Изъ эпитета *gentle* (милый, кроткій), постоянно сопровождающаго его имя, мы имѣемъ полное право заключить, что въ характерѣ Шекспира преобладали мягкія черты, которые дѣйствовали beneficialно на людей. О сценической дѣятельности Шекспира сохранилось очень мало свѣдѣній. Изъ сохранившихся отзывовъ Гамлета даетъ актерамъ, видно, что онъ былъ большимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ сценической игры. Обри (около 1680 г.) свидѣтельствуеетъ, что по собраніямъ имъ свѣдѣніямъ Шекспиръ былъ превосходнымъ актеромъ. Роу, писавшій на основаніи преданій, собранныхъ актеромъ Беттертономъ, прибавляетъ къ этому, что лучшей ролью Шекспира была роль тѣни стараго короля въ Гамлетѣ. Вѣроятно, благодаря величавой осанкѣ, Шекспиру часто поручали играть роли королей, и по этому поводу одинъ современникъ замѣчаетъ, что если-бы Шекспиру не было суждено изображать королей только на сценѣ, то онъ самъ могъ бы быть другомъ и собесѣдникомъ королей. Кромѣ того, есть извѣстіе, что Шекспиръ игралъ въ трагедіи Бэнь-Джонсона «Сеянь» и въ его же комедіи «Every man in his humour» (1593), которая, по свидѣтельству Роу, и была принята на сцену, толь-

ко благодаря личному влиянію Шекспира. Изъ произведеній Шекспира видно, что онъ по своему времени былъ человекъ весьма образованный, пополнившій недостатокъ школьнаго образованія обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ. Новѣйшая критика пришла къ заключенію, что онъ зналъ французскій и итальянскій языки, что кромѣ классиковъ, извѣстныхъ ему главнымъ образомъ въ англійскихъ переводахъ, онъ былъ знакомъ съ произведеніями корифеевъ тогдашней мысли и литературы: Аріосто, Рабле, Джордано Бруно, Монтеня, Монтмайора, Мендозы и др. Обзорѣнію драматическихъ произведеній Шекспира должно предшествовать обзорѣніе его раннихъ поэтическихъ опытовъ, его поэмъ и сонетовъ, ибо они бросаютъ яркій свѣтъ на юношескую душу поэта и заключаютъ въ себѣ зародыши идей и возрѣвій, которыя впоследствии либо расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ, либо подъ влияніемъ опыта и размышленія подверглись значительнымъ измѣненіямъ въ его драматическихъ произведеніяхъ. Начнемъ съ первенца его поэтического творчества, съ поэмы «Венера и Адонисъ» (1593). Хотя поэма эта написана въ господствовавшемъ тогда модномъ итальянскомъ стилѣ, хотя содержаніе ея заимствовано у Овидія, но въ обработкѣ сюжета юный поэтъ сумѣлъ проявить свою художественную самостоятельность и освѣтилъ взаимныя отношенія Венеры и Адониса совершенно инымъ свѣтомъ, чѣмъ они освѣщены у римскаго поэта. У Овидія Адонисъ—отрокъ, еще не понимающій наслажденій любви; онъ бѣжитъ страстныхъ призваній богини любви только вслѣдствіе своей физической незрѣлости. У Шекспира къ этому мотиву прибавленъ другой мотивъ, нравственный—отвращеніе стыдливаго и цѣломудреннаго сердца отъ любви исключительно чувственной, отъ страсти животной.

Изъ словъ, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста Адониса, ясенъ взглядъ юнаго поэта на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ человѣческой жизни и нравственности. Еще въ молодости, когда по свидѣтельству одного изъ своихъ сонетовъ, Шекспиръ самъ перѣдко находился подъ игомъ своей страстной природы, онъ, однако, не опоэтизировалъ чувственной страсти, не изобразилъ ее въ привлекательномъ свѣ-

тѣ. Онъ очень хорошо понималъ, что страсть составляетъ только одну сторону любви, но не ея сущность, что только идеальный элементъ очеловѣчиваетъ чувственное влеченіе, которое безъ этого элемента способно возбуждать въ молодой, нравственно здоровой душѣ одно отвращеніе.

Столь же самостоятельнымъ является молодой поэтъ въ обработкѣ сюжета второй своей поэмы—«Лукреція», заимствованнаго изъ первой книги Ливія. Въ поэмѣ Шекспира нѣтъ той пластичности, того лаконизма и той строгой простоты, которые характеризуютъ собою манеру великаго римскаго историка. Лукреція Шекспира непохожа на застывшую въ своей безысходной скорби, величавую и неподвижную, какъ античная статуя, Лукрецію Ливія. Она женщина новаго времени: она сентиментальна, она любитъ расплываться въ жалобахъ, украшая свою рѣчь риторическими блестками въ модномъ эвфуистическомъ стилѣ, но если античный типъ Лукреціи нѣсколько искаженъ у Шекспира, за то вся поэма проникнута новымъ, гуманнымъ духомъ и весьма интересна въ автобіографическомъ отношеніи, потому что въ ней поэтъ не разъ сопровождаетъ описаніе событій размышленіями объ себѣ, бросающими яркій свѣтъ на его нравственные убѣжденія. Первый вопросъ, который затрогивается Шекспиромъ по поводу Лукреціи, это вопросъ о такъ называемой формальной нравственности, основанной на людскихъ предразсудкахъ и обращающей вниманіе только на голый фактъ. Подвергшаяся насилию со стороны Тарквинія, Лукреція считаетъ себя опозоренной на-вѣки, думаетъ, что насиліе могло у нея отнять честь; не желая пережить своего позора, она убиваетъ себя и умираетъ съ надеждой, что этимъ путемъ она можетъ восстановить свою утраченную честь, свое погибшее женское достоинство. Такъ смотритъ на дѣло и Ливій и удивляется величію духа римской героини, для которой честь была выше жизни. Противъ этого-то ложнаго взгляда и возстаетъ юный поэтъ со всей энергіей своего страстнаго убѣжденія, какъ бы предупреждая мнѣніе тѣхъ изъ своихъ читателей, которые съ нравственной грубостью, свойственной традиціонной формаль-

общественнымъ положеніемъ, его восторженное отношеніе къ высокопоставленному другу, который, пренебрегая въковыми предразсудками, великодушно протянулъ поэту руку черезъ раздѣлявшую ихъ социальную бездну и тѣмъ возвысилъ его въ глазахъ общества; уныніе, происходившее вслѣдствіе того, что этотъ другъ сталъ дарить своимъ вниманіемъ другихъ поэтовъ, уныніе, смѣняющееся гордымъ сознаніемъ своихъ силъ и таланта, несомнѣнно присущимъ каждому истинному поэту—вѣсь эти ощущенія, поэтически выраженные въ сонетахъ, до такой степени должны были соответствовать дѣйствительнымъ ощущеніямъ Шекспира, что нужно особое упорство теоріи, чтобы отрицать ихъ автобіографическое значеніе.

Для удобства изложенія, сонеты Шекспира можно раздѣлять на нѣсколько группъ. Въ большинствѣ сонетовъ первой и самой обширной группы (отъ 1 до 126) изображаются отношенія Шекспира къ высокопоставленному другу, которому онъ общалъ безсмертіе. Это апофеозъ дружбы; никогда дружба не выражалась такимъ пламеннымъ языкомъ, никогда она не проявляла столько восторженности и самоотверженія. Здѣсь поэтъ вспоминаетъ о сближеніи своемъ съ другомъ, о разлукѣ, о взаимномъ охлажденіи, происшедшихъ вслѣдствіе того, что другъ сталъ склонять свой слухъ къ пѣснямъ другихъ поэтовъ, жалуется на свою презираемую обществомъ профессію (outcaste state), съ которой примиряетъ его только вниманіе друга, даетъ понять, что другъ, такъ имъ любимый, отбилъ у него его возлюбленную и т. д. Все это заключается гимномъ торжествующей дружбы. Поэтъ прощаетъ другу и его непостоянство, и его вѣроломный поступокъ и, какъ истинный мудрецъ, даже находитъ благо въ своемъ самоотреченіи.

Вторую группу (128—152) составляютъ сонеты, въ которыхъ описывается отношеніе поэта къ одной лондонской дамѣ, особѣ далеко некрасивой, весьма легкомысленной, не способной внушить къ себѣ уваженіе, но обладавшей всѣми тайнами женскаго кокетства. Изъ сонетовъ видно, что эта любовь томилъ Шекспира, какъ горячечный бредъ (*My love is a fever*—говоритъ онъ въ 147 сонетѣ), что передъ ней были безсильны всѣ доводы разсудка, всѣ призывы къ че-

сти и собственному достоинству. «Когда моя возлюбленная клянется, что она правдива, я вѣрю ей, хотя знаю, что она лжетъ». (Сонетъ 138). «Какой силой ты заставляешь меня любить тебя сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ я открываю въ тебѣ новые поводы, чтобы презирать тебя?» (Сонетъ 150). Воплотившаяся въ своемъ могуществѣ, легкомысленная и бездушная кокетка недостойно играла пылкимъ сердцемъ поэта, то мучила его холодною, то умоляла о прощеніи, то кокетничала при немъ съ другимъ. Не будучи долго въ состояніи выносить эту нравственную пытку, поэтъ въ одномъ прекрасномъ сонетѣ (139) обращается къ своей мучительницѣ съ просьбой, сказать ему всю правду, «какъ бы она ни была горька».

Долго-ли продолжалось это недостойное рабство поэта передъ женщиной, которую онъ не могъ даже уважать—неизвѣстно. Изъ сонетовъ видно, что кокетка поймала въ свои сѣти юнаго Шекспира, и что поэтъ безъ боя уступилъ ее своему сопернику и даже больше ревновалъ друга къ ней, чѣмъ ее къ нему. Большинство англійскихъ критиковъ упорно отрицаетъ за этой группой сонетовъ автобіографическое значеніе на томъ основаніи, что они бросаютъ тѣнь на нравственную личность поэта. Но англійская шепетливость въ данномъ случаѣ неумѣстна. Подобно всѣмъ поэтамъ, Шекспиръ долженъ былъ заплатить дань своей молодости и своей страстной природѣ. Онъ самъ сознается, что страсть была его грѣхомъ, что увлеченіе придавало новую юность и какъ бы обновляло его сердце. Не переживи онъ самъ этого періода, и онъ, по всей вѣроятности, не изобразилъ бы съ такой глубокой правдой обольстительныя чары Клеопатры и то искусство, съ какимъ она опутала своими сѣтями сердце Антонія. Считаю эти сонеты плодомъ поэтической фантазіи Шекспира, видѣть въ его жалобахъ и страданіяхъ (какъ это дѣлають Найтъ и Делюсъ) страданія литературныя, едва-ли основательно, ибо сквозь условную форму сонета, сквозь пеструю ткань традиціонныхъ образовъ и выражений ярко просвѣчивается искреннее чувство и горячая страсть.

Въ высшей степени любопытна группа сонетовъ общаго содержанія, въ которыхъ поэтъ затрагиваетъ коренные во-

просы человеческого существованія, говорить о славі, о бренности всего земного и безсмертія души. Советы эти не образуютъ особаго отдѣла; они разбѣдены безъ всякой системы между другими советами, но въ нихъ есть общая черта — это горькое разумье надъ жизнью, показывающее, что и въ молодые годы Шекспиръ былъ склоненъ къ пессимизму и разочарованію. Такимъ, напр., чувствомъ проникнутъ 66 советъ, который критики не безъ основанія сближаютъ съ знаменитымъ монологомъ Гамлета: «Быть или не быть». «Итъ, я не хочу жить больше! Уставши видѣть, какъ заслуга осуждена быть попрошайкой, какъ награда сыплется на рабовъ, какъ насиліе связываетъ языкъ искусству, я жадно призываю покой смерти». Только глубокая вѣра въ безсмертіе души спасала поэта отъ отчаянія, только она помогала ему переносить удары судьбы: «бѣдная душа, центръ моей грѣшной плоти, игралище враждебныхъ элементовъ, тебя облекающихъ, зачѣмъ ты такъ томишься и страдаешь? Зачѣмъ ты такъ тратишься на убранство твоего эфемернаго жилища? Развѣ смерть твоего тѣла есть вмѣстѣ съ тѣмъ и твоя смерть? Лучше живи на счетъ твоего слуги, или что потеряешь тѣло, выиграешь ты, промѣнявъ временное на вѣчное» и т. д.

Принимая въ соображеніе не только внѣшніе (хронологическія данныя, свидѣтельства современниковъ, стихосложеніе), но и внутреннія доказательства (эстетическія достоинства, стиль, господствующее настроеніе) можно раздѣлить драматическую дѣятельность Шекспира на четыре періода, которые будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ моментами въ развитіи его художественнаго творчества и міросозерцанія.

Къ первому, раннему періоду Шекспировскаго творчества, крайними гранями котораго нужно поставить 1587—1594 гг., относятся главнымъ образомъ передѣлки чужихъ пьесъ (Перикль, Генрихъ VI, Титъ Андроникъ, Укрощеніе строптивой и др.), успѣхъ которыхъ на сценѣ Блэкфраерскаго театра возбудилъ такое негодованіе въ умирающемъ Гринѣ. Здѣсь Шекспиръ, очевидно, еще не нашедшій своего пути и пробующій свои силы, подпадаетъ, съ одной стороны, подъ вліяніе напыщенно-кровавой трагедіи Кіда и Марло, съ дру-

гой, — подъ вліяніе Плавта («Комедія ошибокъ») и итальянскихъ комедій и повелѣлъ. Едва-ли не самой характеристической пьесой этого періода является «Титъ Андроникъ». Желая овладѣть симпатіями публики, закалившей свои нервы на кровавыхъ трагедіяхъ Кіда, Шекспиръ прибѣгаетъ къ рискованному средству возбужденія ужаса до послѣднихъ предѣловъ. Луки крови, отрубленные руки и вырѣзанные языки наполняютъ собою сцену, оглушаемую раскатами напыщенныхъ монологовъ. Чтобы отомстить Таморѣ, погубившей его сыновей и дочь, Титъ Андроникъ убиваетъ ее собственнхъ руками, начинаясь ихъ мясомъ пирога и угощаетъ имъ мать. ГERVINUS справедливо замѣтилъ, что, читая эту пьесу въ связи съ послѣдующими произведеніями Шекспира, чувствуешь себя въ какой-то чуждой, отталкивающей сферѣ, но если читать ее на ряду съ произведеніями Кіда и Марло, то родство между ними замѣчается сразу. Хотя вся пьеса написана въ ложно-риторическомъ стилѣ, хотя характерамъ ея приданы размѣры, нарушающіе всякую илюзію, тѣмъ не менѣе и въ ней есть шекспировскіе штрихи. Такъ въ демоническомъ характерѣ трагическаго злодѣя Аарона есть черта (иронія), роднящая его съ Ричардомъ III и Яго, и монологъ Марка, брата Титова (во 2-мъ актѣ), когда онъ увидѣлъ свою изувѣченную племянницу, и небольшая сцена Тита съ мухой (въ III актѣ), въ которой такъ прекрасно выдѣлался, наболѣвшая отъ горя душа героя, даютъ уже предчувствовать будущаго Шекспира. Сказанное о Титѣ Андроникѣ прилагается и къ юношескимъ комедіямъ Шекспира. Интрига ихъ поражаетъ своею наивною, а ходъ дѣйствія — своею запутанностью и невѣроятностью; комизмъ ихъ чисто внѣшній, основанный либо на игрѣ словъ, либо на внѣшнемъ сходствѣ и переодѣваніи и происходящей отсюда путаницѣ, но въ этихъ раннихъ плодахъ комической музы Шекспира есть не мало превосходныхъ деталей, поэтическихъ монологовъ, хорошо веденныхъ сценъ. Нѣкоторые характеры, напр., характеръ шута-слуги Лаунса въ «Двухъ Веронцахъ» и Адриана въ «Комедіи ошибокъ» очерчены мастерски. Было бы рискованно вмѣстѣ съ GERVINUSOMъ находить глубокую

идею въ такомъ бойкомъ и остроумномъ фарсѣ, какъ «Укрощеніе строптивой», но нельзя не сознать, что по отношенію къ драматической техники эта пьеса далеко оставляетъ за собой «Двухъ Веронцевъ» или «Комедию ошибокъ». Последней пьесой этой ранней группы комедій должна быть поставлена «Потерянная усилія любви» — скорый сатира, чѣмъ комедія, гдѣ Шекспиръ въ лицѣ донъ Армадо осмѣиваетъ тотъ искусственный цвѣтущій и напыщенный стиль, которому онъ самъ заплатилъ обильную дань въ Титѣ Андроникѣ и Генрихѣ VI. Эта первая самостоятельная пьеса, изобилующая проблисками Шекспирова гения, можетъ служить переходною ступенію отъ юношескихъ произведеній Шекспира къ произведеніямъ второго или среднего періода.

Этотъ періодъ обнимаетъ собою не болѣе шести или семи лѣтъ (1595—1601); но въ этотъ короткий промежутокъ времени талантъ Шекспира достигаетъ изумительнаго развитія и проявляетъ свою силу въ созданіи самыхъ разнообразныхъ формъ драмы. Рядъ ихъ открываетъ собою первая оригинальная трагедія Шекспира «Ромео и Юлія», о которой уже въ 1595 г. упоминаетъ одинъ современникъ. Сдѣлавъ сценой дѣйствія своей пьесы Италію, Шекспиръ заплатилъ этимъ дань симпатіи обитавшей землѣ гуманизма, поэзіи и искусства, а выдержавъ въ ней повсюду итальянскій колоритъ, онъ ясно показалъ, что былъ одаренъ способностью переноситься въ социальную атмосферу всякой страны. Въ этой пьесѣ, какъ замѣтилъ уже нашъ Пушкинъ, отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, пѣгмой, советами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ вѣги и concetti. «Ромео и Юлію» не даромъ называютъ поэмою юношеской любви. Дѣйствительно, все, что есть поэтического и трагическаго въ весилномъ чувствѣ, охватывающемъ молодя сердца и соединяющемъ ихъ въ вѣки, все дышетъ въ этомъ произведеніи, которое Шлегель весьма удачно назвалъ восторженнымъ гимномъ и похоронной пѣсней любви. Почти одновременно съ «Ромео и Юліей» была написана фантастическая комедія «Сонъ въ лѣтнюю ночь», гдѣ Шекспиръ далъ полный просторъ своей фантазіи, гдѣ на ряду съ реаль-

ными лицами дѣйствуютъ существа фантастическія, легкія какъ вѣтеръ, неуловимыя какъ сонъ, которые устраиваютъ различныя проделки надъ людьми. Если въ «Ромео и Юліи» схвачена съ трагической стороны любовь, основанная на глубокое чувствѣ, то въ этой пьесѣ, написанной въ стилѣ придворныхъ комедій Лиали, изображена въ лицѣ Титаниа, влюбленной въ ослиную голову, комическая сторона любви, пмѣющей свой источникъ въ прихоти и игрѣ фантазіи и потому дѣлающаяся жертвой шаловливаго Амура. Слогъ этихъ двухъ произведеній цвѣтущій, аффектированный, носитъ на себѣ отпечатокъ глубоко-взволнованной души поэта, которая страдаетъ избыткомъ чувства и фантазіи и облакаетъ свои мысли въ пурпуръ и злато, громоздитъ образъ на образъ, сравненіе на сравненіе и все еще какъ бы не можетъ наговориться. Въ другихъ произведеніяхъ, относящихся къ этому періоду, замѣчается меньше восторженности и аффектаціи, но за то болѣе глубокое проникновеніе въ сущность жизни и болѣе живой интересъ къ вопросамъ времени. Въ «Венеціанскомъ купцѣ» поэтъ затрогиваетъ важный нравственный вопросъ объ отношеніи формальной правды къ высшей правдѣ нравственной, основанной на состраданіи и милосердіи къ людямъ, и пораженіе Шейлока его же собственнымъ оружіемъ показываетъ, какой стороны онъ держался. Въ комедіи «Двѣнадцатая ночь», въ лицѣ Мальволіо предана посмѣянью пуританская нетерпимость и святотатство. Въ пьесѣ «Все хорошо, что хорошо оканчивается», нанесенъ сильный ударъ принципу родословной гордости. Когда графъ Бертранъ Русильонскій, гордый своимъ происхожденіемъ, отвергаетъ достойную дѣвушку, единственно потому, что она не знатнаго рода, ему приходится выслушать суровый урокъ короля, и даже собственная мать отказывается отъ него. Въ комедіи «Много шума изъ пустяковъ» въ рамку романческаго сюжета, заимствованнаго изъ новеллы Банделло, вставлена прелестная, полная непосредственнаго комизма бытовая картина, гдѣ дѣйствуютъ полицейскіе. Едва-ли не самымъ оригинальнымъ плодомъ описываемаго переходнаго періода является группа историческихъ драмъ или драматическихъ хроникъ

изъ англійской исторіи («Король Іоаннъ», «Ричардъ II», «Ричардъ III», «Генрихъ IV» въ двухъ частяхъ, и «Генрихъ V»). Большинство нѣмецкихъ критиковъ видитъ въ этой группѣ циклъ, какъ нѣчто цѣльное, органически связанное одной общей идеей, и выбивается изъ силъ, чтобы угадать эту идею и выяснить ее на отдѣльныхъ пьесахъ. По этому поводу проф. А. Н. Веселовскій (въ своемъ разборѣ русскаго перевода книги Жене) справедливо заключаетъ, что о циклѣ можно бы еще разговаривать, если бы драмы Шекспира появились въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ ихъ разсматриваютъ нѣмецкіе критики; но какъ нарочно Шекспиръ началъ не съ «Ричарда II» и «Генриха IV», но съ «Генриха VI» и «Ричарда III», т.-е. съ конца цикла, а потомъ уже обратился къ началу. Чтобы отстоять идею цикла, нужно, по мнѣнію нашего критика, доказать, что въ то время, когда Шекспиръ создавалъ «Генриха VI» и «Ричарда III», въ его фантазіи уже заранѣе опредѣлялось мѣсто, которое эти пьесы должны въ современемъ занять въ серіи еще ненаписанныхъ драмъ, что при спѣшной работѣ Шекспира представляется дѣломъ мало вѣроятнымъ. Драматическія хроники имѣютъ важное значеніе въ развитіи шекспировскаго творчества. Въ своихъ фантастическихъ комедіяхъ онъ вращался въ общей сферѣ человѣческихъ чувствъ, гауптстей и капризовъ, изрѣдка только позволяя себѣ коснуться современной дѣйствительности. Историческія драмы прикрѣпили его къ землѣ, изощрили его взглядъ въ области практическихъ отношеній извѣстной эпохи. Герои драматическихъ хроникъ преслѣдуютъ практическія задачи, добиваются власти, почта; ихъ интересы сталкиваются съ интересами другихъ лицъ, вѣяніями времени, традиціями старины. Мотивируя дѣйствія своихъ героев, драматургъ долженъ былъ принять въ соображеніе не только особенности ихъ характера, но и особенности ихъ историческаго положенія. Тутъ мало геніальнаго проникновенія въ душу человѣка: тутъ нужно пристальное изученіе эпохи, ея жизненныхъ интересовъ и ея политическихъ партій. Слѣды этого изученія критики находятъ въ историческихъ драмахъ Шекспира, въ которыхъ, вообще говоря, за немногими исключеніями, вѣрно

характеризуются духъ эпохи и ея важнѣйшіе дѣятели съ ихъ стремленіями, принципами и интересами. Что до драматической композиціи историческихъ драмъ Шекспира, то она страдаетъ нѣрѣдко недостатками, свойственными всеѣмъ произведеніямъ этого періода: отсутствіемъ единства и внутреннего центра, этическимъ характеромъ дѣйствія, не всегда правильнымъ мотивированіемъ поступковъ дѣйствующихъ лицъ и развитіемъ эпизодовъ, до того самостоятельныхъ, что въ нихъ иногда переносится главный интересъ дѣйствія. Впрочемъ, послѣднее отступленіе отъ драматической техники съ избыткомъ вознаграждается художественнымъ достоинствомъ самихъ эпизодовъ. Такъ въ «Генрихѣ IV» Шекспиръ мимоходомъ (въ эпизодѣ о «Фольстафѣ») положилъ основы бытовой комедіи и создалъ безсмертный типъ «Фольстафа» — это воплощеніе бездѣлья, веселости, сластолюбія, остроумія и неистощимаго юмора — забавныя похожденія котораго больше интересуютъ насъ, чѣмъ серьезное дѣйствіе пьесы. Если согласиться съ Дауленомъ, что Шекспиръ, окончивъ свои драмы изъ англійской исторіи, нуждался въ отдыхѣ для своего воображенія и въ такомъ настроеніи, стремясь освѣжиться и развлечься, написалъ комедію «Какъ вамъ угодно», то къ этому же времени и настроенію нужно отнести и «Винзорскихъ проказницъ», единственную бытовую комедію Шекспира, гдѣ въ лицѣ Фольстафа осмѣяно прогорѣвшее и безпутное рыцарство, чванное своимъ происхожденіемъ и думающее оказать большую честь мѣщанамъ, соблазняя ихъ женъ. Комедія «Какъ вамъ угодно» совершенно въ другомъ родѣ; это — прелестная идиллія, игравшая и граціозна пастораль, отъ которой вѣетъ свѣжестью Арденскаго лѣса, гдѣ происходитъ ея дѣйствіе. Гармонію общаго веселья нѣсколько нарушаетъ странная личность меланхолика Жака, сантиментальнаго жуира, драпирующагося въ свое отчасти напускное разочарованіе, служащее какъ бы прологомъ къ болѣе серьезному и глубокому разочарованію «Гамлета».

Въ третьемъ, зрѣломъ періодѣ шекспировскаго творчества (отъ 1602 — 1608) главной задачей драматурга является изображеніе потрясеннаго страстью человѣческаго духа. Это періодъ великихъ трагедій («Гамлетъ», «Макбетъ», «Отелло»

и т. д.), которые суть выѣтъ съ тѣмъ и психологическіе этюды. Здѣсь Шекспиръ касается глубокихъ тайнъ человѣческаго существованія; здѣсь драматическій талантъ его достигаетъ полной зрѣлости и самостоятельности, и соответственно этому въ дикцію его замѣчается больше художественной простоты, ежакости, силы, и самый стихъ дѣлается свободнѣе и гибче (ризма почти исчезаетъ). Если существуетъ тѣсная связь между душевнымъ состояніемъ поэта и его произведеніями, одна ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этомъ періодѣ Шекспиромъ по временамъ овладѣвало мрачное, близкое къ пессимизму, настроеніе, подъ влияніемъ котораго все представлялось ему въ мрачномъ цвѣтѣ. Не то, чтобы онъ утратилъ вѣру въ добро и правду—созданіе такихъ идеальныхъ характеровъ, какъ Корделія, Дездемона, Порція, Брутъ, доказываетъ противное, — но онъ утратилъ вѣру въ торжество добра и справедливости на землѣ; онъ ясно видѣлъ, что зло, вооруженное всѣми кознями хитрости и коварства, всегда возьметъ верхъ надъ простодушнымъ и искреннимъ добромъ, что страсти могутъ исказить самую благородную натуру и привести ее къ преступленію и гибели. Результатомъ этого убѣжденія было горькое раздумье надъ жизнью, которое выразилось прежде всего въ созданіи «Гамлета» (1602). Это трагедія разочарованія; это плачъ по разбитымъ жизнью надеждамъ. Ни въ одно изъ своихъ произведеній Шекспиръ не вложилъ столько своей собственной души, нигдѣ онъ такъ не сливался съ своимъ героемъ, не думалъ его мыслями, не плакалъ его слезами. Въ этой трагедіи выведена натура благородная, чувствительная, полная возвышенныхъ порываній къ идеалу, но созерцательная и негодная для жизненной борьбы. Зрѣлище окружающаго его безбрежнаго океана эгоизма, пошлости и коварства парализуетъ и безъ того слабую волю Гамлета; онъ останавливается, какъ вкопанный, передъ этой пучиной зла, и выѣто того, чтобы бороться съ нимъ и возстановить потрясенный въ своихъ основахъ правственный міръ, онъ можетъ только жаловаться и проклинать. Какъ трагедія, «Гамлетъ» не выдерживаетъ строгой критики, потому что главный интересъ ея перенесенъ изъ міра виш-

него, служащаго поприщемъ дѣйствія героя трагедіи, въ изнывающую въ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ душу его, но какъ психологическій этюдъ, какъ откровеніе идей и воззрѣній автора, пьеса эта занимаетъ исключительное положеніе среди драмъ Шекспира. Гамлету приходится одному сражаться съ цѣлымъ міромъ коварства и зла, и не мудрено, что этотъ идеалистъ и рефлектирующий созерцатель оказывается несостоятельнымъ передъ такой, достойной героя, задачей; въ «Отелло» и «Макбетъ», написанныхъ вскорѣ послѣ «Гамлета», герои не могутъ совпадать съ своими собственными страстями и падаютъ подъ ихъ разрушительнымъ дѣйствіемъ. Задачи, преслѣдуемая авторомъ въ этихъ двухъ трагедіяхъ, столько же драматическаго, сколько психологическаго и этического свойства. Отелло прямъ, честенъ, благороденъ, но онъ доверчивъ къ людямъ, безумно любитъ жену, считаетъ себя мало достойнымъ ея, и на этихъ-то основаніяхъ строить свой адскій замыселъ Яго и, прикрываясь личиной дружбы и солдатской преданности къ начальнику, вливаетъ въ душу Отелло каплю яда ревности, сразу отравляющую его горячую, африканскую кровь. Макбетъ, хотя и лишенный врожденнаго благородства Отелло, выведенъ въ началѣ пьесы героемъ и полководцемъ, возбуждающимъ восторгъ въ своихъ подчиненныхъ, но онъ честолюбивъ и суевѣренъ, и на эти двѣ удочки и ловить его зло. Въ пьесѣ находится мастерской анализъ развитія и разрушительнаго дѣйствія этихъ двухъ свойствъ на душу Макбета, которая мало-по-малу дѣлаютъ изъ героя коварнаго убійцу и злого деспота, обогнающаго себя кровью своихъ подданныхъ. Иную задачу поставилъ для себя Шекспиръ въ королѣ Лирѣ. Его цѣлью было изобразить очистительную силу человѣческаго страданія. Здѣсь выведена возвышенная и благородная, но искаженная деспотизмомъ власти и лестью окружающихъ натура. Съ поразительнымъ искусствомъ изобразилъ Шекспиръ, какъ эта гордая и властительная натура, привыкшая считать свою волю закономъ, мало-по-малу смягчается и просвѣтляется подъ ударами обрушившихся на него несчастій и страданій. Въ послѣднихъ актахъ пьесы добрые инстинкты, дремавшіе въ душѣ

Дира, пробуждаются; онъ встаетъ во весь свой нравственный ростъ, и подобно тому, какъ взволнованное бурей море выбрасываетъ на берегъ драгоценные перлы, изъ глубоко потрясенной души царственного страдальца вмѣстѣ со стонами и безумными рѣчами вырываются рѣчи, полныя глубокой мудрости и пламенной любви къ человечеству. Къ этому же періоду относятся три драмы изъ римской исторіи («Юлій Цезарь», «Коріоланъ» и «Антоній и Клеопатра»), главнымъ источникомъ которыхъ были Плутарховы жизнеописанія великихъ людей классической древности. Эта чудная книга, которую м-ръ Роланъ въ своихъ мемуарахъ мѣтко назвала «пшней великихъ душъ» («la pature des grandes âmes»), до того очаровала Шекспира, что онъ заимствовалъ изъ нея не только матеріалъ для своихъ пьесъ, но и античное освѣщеніе этого матеріала. Вліяніемъ Плутарха объясняется идеализация Брута (въ «Юліи Цезарь»), энтузіаста свободы и заклатаго прага единовластія, котораго воспитанный въ монархическихъ традиціяхъ Шекспиръ выставляетъ идеаломъ человѣка; вліяніемъ Плутарха, вообще пристрастнаго къ патриціямъ, объясняется взглядъ Шекспира на плебея (въ «Коріоланъ»), какъ на безпокойную и лишенную всякаго политическаго смысла уличную толпу. Къ описываемому періоду нужно также отнести глубокомысленную драму «Мѣра за мѣру», своимъ мрачнымъ характеромъ неуступающую «Гамлету». Подобно «Коріолану», «Мѣра за мѣру» есть драма гордости; разница между ними въ томъ, что герой первой пьесы есть представитель родословной аристократической гордости римскихъ патриціевъ; тогда какъ «Анжелло» — представитель пуританской гордости духа, соединенной съ пуританскою нетерпимостью и аскетизмомъ. Посрамленіемъ этой гордости, не устоявшей противъ перваго искушенія, Шекспиръ ясно показалъ, что онъ плохо вѣрилъ въ искренность и нравственную стойкость партій, хотѣвшей въ припадкѣ своей гордости и мрачнаго изуверства перестроить по своему образцу, жизнь старой, веселой Англіи.

Четвертый и послѣдній періодъ драматическаго творчества Шекспира характеризуется критикой не совсѣмъ точно, какъ періодъ величественнаго покоя и примиренія съ жизнью.

Подъ эту характеристику можно подвести только три послѣднія произведенія Шекспира: «Цимбелина», «Зимнюю сказку» и «Бурю». Что касается до «Троила и Крессиды», и «Тимона Аѳинскаго», то общій колоритъ ихъ довольно мраченъ. Первая пьеса есть исторія женскаго легкомыслія и предательства; вторая — исторія пѣннаго и благороднаго сердца, разбитаго людскимъ эгоизмомъ и неблагодарностью. Но мизантропическое настроеніе, создавшее эти двѣ пьесы, скоро смѣняется другимъ, болѣе свѣтлымъ и утѣшительнымъ. Укрыленный жизненнымъ опытомъ, драматургъ не приходитъ въ отчаяніе отъ жизненныхъ противорѣчій и, повиному, скорѣе готовъ вѣрить въ торжество добра, чѣмъ зла. Это измѣнившееся настроеніе тотчасъ же отражается на общемъ колоритѣ и развязкѣ «Цимбелина», «Зимней сказки» и «Бури». Неприведенно запозорѣвшія Имогена и Гермона восстанавливаются во всѣхъ правахъ своихъ и снова занимаютъ прежнія мѣста въ сердцахъ мужей своихъ, раскаяніе которыхъ сильнѣе, чѣмъ ихъ проступокъ. Просперо, пришедшій къ убѣжденію, что прощенье отрадіе мщенія, прощаетъ враговъ, изгнавшихъ его изъ отечества, лишь только онъ убѣдился, что раскаяніе ихъ искренно; словомъ, всѣ диссонансы разрѣшаются въ общую гармонію, наполняющую собою многострадальную душу поэта. Эмилъ Монтегю, Лоуэлъ (Lowell), а за ними и остальные критики не безъ основанія считаютъ «Бурю» поэтическимъ завѣщаніемъ Шекспира и отождествляютъ могучаго волшебника Просперо, готоваго раздробить свой магическій жезлъ и спрятать свою волшебную книгу такъ глубоко, что ее никто не достанетъ, съ великимъ чародѣемъ драматическаго искусства, который, уставъ отъ трудовъ и триумфовъ, удаляется на покой въ Стратфордъ, не открывая никому тайны своего творчества и власти надъ сердцами людей.

Произведенія Шекспира представляютъ собою завершеніе эволюціи елизаветинской драмы, высшій моментъ ея развитія. Въ ея оригинальныя черты, всѣ ея составные элементы, какъ положительные, такъ и отрицательные, либо смягчаются, либо пріобрѣтаютъ глубокий смыслъ въ его произведеніяхъ. Унаслѣдовавъ отъ старинной драмы смѣшеніе траги-

ческаго съ комическимъ, приводящее въ отчаяніе эстетическую критику, Шекспиръ сумѣлъ придать этой оригинальной чертѣ глубокий смыслъ. Въ своихъ раннихъ комедіяхъ онъ, по примѣру Лилли, вводилъ шутовъ и клоуновъ, совершенно не нужныхъ ни для хода дѣйствія, ни для характеристики главныхъ героевъ. Назначеніе ихъ было потѣшать своими забавными выходками публику; такихъ личностей у Шекспира встрѣчается не мало, но рядомъ съ ними онъ создаетъ типы Фольстафа и шута короля Лира. Первый изъ нихъ объясняетъ намъ одну сторону богатой натуры принца Гарри. Зная Фольстафа, мы понимаемъ, почему принцъ тянется туда, гдѣ царствуютъ юморъ и веселье, которыхъ онъ не находитъ при дворѣ отца своего. Не менѣе важна въ экзотическомъ пьесы роль шута короля Лира, человека, одареннаго большимъ умомъ и изысканнымъ юморомъ, который является какъ бы воплощенною совѣстью короля и въ продолженіе всей пьесы прекрасно отбѣиваетъ собою его характеръ. Въ его изысканныхъ шуткахъ есть извѣстный методъ и система, потому что все онъ направлено къ одной цѣли. Неправильность постройки, отсутствіе внутренняго центра, фантастическій характеръ дѣйствія, условнаго романтическими источниками, были столько же оригинальными чертами, сколько и недостатками старинной англійской драмы, перешедшими по наслѣдству къ Шекспиру. И у него мы нѣрѣдко встрѣчаемъ неправильность постройки, двойную интригу и вытекающія изъ нея два параллельныя дѣйствія, но онъ умѣетъ искусно связать ихъ съ характеромъ героя и придать не въ мѣру обширнымъ эпизодамъ такую художественную прелесть, что зрители интересуются ими иногда даже больше, чѣмъ главнымъ дѣйствіемъ. Изучая произведенія Шекспира (въ особенности раннія) въ связи съ произведеніями его предшественниковъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ способѣ пользованія источниками, композиціи пьесъ, до нѣкоторой степени даже въ мотивированіи дѣйствія все они слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же приемамъ, такъ что разница между ними по отношенію къ художественной Technikъ заключается не столько въ самомъ приемѣ, сколько въ большой или меньшей

степени его совершенства. Полной самостоятельности Шекспиръ достигаетъ въ третьемъ періодѣ, — періодѣ великихъ трагедій: «Гамлета», «Макбета», «Отелло» и др., которыя являются образцами не только по глубинѣ содержанія, но и по правильности формы, по стройности плана и мастерскому его выполнению. Въ это время достигаетъ высшей степени своего развитія оригинальная черта Шекспирова гения — творчество характеровъ, соединяющихъ въ себѣ общее съ индивидуальнымъ; въ это время драма превращается подъ его рукой въ глубокомысленное поэтическое произведеніе, обильное великими, далеко озаряющими идеями и тонкимъ психологическимъ анализомъ человеческихъ страстей. Любимой задачей драматурга является изображеніе различныхъ ненормальныхъ душевныхъ состояній (лунатизма, помѣшательства, мономаніи), точному анализу которыхъ не даромъ удивляется современная психіатрія. Замѣчательно, что въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности Шекспиръ снова возвращается къ пережитому имъ, повидимому, типу фантастической драмы и создаетъ «Зимнюю сказку», пьесу во вкусѣ Грина, сюжетъ которой онъ къ тому же заимствуетъ изъ повѣли Грина «Пандосто».

Толкователи Шекспира потратили не мало времени и остроумія, чтобы извлечь изъ драмъ Шекспира ихъ общую философскую сторону и на основаніи ея опредѣлить его религіозные, политическіе и этическіе идеалы. Исходя изъ различныхъ точекъ отправленія, они естественно должны были прійти и къ различнымъ результатамъ. Одинъ изображали Шекспира католикомъ, другіе протестантомъ, третьи скептикомъ и даже атеистомъ, одни — на основаніи драматическихъ хроникъ — считали его роялистомъ, горячимъ сторонникомъ божественнаго права королей; другіе — главнымъ образомъ на основаніи римскихъ драмъ — приверженцемъ республиканскихъ учреждений. И тѣ, и другіе забывали, что все наши рамки и классификаціи слишкомъ узки для гения, предъявляющаго къ своимъ героямъ болѣе высокія требованія. Не принадлежность къ извѣстному лагерю или извѣстной партіи склоняетъ симпатію Шекспира къ извѣстному лицу, но безкорыстное стремленіе къ народному благу, энергія духа, неподкупность нравствен-

наго чувства. Вотъ почему онъ отвернулся отъ забывшаго свой долгъ Ричарда II (хотя какъ поэтъ и пережилъ съ нимъ его страданія) и прославилъ безкорыстнаго, проникнутаго возвышенными стремленіями республиканца Брута. Вездѣ онъ съумѣлъ отдѣлать сущность отъ внѣшней формы и, преклоняясь передъ первой, не придавалъ большаго значенія второй. Вотъ почему всѣ попытки зачислить Шекспира либо въ протестантскій, либо въ католическій лагерь заранѣе осуждены на безплодіе. Считая сущностью религіи вѣру въ Бога и любовь къ человѣчеству, онъ былъ равнодушенъ къ догматическимъ различіямъ между церквами; для него, какъ для Эразма и другихъ лучшихъ людей эпохи Возрожденія, еретиками были не тѣ, кого жгли, но тѣ, которые зажигали костеръ. Ученіемъ любви и терпимости проникнуты и его нравственные воззрѣнія. Только великая и любвеобильная душа могла вложить въ уста просвѣщеннаго несчастіями короля Лира золотыя слова: «Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!» которыми, какъ ореоломъ, окружается нравственная личность Шекспира.



ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клавдій, король Даніи.
Гамлетъ, сынъ прежняго и племянникъ нынѣшняго короля.
Полоній, камергеръ.
Гораціо, другъ Гамлета.
Лазръ, сынъ Полонія.
Вольтимандъ
Корнелій
Розенкранцъ
Гильденштернъ } придворные.
Озрикъ.
Марцеллъ } офицеры.
Бернардо. }
Рейнальдо, слуга Полонія.
Франциско, воинъ.
Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.
Призракъ прежняго короля.
Священникъ.
Капитанъ.
Посолъ.
Два могильщика.
Нѣсколько актеровъ.
Придворный.
Гертруда, королева Даніи, мать Гамлета.
Офелія, дочь Полонія.
Баптиста, театральная королева.
Придворные кавалеры и дамы, офицеры, солдаты, матросы
послы, лица изъ королевской свиты и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Даніи.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Эльснпортъ. Платформа передъ замкомъ.

Франциско стоитъ на часахъ; къ нему подходитъ Бернардо.

БЕРНАРДО. Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО. Нѣтъ, ты мнѣ отвѣчай! Стой! говори, кто самъ-то ты.

БЕРНАРДО. Да здравствуетъ король!

ФРАНЦИСКО. Бернардо?

БЕРНАРДО. Онъ самый.

ФРАНЦИСКО. Ты очень исправно явился въ свой часъ.

БЕРНАРДО. Только-что пробило двѣнадцать. Ступай Франциско, ложись спать.

ФРАНЦИСКО. Спасибо, что ты припелъ мнѣ на смѣну. Такой холодъ, что я продрогъ, да и сердце что-то ноетъ.

БЕРНАРДО. Было все спокойно, пока ты стоялъ на часахъ?

ФРАНЦИСКО. Ни одна мышъ не шевельнулась.

БЕРНАРДО. И такъ, покойной ночи. Если ты встрѣтишь Гораціо и Марцелла, которымъ предстоитъ вмѣстѣ со мною стоять на часахъ, скажи, чтобы они поторопились (*входятъ Гораціо и Марцелл*).

ФРАНЦИСКО. Я, кажется, слышу ихъ шаги. Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦИО. Друзья Даніи.

Марцеллъ. И вѣрноподданные ея короля.

Франциско. Покойной вамъ ночи.

Марцеллъ. Прощай, честный воинъ. Кто смѣнилъ тебя на часахъ?

Франциско. Бернардо занялъ мое мѣсто. Покойной ночи!

Марцеллъ. Эй! Бернардо!

[Уходитъ].

Бернардо. Скажи, Горацію здѣсь?

Горацію. Если не весь, то частица его.

Бернардо. Добро пожаловать, Горацію! Добро пожаловать, добрый Марцеллъ!

Марцеллъ. Ну, а то существо являлось нынче опять?

Бернардо. Я ничего не видалъ.

Марцеллъ. Горацію увѣряетъ, будто это одно воображеніе, и не хочетъ вѣрить, чтобы намъ два раза являлось это страшное видѣніе. Поэтому я убѣдилъ его побыть нынѣшнюю ночь съ нами, чтобы,—на тотъ случай, если призракъ явится снова,—подтвердить наши слова и заговорить съ видѣніемъ.

Горацію. Вотъ увидите, что оно не явится.

Бернардо. Сядемъ пока и позволь мнѣ еще разъ утрудить твой слухъ,—хотя онъ и сильно защищенъ противъ вѣры въ наши слова,—и еще разъ разказать тебѣ то, что мы видѣли уже дважды.

Горацію. Хорошо, сядемъ и послушаемъ, что разкажетъ намъ Бернардо.

Бернардо. Когда прошедшею ночью вотъ та звѣзда, что отъ полюса склоняется къ западу, совершивъ свой путь, перестала освѣщать ту часть неба, гдѣ она горитъ теперь, и когда только-что пробилъ часъ, оба мы съ Марцелломъ увидали...

Марцеллъ. Тсс... замолчи! Вотъ онъ идетъ опять (*появляется призракъ*).

Бернардо. Совершенное подобіе покойнаго короля.

Марцеллъ. Ты человѣкъ ученый; заговори съ нимъ, Горацію.

Бернардо. Развѣ онъ не похожъ на короля? Горацію, взгляди съ вѣ него хорошенько.

Горацію. Поразительно похожъ. Меня бросаетъ въ дрожь отъ ужаса и отъ изумленія.

Бернардо. Ему какъ будто хочется, чтобы съ нимъ заговорили.

Марцеллъ. Горацію, обратись къ нему съ вопросомъ.

Горацію. Кто ты, и зачѣмъ, пользуясь полною порою, ты беззаконно присвоилъ себѣ величавый и воинственный обликъ недавно похороненнаго короля Дани? Именемъ самаго неба заклинаю тебя, говори!

Марцеллъ. Онъ какъ будто оскорбился.

Бернардо. Смотри, онъ уходитъ.

Горацію. Стой! Говори! Говори! Заклинаю тебя, говори (*Призракъ уходитъ*).

Марцеллъ. Ушелъ и не захотѣлъ отвѣтить.

Бернардо. Что скажешь ты, Горацію? Ты блѣднѣешь и весь дрожишь... Это нѣчто побольше, чѣмъ воображеніе? Что ты объ этомъ думаешь?

Горацію. Говорю, какъ передъ Богомъ, ни за что-бы не повѣрилъ, еслибы не очевидное, не полное свидѣтельство собственныхъ моихъ глазъ.

Марцеллъ. И какъ, не правда-ли, похожъ на короля?

Горацію. Какъ ты на самого себя. Онъ въ тѣхъ-же доспѣхахъ, какіе были на немъ, когда онъ сражался съ честолюбивымъ норвежцемъ, и я однажды видѣлъ, какъ онъ такъ-же нахмурилъ брови, когда послѣ сердитыхъ переговоровъ вышвырнулъ поляка изъ саней и ударилъ его о ледъ. Очень это странно.

Марцеллъ. Тоже дважды было и ранѣе и въ тотъ-же самый глухой часъ ночи. Онъ тою-же воинственною походкой прошелъ мимо насъ, пока мы стояли на часахъ.

Горацію. Чѣмъ собственно объяснить все это, не знаю; но, по моему крайнему разумѣнію, это служить для нашего государства предзнаменованіемъ великихъ бѣдъствій.

Марцеллъ. Хорошо, сядемте, и пусть тотъ, кто знаетъ, объяснить мнѣ, зачѣмъ заставляютъ подданныхъ этой страны мучиться каждую ночь, стоя на часахъ, и строго, и зорко исполнять обязанности стражи. Скажите также, зачѣмъ еже-

дневно отливаются новыя мѣдныя пушки, зачѣмъ всѣ эти купленные въ чужихъ краяхъ военные запасы? Зачѣмъ заставляютъ рабочихъ, строящихъ суда, трудиться такъ усиленно, что для нихъ нѣтъ даже разницы между воскресеньемъ и буднями? Къ чему эти торопливыя приготовления, производящіяся въ потѣ лица и заставляющія ночь принимать участіе въ работѣ трудового дня? Объясни мнѣ это, кто можетъ?

ГОРАЦІО. Я могу... насколько, по крайней мѣрѣ, я слышалъ. Покойный нашъ король, образъ котораго намъ только что являлся, получилъ, какъ вамъ извѣстно, отъ Фортинбраса норвежскаго, подстрекаемаго гордостью потягаться силами съ властелиномъ Дании, вызовъ на бой. Нашъ доблестный король Гамлетъ,—а кѣмъ во всемъ извѣстномъ мірѣ не были признаны его доблести?—убилъ Фортинбраса. Въ силу условія, какъ слѣдуетъ скрѣпленнаго печатами и законнымъ образомъ засвидѣтельствованнаго герольдикой, Фортинбрасъ вмѣстѣ съ жизнью лишился и всѣхъ своихъ земель, которыя должны были перейти къ побѣдителю. Точно такъ-же и нашъ король обязанъ былъ отвѣчать соответствующею частью своихъ владѣній, которыя должны были-бы достаться Фортинбрасу, если бы побѣда осталась за послѣднимъ, такъ-же, какъ, въ силу нѣсколькихъ статей того-же договора, земли побѣжденнаго перешли къ королю Гамлету. Теперь, другъ мой, молодой Фортинбрасъ, какъ-бы выкованный изъ грубаго металла, юноша необузданный и пылкій, собралъ на окраинахъ Норвегіи значительную толпу изъ неприсяжущихъ никакимъ законамъ головорѣзовъ, которые изъ за пищи, чтобы только быть сытыми, готовы отвѣжиться на какое угодно предпріятіе, лишь бы отъ него была пожива для желудка. Дѣлается это,—по предположеніямъ нашего правительства,—съ цѣлью вооруженною рукою вернуть себѣ земли, утраченныя его отцомъ. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, идутъ такіа приготовления, зачѣмъ всюду разставляютъ стражу, и вотъ почему во всемъ государствѣ кипитъ такая сѣбичная суетока.

БЕРНАРДО. Мнѣ также кажется, что ты правъ, и другихъ

причинъ быть не можетъ. Пожалуй, этимъ объясняется и появленіе зловѣщаго образа, въ полномъ вооруженіи проходящаго мимо стражи и такъ сильно похожаго на покойнаго короля, который и былъ, и есть главной причиной обѣихъ войнъ, прошедшей и предстоящей.

ГОРАЦІО. Пылника эта способна омрачить зрѣніе разсудка. Въ самое слабое и цѣтущее время Рима, не задолго передъ тѣмъ, какъ погибнуть могущественному Юлію, могли оставаться пустыми, а мертвые въ саванахъ съ зубоннымъ скрежетомъ и съ воємъ бродили по римскимъ улицамъ. Это сопровождалось появленіемъ звѣздъ съ огненными хвостами, кровавою росой; на солнцѣ выступали предвѣщающія несчастья пятна, а влажное свѣтло, подъ чѣмъ вліяніемъ находится царство Нептуна, померкло и казалось, будто затмѣнію конца не будетъ до самаго страннаго суда. Тѣ-же самыя знаменія, предвѣщающія грозныя событія, всегда идутъ впереди рѣшеній судьбы и служатъ предшественниками неизбѣжныхъ бѣдствій. Они появляются и на небѣ, и на землѣ; ихъ-то могутъ теперь видѣть у насъ наши соотечественники (*призракъ возвращается*). Но, тише! Смотрите сюда! Онъ возвращается! Я прегражду ему дорогу, даже если бы меня за это убило громомъ... Стой, призракъ! Если ты можешь издать хоть одинъ звукъ, если имѣешь возможность говорить, отвѣчай мнѣ! Если надо сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, могущее способствовать твоему успокоенію или моему спасенію, отвѣчай мнѣ! Если тебѣ извѣстно, что родной твоей странѣ грозитъ какая-нибудь бѣда, которую можно счастливо предотвратить, узнавъ о ней заранее, отвѣчай! Или если ты при жизни, вынужденный силою какихъ-нибудь обстоятельствъ, зарылъ въ нѣдра земли накопленные сокровища, а за это ты, призракъ, осужденъ блуждать по землѣ послѣ смерти, говори (*Вдали кричитъ птица*). Остановись и отвѣчай! Удержи его! Марцеллъ.

МАРЦЕЛЛЪ. А если придется ударить его бердышемъ?

ГОРАЦІО. Если онъ не захочетъ остановиться, ударь!

МАРЦЕЛЛЪ. Онъ все еще здѣсь?

ГОРАЦИО. Да, здѣсь (*призракъ удаляется*).

МАРЦЕЛЛЪ. Ушелъ. Напрасно мы къ такому величавому существу обращались съ угрозою и даже прибѣгали къ насилію. Онъ неуязвимъ, какъ воздухъ, и наши удары имѣютъ только видъ злой насмѣшки.

БЕРНАРДО. Онъ, кажется, хотѣлъ заговорить, но ему помѣшалъ пѣтухъ.

ГОРАЦИО. Онъ содрогнулся, словно преступное существо, заслыша грозный окликъ. Я слыхалъ, что пѣтухъ — трубачъ утра, пробуждающій бога дня своимъ громкимъ и пронзительнымъ голосомъ, и по этому сигналу, всѣ заблудшіе и бродящіе ночью призраки, гдѣ бы они ни находились: — на днѣ морскомъ или въ огнѣ, на землѣ или въ воздухѣ, должны мгновенно вернуться въ могилы. Доказательствомъ этому служить то, что мы сейчасъ видѣли.

МАРЦЕЛЛЪ. Да, онъ исчезъ тотчасъ послѣ того, какъ запѣлъ пѣтухъ. Увѣряютъ, будто при наступленіи времени, когда мы празднуемъ Рождество Христа-Спасителя, эта птица, предвѣстница зари, поетъ на пролетѣ всю ночь, и тогда, говорить, не смѣетъ появляться ни одинъ призракъ. Ночи эти здоровыя; время это такъ свято и милостиво, что ни одна планета не можетъ имѣть вреднаго вліянія, ни одной вѣдьмѣ не дозволено сѣять бѣдствія, ни одной колдунѣ пускать въ ходъ свои чары.

ГОРАЦИО. Я слыхалъ то же самое и отчасти этому вѣрю. Однако, смотрите, на востокѣ утро, одѣтое въ красноватый плащъ, ступаетъ по росѣ высокаго пригорка. Теперь и намъ пора уйти съ караула. Мой совѣтъ вамъ — сообщить молодому Гамлету все, что мы видѣли за нынѣшнюю ночь; я убѣжденъ, что этотъ призракъ, оставшіяся нѣмымъ, при нашихъ заклинаніяхъ, съ нимъ-то заговорить. Я думаю, вы оба согласны, что необходимо повѣдать принцу эту тайну. Къ тому обязываютъ насъ и наша къ нему привязанность, и нашъ долгъ.

МАРЦЕЛЛЪ. Такъ мы и поступимъ. Я знаю, гдѣ всего вѣроятнѣе можно будетъ встрѣтить его въ наступающее утро. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Эльсиноръ. Тронный залъ въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лазрть, Вольтимандъ, Корнелий, придворные и свита.

Король. Хотя кончина нашего дорогаго брата Гамлета еще свѣжа у насъ въ памяти; хотя я понимаю, что скорбь должна была бы переполнять наши сердца и отражаться на всѣхъ безъ исключенія лицахъ нашихъ подданныхъ, однако разсудокъ, находящійся въ вѣчной борьбѣ съ чувствомъ, заставляетъ насъ благоразумно скорбѣть объ умершемъ, но въ то-же время не забывать и о себѣ. Вотъ та наша бывшая сестра, а теперь наша королева и соправительница надъ воинственнымъ государствомъ, которую мы избрали себѣ въ супруги. Подавленные страданіемъ въ то-же время радостно вступили мы въ этотъ бракъ, улыбаясь однимъ глазомъ, тогда-какъ на другомъ выступали слезы. Похоронные нагѣвы чередовались съ свадебными пѣснями. Грусти отводилось ровно столько-же мѣста, какъ и веселью. Во всемъ этомъ дѣлѣ мы не могли устоять противъ вашихъ мудрыхъ совѣтовъ, предложенныхъ вами добровольно; примите-же всѣ нашу благодарность. Однако, перейдемъ теперь къ другому. Какъ вамъ извѣстно, юный Фортинбрасъ, — вѣроятно, имѣя слабое понятіе о нашихъ боевыхъ силахъ или воображая, будто за смертью дорогаго нашего брата все наше государство даетъ трещины и готово превратиться въ развалины, а также будучи черезъ чуръ высокаго мнѣнія о себѣ самомъ, — не перестаетъ докучать намъ своими посланіями, требуя возврата земель, законно перешедшихъ отъ его отца къ нашему добрѣйшему брату. Теперь узнайте причины, подавшія поводъ къ этому собранію. Мы приготовили посланіе къ королю норвежскому, — онъ дядя молодого Фортинбраса, — человѣку разслабленному, не встающему съ постели и едва знакомому съ намѣреніями своего племянника, проси его положить конецъ затѣямъ сумасброднаго юноши, такъ-какъ послѣдній вербуетъ солдатъ и набираетъ войско исключительно изъ норвежскихъ под-

данныхъ. Поэтому мы поручаемъ тебѣ, любезный Корнелій, я тебѣ, Вольтимандъ, отвести наше полное всякихъ добрыхъ пожеланій посланіе старику - норвежцу. Чѣмъ ограничиваются ваши личныя полномочія въ сношеніяхъ вашихъ съ королемъ, вы узнаете вотъ изъ этихъ письменныхъ и подробныхъ указаній. Поѣзжайте-же; скоростю исполненія возложеннаго на васъ порученія вы докажете мнѣ свою преданность.

Корнелій и Вольтимандъ. Мы въ данномъ случаѣ докажемъ вамъ ее такъ-же, какъ и во всемъ другомъ.

Король. Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Прощайте. Отъ всего сердца желаю вамъ счастливаго пути (*Вольтимандъ и Корнелій уходятъ*). Что новаго скажешь намъ ты, Лаэртъ? Ты намъ говорилъ, что имѣешь къ намъ просьбу. Въ чемъ-же она заключается? Если то, чего ты желаешь отъ короля Даніи, разумно, ты не потратишь своихъ словъ даромъ. Чего-бы ты ни пожелалъ, Лаэртъ, я заранее готовъ дать свое согласіе на все, даже не зная еще содержанія просьбы. Голова не такъ готова служить сердцу, а руки рту, какъ престолъ Даніи готовъ доказать Полонію свою благосклонность. И такъ, Лаэртъ, чего-же ты желаешь?

Лаэртъ. Высокочитимый государь, я прошу васъ разрѣшить мнѣ снова вернуться во Францію. Я добровольно покинулъ эту страну и прибылъ въ Данію, чтобы привѣтствовать васъ при вашемъ коронованіи; теперь-же, когда эта обязанность исполнена, я не могу не сознаться, что всѣ мысли мои, всѣ желанія стремятся къ Франціи. Затѣмъ, государь, смиренно прося прощенія, снова повторяю прежнюю свою просьбу.

Король. А отецъ согласенъ отпустить тебя? Что говоритъ Полоній?

Полоній. Государь, онъ такъ докучалъ своею просьбой, что, наконецъ, вырвать у меня согласіе. Однако, хоть и скрѣпя сердце, я согласился и теперь умоляю васъ позволить ему уѣхать.

Король. Поѣзжай когда угодно, Лаэртъ. Время принадлежитъ тебѣ; распоряжайся имъ такъ, какъ тебѣ подска-

жутъ самыя прихотливыя твои желанія... Ну, а ты, Гамлетъ, племянникъ нашъ и сынъ...

Гамлетъ (*про себя*). Родство между нами близкое, но все-таки мы далеки одинъ другому.

Король. Затѣмъ облака печали до сихъ поръ омрачаютъ твое чело?

Гамлетъ. Не можетъ этого быть, государь: я слишкомъ близко стою къ солнцу.

Королева. Добрый мой Гамлетъ, сними съ себя черныя какъ ночь, одежды и обрати на короля Даніи дружественный взоръ. Подними свои опущенныя вѣки и перестань упорно отыскивать въ прахѣ у себя подъ ногами прахъ твоего благороднаго отца. Это всеобщая участь; ты знаешь самъ:—все живущее должно когда-нибудь по волѣ природы перейти въ вѣчность.

Гамлетъ. Да, государыня, эта участь всеобщая.

Королева. Затѣмъ-же, если такъ, оно въ данномъ случаѣ кажется тебѣ чемъ-то особеннымъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, государыня, оно мнѣ не кажется, а есть на самомъ дѣлѣ. Ничего кажущагося здѣсь нѣтъ. Ни мой темный, какъ чернила, плащъ, добрая моя родительница, ни этотъ торжественный трауръ, въ который мы облакаемся не обязанности, ни тяжкіе вздохи, вылетающіе изъ подавленной груди, ни ручки, изливающіеся изъ глазъ, ни унылое выраженіе лица, ни всѣ эти формы, виды и вишіе признаки скорби не могутъ дать понятія о томъ, что у меня на душѣ. Все это можетъ казаться, потому что выставляется на показъ и можетъ быть притворнымъ. Но то, что происходитъ во мнѣ, притворнымъ быть не можетъ; все остальное только сбуя и украшенія скорби.

Король. Съ твоей стороны очень трогательно и тебѣ дѣлаетъ большую честь, что ты такъ скорбишь по отцѣ и даже послѣ его смерти исполняешь относительно его свой сыновній долгъ. Но ты долженъ знать, что и у твоего отца былъ отецъ, какъ былъ и у послѣдняго тоже отецъ, котораго каждый изъ нихъ лишился. Каждый оставшійся въ живыхъ, ради исполненія сыновняго долга, обязанъ на нѣкоторое время

облечься въ печальныя траурныя одежды; но настойчивая, упорная тоска только служить признакомъ безбожнаго упрямства. Такая тоска недостойна человѣка; она служить признакомъ, что воля человѣка возмущается противъ небесъ, что душѣ его такъ-же чужда сила, какъ и способность терпѣливо переносить страданія, что умъ его недалекъ и не воздѣланъ образованіемъ. Скажи, зачѣмъ изъ за того, что, какъ намъ всѣмъ извѣстно, должно было совершиться неизбежно и въ сущности самое обыденное и общее для всѣхъ явленіе, выпасть въ угрюмое уныніе и слишкомъ близко принимать это явленіе къ сердцу? Стыдись! это обида небесамъ, обида умершимъ, обида природѣ, нелѣпная обида разуму, для котораго смерть отцовъ не болѣе, какъ общее мѣсто, и который при видѣ трупа какъ перваго покойника, такъ и того, кто умеръ сегодня, неумолимо говоритъ: — «такъ быть должно!» Мы просимъ тебя отбросить эту безсильную скорбь и видѣть въ насъ отца. Знай, — да пусть и всѣ это знаютъ, — что нѣтъ человѣка, ближе стоящаго къ нашему трону, чѣмъ ты, и я люблю тебя самую искреннею отеческою любовью. Что-же касается твоего намѣренія вернуться въ Виттенбергъ и продолжать тамъ ученіе, то мы умоляемъ тебя, согласишься остаться здѣсь, дабы утѣшать и утѣшать наши взоры, такъ какъ первое лицо при нашемъ дворѣ — ты, племянникъ нашъ и сынъ.

Королева. О, Гамлетъ, не заставляй родную мать молить тебя напрасно. Прошу тебя, останься съ нами, не уѣзжай въ Виттенбергъ.

Гамлетъ. Государыня, приложу всѣ старанія, чтобы повиноваться вамъ всегда и во всемъ.

Король. Вотъ это отвѣтъ приличный; въ немъ видна сноровка привязанности. Оставайся, какъ и мы, въ Даніи. Идемте, королева. Это любезное и невынужденное рѣшеніе Гамлета настолько приятно моему сердцу, что я хочу, чтобы сегодня, каждый разъ, какъ я поднесу къ губамъ кубокъ, пушки сообщали о томъ облакамъ и чтобы каждый заздравный возгласъ короля повторялся въ небесахъ, какъ отголо-

сокъ громовъ земныхъ. Идемте! (*Король, Королева, Полоній, Лазртъ и придворные уходятъ*).

Гамлетъ. Ахъ, если-бы это черезъ чуръ крѣпкое тѣло могло растаять, разлиться и разсыпаться росой! О, еслибы Предвѣчный не грозилъ за самоубійство всѣми своими громами! Боже, о Боже, какими утомительными обветшалами, плоскими и безплодными кажутся мнѣ всѣ земныя радости! Міръ мнѣ гадокъ, гадокъ! Онъ невыполотый садъ, весь заросшій сорными травами и гдѣ зрѣютъ сѣмена всего, что есть грубаго, отвратительнаго въ природѣ... Кто бы могъ подумать, что дойдешь до этого! — Всего два мѣсяца, какъ онъ умеръ! Нѣтъ, даже и двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ еще не прошло, какъ умеръ онъ, такой превосходный король. Разница между ними была такъ-же громадна, какъ между Гипериономъ и сатиромъ. Какъ нѣжно любилъ онъ мою мать! Онъ, если бы это было возможно, запретилъ бы самому вѣтру небесному слишкомъ рѣзко прикасаться къ ея лицу. О небо и земля, зачѣмъ вынужденъ я помнить? Какъ она льнула къ нему, словно по мѣрѣ ихъ насыщенія желанія ея все возрастали, и всетаки черезъ мѣсяцъ... Нѣтъ, полно объ этомъ думать. Бренность имя тебѣ, женщина! Въ такой короткій срокъ, какъ мѣсяцъ! Не износились еще тѣ башмаки, въ которыхъ она провожала гробъ моего несчастнаго отца, какъ Юбей, вся въ слезахъ... и вотъ даже она, о Боже! лишенное разума животное и то протосковало-бы долѣ! — да, она жена моего дяди, брата моего отца, который такъ-же мало похожъ на моего отца, какъ я на Геркулеса. И это всего только черезъ мѣсяцъ, ранѣе, чѣмъ соль ея живыхъ слезъ перестала раздражать ея покраснѣвшіе глаза, она уже снова замужемъ! Какой позоръ!... Такъ торопливо броситься на кровосмѣнительное ложе! Такой отвратительный поступокъ не можетъ повести ни къ чему хорошему. Надрывайся, сердце, когда я вынужденъ сдерживать языкъ! (*Входятъ Бернардо, Гораціо и Марцеллъ*).

Горацій. Привѣтъ вамъ, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ видѣть тебя здоровымъ. Вѣдь ты Гораціо, если не измѣнишь мнѣ память.

Горацио. Онъ самый, ваше высочество, и какъ всегда
вашъ покорнѣйшій слуга.

Гамлетъ. Лучше называй себя моимъ другомъ; обмѣ-
няемся съ тобою этимъ именемъ. Что заставило тебя уѣхать
изъ Виттенберга?... А, Марцеллъ!

Марцеллъ. Ваше высочество...

Гамлетъ. Очень радъ тебя видѣть. Здравствуй. Однако,
скажи-же, Горацио, почему ты уѣхалъ изъ Виттенберга?

Горацио. Дѣнь напала, принцъ.

Гамлетъ. Я даже и врагу твоему не позволилъ-бы такъ
отзываться о тебѣ. Я не хочу, чтобы ты оскорблялъ мой
слухъ такими показаніями противъ себя. Я знаю, что ты не
лѣнтяй. Однако, по какому дѣлу прибылъ ты въ Эльсиноръ?...
Прежде, чѣмъ ты уѣдешь обратно, мы здѣсь научимъ тебя
лихо пьянствовать.

Горацио. Принцъ, я пріѣхалъ сюда, чтобы присутство-
вать при погребеніи вашего родителя.

Гамлетъ. Прошу тебя, товарищъ по университету, не
насмѣхайся надо мною. Я скорѣе предполагаю, что ты
пріѣхалъ на свадьбу матери.

Горацио. Совершенная правда, принцъ. Свадьба черезъ
чуръ скоро послѣдовала за похоронами.

Гамлетъ. Все хозяйственные расчеты, Горацио! Горя-
чія мясная блюда, изготовленные для похоронъ, пода-
вались на свадьбѣ холодными. Ахъ, мнѣ легче было-бы от-
правиться на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ самымъ ненавистнымъ
своимъ врагомъ, чѣмъ быть свидѣтелемъ этого проклятаго
дня. Вѣднѣй отецъ! Мнѣ кажется, будто я вижу его.

Горацио. Какъ, принцъ?

Гамлетъ. Глазами мысли моей, Горацио.

Горацио. Я нѣкогда видѣлъ его. Какой онъ былъ вели-
чавый король.

Гамлетъ. Онъ всѣмъ и во всемъ былъ человѣкомъ; мнѣ
не увидать другого, подобнаго ему.

Горацио. Мнѣ кажется, принцъ, я видѣлъ его прошед-
шею ночью.

Гамлетъ. Видѣлъ! Кого?

Горацио. Короля, принца, вашего родителя...

Гамлетъ. Короля... моего отца?

Горацио. Дозвольте на минуту вниманію пересилить
ваше удивленіе, чтобы дать мнѣ возможность рассказать вамъ
о такомъ чудѣ. Эти господа засвидѣтельствуютъ справед-
ливость моихъ словъ.

Гамлетъ. Ради самого Бога, говори!

Горацио. Дѣнь ночи сряду, эти господа, Марцеллъ и Бер-
нардо, стоя на стражѣ, во глубокомъ мракѣ глухой ночи,
были свидѣтелями слѣдующаго явленія. Имъ явился ка-
кой-то образъ, вооруженный съ ногъ до головы и порази-
тельно похожий на покойнаго короля. Онъ торжественно
поступно медленно и величаво прошелъ мимо ихъ изум-
ленныхъ и испуганныхъ глазъ на разстояніи того жезла,
который онъ держалъ въ рукахъ. Это появленіе повторилось
три раза. У нихъ отъ ужаса выступилъ потъ и какъ будто
отнялся языкъ, такъ-что они не были въ силахъ заговорить
съ видѣніемъ. Они сообщили мнѣ страшную эту тайну, а на
слѣдующую ночь я отправился на стражу вмѣстѣ съ ними,
и именно въ томъ видѣ и въ тотъ-же самый часъ, какъ до
мельчайшихъ подробностей описывали мнѣ его эти господа,
видѣніе появилось снова. Я тотчасъ узналъ вашего роди-
теля; сходство между вотъ этими двумя руками едва-ли
больше.

Гамлетъ. Гдѣ это произошло?

Марцеллъ. На платформѣ, гдѣ стояли мы на часахъ.

Гамлетъ. И вы съ нимъ не заговорили?

Горацио. Заговаривали, принцъ, но онъ намъ не отвѣ-
тилъ. Однако, была минута, когда мнѣ показалось, что онъ
поднялъ голову и сдѣлалъ движеніе, какъ-бы намѣреваясь
заговорить, но какъ нарочно тогда послышался пронзитель-
ный крикъ раннаго пѣтуха. При этомъ крикѣ призракъ то-
ропливо удалился и скрылся отъ нашихъ глазъ.

Гамлетъ. Странно, очень странно.

Горацио. Но это такая-же правда, принцъ, какъ-то, что
я существую. Мы сочли, что долъ предписываетъ намъ со-
общить объ этомъ вашему высочеству.

Гамлетъ. Право, право, господа, это сильно меня смущаетъ. Будете вы стоять на стражѣ и нынѣшнюю ночь?

Всѣ. Будемъ, принцъ.

Гамлетъ. Вы говорите, онъ былъ вооруженъ?

Всѣ. Вооруженъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Отъ головы до ногъ?

Всѣ. Отъ головы до ногъ.

Гамлетъ. Такъ вы не видали его лица?

Гораціо. Напротивъ, принцъ, видѣли. Забрало было поднято.

Гамлетъ. Смотрѣлъ онъ гнѣвно?

Гораціо. Лицо его скорѣе выражало скорбь, чѣмъ гнѣвъ.

Гамлетъ. Былъ онъ блѣденъ или красенъ?

Гораціо. Очень, очень блѣденъ.

Гамлетъ. И онъ смотрѣлъ на васъ?

Гораціо. Очень пристально.

Гамлетъ. Какъ жаль, что меня тамъ не было!

Гораціо. Это видѣніе васъ бы крайне изумило.

Гамлетъ. Вѣроятно такъ. Сколько времени продолжалось его присутствіе?

Гораціо. Столько времени, принцъ, во сколько не особенно торопливо можно сосчитать до ста.

Бернардо и Марцеллъ. Нѣтъ, долѣе, долѣе.

Гораціо. Въ тотъ разъ, когда я его видѣлъ, не долѣе.

Гамлетъ. Въ бородѣ его видѣлась просѣдь? Да?

Гораціо. Она была такая-же, какъ при жизни покойнаго; въ ней видѣлись серебряныя нити.

Гамлетъ. Нынѣшнюю ночью, я отправлюсь съ вами на стражу; можетъ-быть, онъ явится опять.

Гораціо. Ручаюсь, что явится.

Гамлетъ. Если призракъ явится въ образѣ моего отца, я заговорю съ нимъ, хотя бы весь адъ своею зияющею пастью приказывалъ мнѣ молчать. Теперь вотъ просьба ко всемъ вамъ. Если вы никому до сихъ поръ не говорили объ этомъ видѣніи, продолжайте о немъ молчать, а то, что бы ни произошло сегодня ночью, пусть знаетъ ваша мысль, но не бол-

таетъ вашъ языкъ. Теперь, до свиданія. Я приду на платформу между одиннадцатью и двѣнадцатью часами.

Всѣ трое. Позвольте откланяться вамъ, принцъ.

Гамлетъ. Подарите мнѣ вашу дружбу, какъ я предлагаю вамъ свою. Прощайте (*Гораціо, Марцеллъ, Бернардо уходятъ*).

Гамлетъ. Призракъ моего отца явился въ полномъ вооруженіи. Это не къ добру. Я предвижу какую-нибудь гнусную трагедію. Ахъ, еслибы скорѣе наступала ночь! До тѣхъ поръ, душа, старайся сохранять спокойствіе. Черныя дѣянія, хотя-бы ихъ и покрывала собою вся земля, предстанутъ передъ глазами людей. (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Лаэртъ и Офелія.

Лаэртъ. Моя поклажа уже на кораблѣ; прощай. Если вѣтеръ будетъ благоприятный, а корабль готовъ къ отплытію, не спи, а присылай мнѣ о себѣ вѣсточки.

Офелія. Развѣ ты въ этомъ сомнѣваешься?

Лаэртъ. Что-же касается Гамлета и его пустого вниманія къ тебѣ, смотри на нихъ, какъ на прихоть, какъ на игру его крови. Все это—что фалка во время юности весны; цвѣтокъ она ранній, но не долговѣчный, предестный, но отцвѣтающій скоро, и свой чудный запахъ онъ издаетъ всего одну минуту. Такъ и вниманіе Гамлета.

Офелія. Неужто только?

Лаэртъ. Да, повѣрь мнѣ, что не болѣе. Природа во время роста развиваетъ не одни мышцы и крѣпость тѣла; по мѣрѣ того, какъ храмъ становится обширнѣе, растутъ и обязанности, возлагаемыя на умъ и душу. Можетъ-быть, теперь онъ и любитъ тебя. Можетъ-быть, его намѣренія до сихъ поръ честны, и ни одно пятно не омрачаетъ чистоты его желаній, но ты должна помнить, принимая въ расчетъ высоту его положенія, что воля его принадлежитъ не ему самому; онъ рабъ своего рожденія. Ему не дозволено, какъ людямъ, стоя-

щимъ не такъ высоко, располагать собою, потому что отъ его выбора зависятъ благосостояніе и здоровый ростъ государства. Выборъ этотъ долженъ быть одобренъ и скрѣпленъ согласіемъ того тѣла, головою котораго состоитъ онъ. Итакъ, если онъ говоритъ, что любить тебя, ты поступишь благо-разумно, если словамъ его будешь придавать настолько вѣры, на сколько по самому своему положенію онъ имѣетъ власть оправдать свои слова на дѣлѣ, а эту власть сильно ограничиваетъ голосъ великой Даніи. Сообрази-же, какое пятно легло-бы на твою честь, если-бы ты слишкомъ доверчивымъ ухомъ стала слушать тотъ вздоръ, который онъ тебѣ напѣваетъ; тебѣ придется или разбить свое сердце, или, уступивъ его необузданнымъ требованіямъ, запятнать свою непорочность. Берегись, Офелія, берегись, дорогая сестра! Держи себя подалѣе отъ его страсти, такъ-чтобы стрѣлы его любви не могли долетать до тебя. Самая осторожная дѣвушка окажется крайне неосмотрительною, если она дозволитъ мѣсяцу полюбоваться на ея красоту. Какъ ни будь добродѣтельна, ты все таки не избавишься отъ жала клеветы. Нерѣдко червь уничтожаетъ первенцевъ весны ранѣе, чѣмъ успѣютъ вполнѣ распуститься ихъ распуколки; именно во время развѣта жизни, опрысканнаго прозрачною россою, заразительныя по-вѣтрія бываютъ особенно опасны. Будь-же осторожна; нѣтъ лучшаго охранителя, какъ страхъ. Молодости достаточно той борьбы, которую ей приходится выдерживать съ собою; гдѣ-же ей еще обороняться отъ постороннихъ враговъ.

Офелія. Я запечатлѣю въ душѣ твои добрые совѣты; они послужатъ охраной моему сердцу. Но и ты, дорогой братъ, не слѣдуй примѣру безбожныхъ пастырей; указывая мнѣ крутой и тернистый путь, ведущій къ небесамъ, самъ, не обращая никакого вниманія на собственные наставленія, какъ легкомысленный и беззаботный гуляка, не попади на усѣянный цвѣтами путь наслажденій.

Лаэртъ. За меня не бойся. Однако, я замѣшкался... но вотъ идетъ отецъ.

Входитъ Полоній.

Лаэртъ (*отцу*). Благословите меня еще разъ. Для меня

большое счастье, что случай доставилъ мнѣ возможность еще разъ проститься съ вами.

Полоній. Ты все еще здѣсь, Лаэртъ! Скорѣе на корабль, скорѣе на корабль! Какой стыдъ! Вѣтеръ уже вздуваетъ паруса, а ты заставляешь себя ждать (*Кладетъ руку на голову сына*). Вотъ тебѣ мое благословеніе, а также нѣсколько житейскихъ правилъ; занеси ихъ хорошенько въ память. Не давай воли языку, не допускай его высказывать каждую твою мысль и не позволяй себѣ ни одного необдуманнаго поступка. Будь ласковъ въ обхожденіи, но ни съ кѣмъ за панибрата. Если ты найдешь друга, разумѣется, испытаннаго, прикрѣпи его къ душѣ стальными ободами, но не натирай себѣ на ладони мозолей, пожимаая руку каждому только-что высуженному и неоперившемуся товарищу. Избѣгай ссоръ, но если случится поспорить, держи себя такъ, чтобы противникъ тебя остерегался. Выслушивай всѣхъ, но самъ дѣлись мыслями съ немногими. Соглашайся съ мнѣніемъ каждаго, но свое мнѣніе держи про себя. Одѣвайся сообразно тѣмъ средствамъ, которыя будутъ у тебя въ карманѣ, но избѣгай странностей въ одеждѣ, не гоняйся за преувеличеніями моды; платье на тебѣ можетъ быть дорогое, но оно не должно бросаться въ глаза; по платью часто виденъ самъ человѣкъ. Это тѣмъ болѣе необходимо во Франціи, что тамъ у людей знатныхъ и образованныхъ вкусъ самый утонченный и благородный. Денегъ не занимай ни у кого, но и самъ не давай никому взаймы. Часто, давъ деньги взаймы, лишаешься и денегъ, и пріятеля, а заниманіе денегъ отучаетъ отъ расчетливости. Прежде всего будь честенъ относительно самого себя и также неизмѣнно, какъ день смѣняется ночью; держась этого правила, ты будешь поступать честно и относительно другихъ. Прощай; пусть мое благословеніе служить приправой къ этимъ совѣтамъ.

Лаэртъ. Прощаюсь съ вами, какъ почтительный сынъ.

Полоній. Пора, ступай; слуги тебя ожидаютъ.

Лаэртъ. Прощай, Офелія. Помни то, что я тебѣ говорилъ.

Офелія. Все это занерто у меня въ памяти, а ключъ у тебя.

Лазертъ. Прощай (*Уходитъ*).

Полоній. А что онъ такое говорилъ тебѣ, Офелія?

Офелія. Онъ предостерегалъ меня на счетъ принца Гамлета.

Полоній. И поступилъ очень умно. Я слышала, что за послѣднее время вы очень часто оставались наединѣ, и что ты не скупилась на свиданія, даже была въ этомъ отношеніи не въ мѣру щедра. Мнѣ за тѣмъ объ этомъ сообщили, чтобы я принялъ мѣры предосторожности, и если это правда, то ты, кажется, не особенно ясно понимаешь свое положеніе и не отдаешь себѣ отчета, какъ слѣдуетъ вести себя честной дѣвушкѣ вообще и моей дочери въ особенности. Скажи мнѣ правду:—что между вами такое?

Офелія. За послѣднее время, онъ много разъ предлагалъ мнѣ свою привязанность.

Полоній. Привязанность? Пфа! Видно, что все въ тебѣ еще молодозелено, и ты не понимаешь той опасности, которой подвергаешься. Вѣришь ты его предложеніямъ, какъ ты ихъ называешь?

Офелія. Право, не знаю, что объ этомъ думать.

Полоній. А я тебя научу. Думай, что ты еще глупая дѣвочка, поэтому и приняла за чистую монету фальшивыя деньги. Цѣни себя дороже и,—чтобы не затемнять смыслъ моей рѣчи обиняками, скажу прямо,—не поставь меня въ дураки.

Офелія. Онъ настойчиво увѣрялъ меня въ любви, но самымъ приличнымъ образомъ.

Полоній. Это она называетъ «образомъ»? Ну, продолжай.

Офелія. И чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, поддѣлывалъ ихъ самыми священными клятвами.

Полоній. Все это только силки, чтобы улавливать глупыхъ птицъ. Я знаю, когда кровь кипитъ, сердце не скупится подсказывать языку самыя торжественныя клятвы. Не принимай, дочь моя, за настоящее пламя эти вспышки, издающія болѣе свѣта, чѣмъ тепла. Онъ обыкновенно угасаютъ въ ту самую минуту, когда на нихъ всего болѣе разчитываешь. На будущее время, дочь моя, будь нѣсколько поскупи на свое

дѣйственное присутствіе, придавай болѣе цѣны своимъ разговорамъ и не расточай своихъ словъ предъ каждымъ, слово по заказу. А на счетъ того, что думать о принцѣ Гамлетѣ, я скажу тебѣ:—онъ молодъ, и веревка, на которой онъ привязанъ, отпущена свободнѣе, чѣмъ у тебя, поэтому онъ можетъ позволять себѣ больше, чѣмъ ты. Словомъ, Офелія, не вѣрь его клятвамъ, потому что онъ служить не выразительницами тѣхъ намѣреній, въ платя которыхъ онъ рядится, а только посредницами для святотатственныхъ желаній; онъ только прикрываются святостью и набожностью, чтобы успѣшнѣе обмануть. Разъ навсегда говорю тебѣ въ ясныхъ словахъ: не смѣй отнынѣ тратить ни одной минуты свободного времени на пустую болтовню съ принцемъ Гамлетомъ. Повторяю, помни это, а теперь ступай своею дорогою. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

П л а т ф о р м а.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцеллъ.

Гамлетъ. Холодъ кусается сильно. Морозъ здоровый.

Гораціо. Да, пощипываетъ исправно.

Гамлетъ. Который теперь часъ?

Гораціо. Я думаю, недалеко до полуночи.

Марцеллъ. Нѣтъ, полночь уже пробило.

Гораціо. Въ самомъ дѣлѣ? Я не слыжалъ. Если такъ, то близится то время, когда призракъ имѣетъ обыкновеніе появляться (*Доносится звукъ трубы и громъ пушекъ*). Что это значитъ, принцъ?

Гамлетъ. Король спать еще не ложился; нахальный выскочка пируетъ, пьянствуетъ и пляшетъ. Всякій разъ, какъ онъ, осушивъ одинъ кубокъ съ рейнскимъ виномъ, поднимаетъ другой и провозглашаетъ чье нибудь здоровье, въ отвѣтъ ему гремятъ пушки и литавры.

Гораціо. Это такой обычай?

Гамлетъ. Да, обычай. Хотя я родился въ этой странѣ и

привыкъ къ такому обычаю, но все-таки нахожу, что похвальнѣе нарушать его, чѣмъ исполнять. За эти одуряющія голову попойки, о насъ у всѣхъ народовъ востока и запада идетъ дурная слава; насъ считаютъ пьяницами и позорятъ такими прозвищами, какъ «свиньи», и такія худыя слова, дѣйствительно, отзываются на мозгу костей, на самой сердцевины нашихъ доблестныхъ подвиговъ. Тоже нерѣдко случается и съ отдельными личностями, если онѣ отъ природы надѣлены какимъ-нибудь порокомъ, словно родимымъ пятномъ. Онѣ нерѣдко отъ рождения, — въ чемъ онѣ, конечно, не виноваты, такъ-какъ выбирать врожденныя качества никто не властенъ — бываютъ чрезмерно надѣлены какою-нибудь порокоюю склонностью, низвергающею иногда всѣ ограды и укрѣпленія, воздвигаемыя разумомъ, или какою-нибудь привычкою, пятнающею своею закваскою самыя похвальныя качества. Когда на этихъ людяхъ, говорю я, — ляжетъ пятно какого-нибудь недостатка, все равно, будь этотъ недостатокъ прирожденный или привитой случайно, одинъ этотъ недостатокъ омрачить въ глазахъ общественнаго мнѣнія всѣ другія достоинства такого человѣка, еслибы даже они оказались чисты, какъ благодать, и достигали крайнихъ предѣловъ всѣхъ совершенствъ, доступныхъ человѣческому роду. Самая крошечная, но нечистая капля, — и, благодаря такой позорящей примѣси, все вещество становится негоднымъ, несмотря на остальные свои высокія качества (*Появляется призракъ*).

Гораціо. Смотрите, принцъ! Вотъ онъ.

Гамлетъ. О, ангелы, силы небесныя, примите насъ подъ свою защиту! — Ктобы ни былъ ты, — благотворный-ли духъ или преданный проклятію демонъ; несешь-ли ты съ собою струи небеснаго зѣира или палящее дыханіе ада; явился-ли ты съ губительными или съ добрыми умыслами, ты принялъ такой чарующій образъ, что я долженъ, поговорить съ тобою. Я буду называть тебя Гамлетомъ, королемъ, отцомъ, царственнымъ датчаниномъ! О, отвѣчай мнѣ! Не дай мнѣ терзаться невѣдѣніемъ; скажи, почему твои мертвыя кости, похороненныя, какъ того требовали обряды церкви, разорвали свой саванъ? почему твоя могила, въ которой ты у

насъ на глазахъ лежалъ такъ спокойно, раскрыла свои тяжелыя мраморныя челюсти и извергла тебя изъ своихъ нѣдръ? Почему ты, безжизненный трупъ, весь закованный въ стальные доспѣхи, бродишь при лунномъ сіяніи, ночь наполняешь ужасами, а у насъ, жалкихъ игрушекъ природы, съ такою страшною силою потрясаешь воображеніе и возбуждаешь въ насъ вопросы, недоступныя нашему пониманію. Скажи, почему это? Зачѣмъ? Чего ты отъ насъ хочешь?

Гораціо. Онъ приглашаетъ васъ слѣдовать за нимъ, какъ бы желая вамъ что то сообщить, но только вамъ одному.

Марцеллъ. Смотрите, какимъ вѣжливымъ движеніемъ руки онъ зоветъ васъ въ болѣе отдаленное мѣсто. Но вы не слѣдуйте за нимъ.

Гораціо. Нѣтъ, ни подь какимъ видомъ!

Гамлетъ. Здѣсь говорить онъ не хочетъ, такъ я пойду за нимъ.

Гораціо. Не ходите, принцъ!

Гамлетъ. Почему-же, нѣтъ? Чего мнѣ бояться? Жизнь для меня не дороже булавки; что же касается души моей, то ей онъ ничего не сдѣлаетъ, когда она у меня такъ-же безсмертна, какъ и у него? Онъ опять зоветъ меня, и я за нимъ послѣдую.

Гораціо. Дорогой принцъ, что, если онъ заведетъ васъ въ морскую пучину или на страшную вершину того утеса, что на своемъ основаніи нависъ надъ моремъ, а, заведя васъ туда, приметъ вдругъ такой ужасающій образъ, что вы утратите царственную силу разума и сойдете съ ума? Подумайте: — даже при обыкновенныхъ обстоятельствахъ у каждаго кружится голова и являются страшныя мысли, когда съ такой ужасающей высоты взглянешь на чернѣющее море, грозно шумящее у подножія утеса.

Гамлетъ. Онъ продолжаетъ меня манить (*Призракъ*). Ступай; я пойду за тобою слѣдомъ.

Марцеллъ. Мы васъ не пустимъ, принцъ.

Гамлетъ. Руки прочь!

Горацио. Будьте благоразумны, не ходите, принцъ.

Гамлетъ. Меня призываетъ судьба; она каждую ничтожнѣйшую мою жилу дѣлаетъ такою крѣпкою, какъ могучія мышцы немейскаго льва (*Призракъ дѣлаетъ знаки*). Онъ продолжаетъ меня звать! (*Вырывается изъ рукъ Марцелла и Горацио*). Пустите меня, господа! всякій, кто посмѣетъ удерживать меня, самъ превратится въ призракъ! Прочь, говорю я вамъ! (*Призраку*). Иди, а я послѣдую за тобой. (*Призракъ удаляется; за нимъ Гамлетъ*).

Горацио. Призракъ доведъ его до изступленія.

Марцеллъ. Идемъ за нимъ. Ослушаться его повелѣваетъ намъ долгъ.

Горацио. Идемъ! Чѣмъ-то все это кончится?

Марцеллъ. Какъ видно, въ Даніи что-то подгнило.

Горацио. Богъ милостивъ.

Марцеллъ. Идемъ-же за принцемъ (*уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть платформы.

Появляются Гамлетъ и Призракъ.

Гамлетъ. Куда ты ведешь меня? Говори, или я далѣе неиду.

Призракъ. Слушай меня внимательно.

Гамлетъ. Слушаю.

Призракъ. Уже близится часъ, когда я долженъ буду снова вернуться въ сѣрное пламя, въ которомъ я терзаюсь.

Гамлетъ. Несчастный призракъ!

Призракъ. Не жалѣй обо мнѣ, а слушай внимательно, что я тебѣ открою.

Гамлетъ. Говори, я обязанъ слушать.

Призракъ. Какъ обязанъ будешь отомстить, когда узнаешь все.

Гамлетъ. Что ты сказалъ?

Призракъ. Я духъ твоего отца, обреченный на нѣкоторое время по ночамъ бродить по землѣ, а днемъ выносить

страшныя муки въ огненной тюрьмѣ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока огонь не очиститъ меня отъ черныхъ прегрѣшеній, совершенныхъ во время моей земной жизни. Если бы мнѣ не было запрещено открывать тебѣ моей заgrabной тайны, я повѣдалъ-бы тебѣ нѣчто такое ужасное, что каждое мое слово растерзало-бы твою душу, оледенило-бы твою молодую кровь, заставило-бы твои снѣюще, словно звѣзды, глаза, выйти изъ своихъ впадинъ, распрямило-бы твои расчесанныя кудри, и каждый волосъ на твоей головѣ сталъ-бы дыбомъ, словно иглы у разъяреннаго дикобраза. Но рассказы о вѣчномъ пламени не должны касаться слуха существа, имѣющаго плоть и кровь. Гамлетъ, если ты когда-нибудь любилъ такъ нѣжно любившаго тебя отца, слушай! О, слушай!

Гамлетъ. Создатель мой!

Призракъ. Я сдѣлалъ жертвой ужаснаго, противоестественнаго убійства. Отомсти за меня.

Гамлетъ. Убійства?

Призракъ. Самое извинительное убійство вообще гнусно, но это убійство гнусно, странно и противоестественно въ высшей степени.

Гамлетъ. О, дай мнѣ скорѣе узнать, въ чемъ дѣло, и я на крыльяхъ, такихъ-же быстрыхъ, какъ мысль, какъ греза о любви, полечу и отомщу за тебя.

Призракъ. Я вижу твою готовность. Если-бы то, что ты слышишь, не потрясло тебя до глубины души, ты оказался-бы такимъ-же негоднымъ, какъ тѣ сорныя травы, которыя жируютъ и гниютъ на берегахъ Леты. Теперь, Гамлетъ, слушай. Распустили слухъ, будто меня ужалила змѣя, пока я спалъ въ саду. Этимъ вымышленнымъ рассказомъ о причинѣ моей смерти была самымъ наглýmъ образомъ обманута вся Данія. Знай, благородный мой юноша, ужалившая меня змѣя носитъ теперь мой вѣнецъ.

Гамлетъ. Дядя! О, моя душа, ты пророчица!

Призракъ. Волшебной силою ума и своими предательскими чарами,—о, будь прокляты и этотъ умъ, и эти силы, когда имъ дана власть доводить обольщеніе до такой степени!—

этому кровосмѣстителю, этому прелюбодѣю, этому животному удалось подчинить королеву, казавшуюся самою добродѣтельной женщиною, своему постыдному сластолюбію. Какое страшное паденіе, Гамлетъ! Послѣ меня, чья любовь имѣла хоть то достоинство, что она шла рука объ руку съ обѣтомъ, даннымъ въ день брака, снизойти до негодыя, который, если не принимать во вниманіе кое-какихъ вѣнскихъ его способностей, ни въ чемъ меня не стоилъ. Но такъ-же, какъ истинная добродѣтель даже и тогда остается непоколебимой, когда увивающийся около нея порокъ является въ видѣ небеснаго образа, такъ и любострастію, будь оно подругою даже небеснаго ангела и наслаждайся оно на ложѣ райскимъ блаженствомъ, все-таки захочется окунуться въ грязь. Но чу! Кажется, повѣяло предразсвѣтнымъ вѣтромъ и мнѣ приходится быть краткимъ. Итакъ, я, какъ всегда послѣ обѣда, уснулъ въ саду. Пока я покоился мирнымъ сномъ, твой дядя съ полной стклянной сока проклятаго омега, — а этотъ сокъ смертоносенъ, — подкрался ко мнѣ и влилъ мнѣ его въ раковину уха. Эта отравя губительно дѣйствуетъ на кровь. Быстрые ртуті она устремляется по всѣмъ путямъ и каналамъ нашего тѣла; отъ нея самая чистая, самая здоровая кровь сгущается и свертывается, какъ свертывается молоко, когда въ него попадетъ капля кислоты. Я испыталъ именно это, но вдругъ почувствовалъ, что все гладкое мое тѣло, какъ у Лазаря, покрывается проказой. Вотъ какимъ образомъ рука брата, во время моего сна, разомъ похитила у меня и жизнь, и корону, и королеву. Смерть застгла меня среди полного цвѣтенія моихъ прегрѣшеній, непритовленнмъ, безъ покаянія, безъ Святаго Причастія, и вотъ я, весь погрязшій въ грѣхахъ, предсталъ передъ лицо Верховнаго Судии. О, ужасъ, ужасъ, ужасъ! Если ты не выродокъ, ты не оставишь этого безъ наказанія: королевское ложе Даніи не должно оскверняться любострастіемъ и окаяннымъ кровосмѣщеніемъ, но какова-бы ни была намѣченная тобою кара, не клади себѣ на душу страшнаго преступленія; удержи себя отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ матери; предоставь ее гнѣву Божию и злобнымъ терніямъ, терзающимъ ей душу.

Разъ навсегда прощай. Свѣтлякъ возвѣщаетъ, что утро близко; его безсильный блескъ начинаетъ меркнуть. Прощай, прощай, Гамлетъ! Помни обо мнѣ! *(Исчезаетъ)*.

Гамлетъ. О, войско небесное, силы небесныя! О, земля! Что еще? Не призвать-ли и адъ?... Какъ это гнусно! О, сердце, тише, не бойся такъ сильно! а вы, мышцы мои, не одряхлѣйте сразу, а сохраняйте прежнюю силу! Помнить о тебѣ? Да, несчастная тѣнь, я буду помнить о тебѣ, пока способность помнить сохранится въ этой головѣ! Помнить о тебѣ? Да, я сотру со страницъ памяти всѣ обыденныя и пустыя замѣтки, все, вычитанное въ книгахъ, всѣ вынесенныя изъ жизни прежнія впечатлѣнія, начертанныя тамъ молодостью и наблюденіями. Въ мозгу моемъ сохранится только одинъ твой завѣтъ безъ малѣйшей къ нему низшей примѣси! О, зловреднѣйшая женщина! О, злодѣй, злодѣй, улыбающийся и проклятый злодѣй!... Гдѣ моя записная книжка? надо ввести въ нее, что человѣкъ можетъ улыбаться, улыбаться и все-таки быть злодѣемъ; я убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, въ Даніи это возможно *(пишетъ)*. Ну, дядюшка, вы сюда попали! Теперь паролъ: «Прощай, прощай и помни обо мнѣ».

ГОРАЦІО *(издали)*. Ваше высочество, ваше высочество!
МАРЦЕЛЛЪ *(такъ-же)*. Принцъ Гамлетъ!
ГОРАЦІО *(такъ-же)*. Защити его Богъ!
МАРЦЕЛЛЪ *(такъ-же)*. Спаси его!
ГОРАЦІО *(такъ-же)*. Откликнитесь, принцы!
ГАМЛЕТЪ. Сюда, сюда, дѣтки мои! сюда, мои соколы! *(Всходятъ Гораціо и Марцеллъ)*.

МАРЦЕЛЛЪ. Ну, что-же, принцъ?

ГОРАЦІО. Что здѣсь произошло?

ГАМЛЕТЪ. Чудеса! Чудеса!

ГОРАЦІО. Разскажите-же намъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ. Нѣтъ вы разболтаете.

ГОРАЦІО. О, конечно, не я; клянусь небесами!

МАРЦЕЛЛЪ. Клянусь и я!

ГАМЛЕТЪ. Что вы на это скажете? — Какой человѣческій умъ могъ-бы это подумать! Но вы никому не скажете?

ГОРАЦІО и МАРЦЕЛЛЪ. Никому! Клянусь!

Гамлетъ. Если въ Дании есть злодѣи, онъ отъявленный мошенникъ!

Гораціо. Призраку не стоило вставать изъ могилы, чтобы сообщить вамъ только это.

Гамлетъ. Правда... Ты совершенно правъ. Итакъ, я нахожу, что намъ безъ дальнѣйшихъ объясненій слѣдуетъ пожать взаимно руки и разойтись. Вы отправитесь, куда знаете, по своимъ дѣламъ и нуждамъ, такъ-какъ у каждого человѣка есть какія-нибудь дѣла и нужды, а я... я пойду молиться.

Гораціо. Принцъ, въ вашихъ словахъ есть какая-то растерянность... онъ такъ неясны.

Гамлетъ. Мнѣ сердечно жаль, если это васъ обижаетъ!.. Право, жаль отъ всей души.

Гораціо. Здѣсь нѣтъ никакой обиды, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь святымъ Патрикомъ, обида есть и очень сильная. Насчетъ видѣнія, осмѣлюсь вамъ сказать, что это призракъ честный. Если-же у васъ есть желаніе узнать, что между нами было, умѣрьте его, насколько это вамъ возможно. А теперь, друзья мои, если вы на самомъ дѣлѣ мои друзья, товарищи по ученію и по оружію, исполните одну ничтожную съ моей стороны просьбу.

Гораціо. Съ величайшею охотою, принцъ. Въ чемъ-же дѣло?

Гамлетъ. Никому ни слова о томъ, что вы видѣли сегодня ночью.

Гораціо и Марцеллъ. Даже ни полслова.

Гамлетъ. Поклянитесь мнѣ.

Гораціо. Честное слово, принцъ, никому и никогда!

Марцеллъ. Такъ-же, какъ и я.

Гамлетъ. Поклянитесь на моемъ мечѣ.

Марцеллъ. Мы уже дали клятву, принцъ.

Гамлетъ. Да, въ самомъ дѣлѣ... но на моемъ мечѣ.

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. А, пріятель, и ты говоришь тоже? Такъ ты здѣсь, цѣнная, не фальшивая монета? Ну, скорѣй-же. Слышите голосъ этого молодчика изъ погребца?—Клянитесь.

Гораціо. Въ чемъ-же клясться?

Гамлетъ. Никому не говорить о томъ, что вы видѣли. Клянитесь на мечѣ!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. *Hic et ubique?* Перейдемъ на другое мѣсто. Кладите еще разъ руки на мой мечъ и клянитесь никому не говорить о томъ, что вы видѣли и слышали.

Призракъ (*изъ подъ земли*). На мечѣ его клянитесь!

Гамлетъ. Хорошо сказано, старый кротъ! Неужели ты можешь такъ скоро рыть землю? Ты отличный землекопъ!.. Друзья, перемѣнимъ еще разъ мѣсто.

Гораціо. беру въ свидѣтели и ночь, и день, что все это поразительно странно.

Гамлетъ. А поэтому и привѣтствуй это «странное», какъ странника. На небѣ и на землѣ, Гораціо, есть много такого, что даже не снилось нашей мудрости. Но слушайте:—поклонитесь еще, какъ прежде, что, при Божіей помощи, какъ-бы загадочно я ни велъ себя, если-бы я даже счелъ нужнымъ притвориться, будто я не въ своемъ умѣ, вы, скрестивъ руки вотъ такъ или вотъ такъ, покачивая головою, или какимъ-нибудь намекомъ вроде:—«Хорошо, хорошо, понимаю!» или «Стоитъ намъ захотѣть и мы могли бы,» или «Если-бы намъ вздумалось говорить,» или, наконецъ;—«Отъ насъ-бы зависѣло», а также какимъ-нибудь двухсмысленнымъ выраженіемъ въ томъ-же родѣ,—не дадите понять, что у меня есть какая-то тайна, извѣстная вамъ. Поклянитесь мнѣ въ этомъ, и да придетъ въ случаѣ надобности на помощь къ вамъ небесное милосердіе!—Клянитесь!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. Успокойся, успокойся, потревоженный духъ. Затѣмъ, господа, я съ полною любовью поручаю себя вамъ и все, что такой человѣкъ, какъ бѣдняга Гамлетъ, въ состояніи будетъ сдѣлать, чтобы доказать вамъ свою привязанность или свою дружбу, будетъ при помощи Божіей сдѣлано. Итакъ, вернемтесь вмѣстѣ и держите постоянно языкъ за зубами. Время вышло изъ своей колеи. Досадно, что, по волѣ проклятой судьбы, на мою долю выпала обязанность поставить его на прежнее мѣсто. Идемте-же, идемъ (*Уходятъ*).



ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнальдо.

Полоній. Эти деньги и эти бумаги ты отдашь ему, Рейнальдо.

Рейнальдо. Слушаю.

Полоній. Было-бы необычайно умно съ твоей стороны, любезный мой Рейнальдо, если-бы ранѣе, чѣмъ повидаться съ нимъ, ты навелъ справки о его поведеніи.

Рейнальдо. Я и самъ имѣлъ это намѣреніе.

Полоній. Ей Богу, хорошо сказано, даже очень хорошо! Видишь-ли, мой милый, прежде всего разужнай, кто изъ датчанъ проживаетъ въ Парижѣ, а также какъ, съ кѣмъ, на какія средства и гдѣ они живутъ, въ какомъ бываютъ обществѣ и много-ли тратятъ денегъ; когда-же, послѣ такого ряда постороннихъ вопросовъ, ты попытаешься, что знаютъ и моего сына, приступи къ вопросамъ болѣе точнымъ, но все-таки не объявляя прямо, зачѣмъ тебѣ нужны эти свѣдѣнія а приблизительно съ такими подходами: «я знаю его отца, многихъ его друзей и отчасти его самого». Хорошо ли ты понялъ меня?

Рейнальдо. Какъ нельзя лучше.

Полоній. «Да, отчасти и его самого»,—можешь ты добавить, — «но не очень близко; говорить, что этотъ сумасбродъ

дѣлаетъ то-то и то-то», а потомъ взваливай на него все, что тебѣ вздумается, но, разумеется, ничего такого, что могло бы пятнать его чести; отъ этого остерегись, говори, что онъ вѣтренъ, любить кутнуть, словомъ, тѣ обычные грѣшки, которые служатъ неразлучными спутниками молодости и свободы.

Рейнальдо. Если я, напримѣръ, скажу, что онъ имѣетъ пристрастіе къ игрѣ?

Полоній. Ничего. Можешь также сказать, что онъ любитъ выпить, что онъ забывая, любитъ заводить ссоры, сквернословить, гоняться за дѣвцами легкаго поведенія и все такое. Говорить это про него я тебѣ позволяю.

Рейнальдо. Однако, это не будетъ служить къ его чести.

Полоній. Конечно, нѣтъ, если ты не съумѣешь смягчить своихъ отзывовъ. Ты не будешь, напримѣръ, взваливать на него, будто онъ развратникъ по природѣ. Я хочу не этого, а чтобы ты приписывалъ ему всякіе грѣшки въ легкой степени. Въ твоихъ отзывахъ должно чувствоваться, что всѣ эти грѣшки неизбежныя слѣдствія полной свободы, искры и взрывы пылкой души и игра горячей крови, обыкновенно свойственные молодости.

Рейнальдо. Однако...

Полоній. А знаешь-ли, зачѣмъ я хочу чтобы ты это сдѣлалъ?

Рейнальдо. Нѣтъ, не знаю.

Полоній. Такъ знай, милый мой, цѣль моя вотъ въ чемъ, и планъ мой не можетъ не удался. Когда ты взведешь на него обвиненіе въ легкихъ грѣшкахъ, весьма часто пятнающихъ людей, живущихъ не затворниками, то, — обрати вниманіе на мои слова, — если твой собесѣдникъ, то-есть, тотъ, отъ кого ты желаешь выпытать правду, самъ замѣчалъ эти грѣшки въ молодомъ человѣкѣ, онъ согласится съ тобою и скажетъ: — «милостивый государь» или «другъ мой» или «почтеннѣйшій» — ну, словомъ, назоветъ тебя согласно обычаю страны или разговаривающаго съ тобою лица...

Рейнальдо. Отлично!

Полоній. Ну, а тогда... тогда онъ... Что-бъ ни хотѣлъ я

сказать? а, вѣдь, я хотѣлъ сказать что-то... На чемъ-же я остановился?

Рейнальдо. Вы говорили:—«онъ согласится съ тобою и скажетъ».

Полоній. «Онъ согласится съ тобою и скажетъ»... Ну, ей Богу, онъ согласится съ тобою и скажетъ такъ:—Я знаю этого молодого человѣка и видѣлъ его вчера или на-дняхъ, или тогда-то, въ такое-то время, съ такимъ-то или съ такимъ-то и, какъ говорите и вы, дѣйствительно сидѣлъ за игорнымъ столомъ или «я застаю его напивающимся до пьяна» или «задиравшимъ другаго молодого человѣка игрою въ мячъ» или, можетъ быть, и такъ:—«Я видѣлъ, какъ онъ входилъ въ домъ подозрительнаго вида, то-есть, попросту—въ непотребный» ну и такъ далѣе. Теперь понимаешь-ли ты? На твою ложь правда попадется, какъ каргъ на удочку. Вотъ такъ-то мы, люди дальновидные, со смысломъ, улавливаемъ людей въ сѣти и, вотъ какимъ образомъ, идя кривою дорогою, попадемъ на прямую. Такъ и ты, слѣдуя моимъ предварительнымъ наставленіямъ и совѣтамъ, разузнаешь всю правду о Лаэртѣ. Понялъ ты меня?

Рейнальдо. Вполнѣ.

Полоній. Ну, съ Богомъ. Счастливаго пути.

Рейнальдо. Счастливо оставаться.

Полоній. Присматривайся и самъ къ его наклонностямъ, не подавая, конечно, и вида.

Рейнальдо. Не премину.

Полоній. Да скажи, чтобы онъ поприлежнѣе занимался музыкой?

Рейнальдо. Непремѣнно.

Полоній. Прощай (*Рейнальдо уходитъ. Появляется Офелія*).

Полоній. Что съ тобой, Офелія? Ты на себя не похожа.

Офелія. Ахъ, я такъ странно перепугалась!

Полоній. Чѣмъ? Говори, ради Бога!

Офелія. Я сидѣла у себя въ комнатѣ за шитьемъ. Вдругъ входитъ принцъ Гамлетъ, въ разстегнутомъ камзолѣ, безъ шляпы, въ спущенныхъ по щиколотку чулкахъ, безъ подвы-

зокъ. Влѣденъ онъ былъ, какъ его рубаха. Колѣни его стучали одно о другое. Весь видъ его былъ такой жалкій, словно онъ вырвался изъ ада, чтобы рассказывать ужасы.

Полоній. Не любовь ли къ тебѣ свела его съ ума?

Офелія.. Не знаю! но я, право, такъ сильно перепугалась.

Полоній. Что-же онъ говорилъ?

Офелія. Онъ взялъ меня за запястье, сжалъ его крѣпко-крѣпко. Затѣмъ онъ вытянулъ во всю длину руку, которою меня держалъ, а другую положилъ мнѣ на голову и сталъ пристально всматриваться мнѣ въ лицо, такъ пристально, будто хотѣлъ настолько подробно изучить и запомнить мои черты, чтобы потомъ ихъ нарисовать. Такъ простоялъ онъ долго. Наконецъ, слегка потрясая мою руку, онъ три раза кивнулъ головою сверху внизъ и вздохнулъ такъ горько, такъ глубоко, что, казалось, грудь его разорвется и настанетъ его конецъ. Послѣ этого онъ выпустилъ мою руку и направился къ выходу, повернувъ голову ко мнѣ и продолжая смотрѣть на меня изъ-за плеча... Такъ добрался онъ до двери, не прибѣгая къ помощи глазъ, такъ-какъ они все время устремлены были на меня.

Полоній. Я отправляюсь къ королю; идемъ со мною... По всему видно, что онъ снитилъ съ ума отъ любви. Любви свойственно губить себя своею-же силой и она также-же часто доводитъ человѣка до отчаянныхъ поступковъ, какъ и всякая другая страсть въ подлунномъ мірѣ, присущая человѣку. Это мнѣ весьма прискорбно! Не сказала-ли ты ему за послѣднее время чего-нибудь неприятнаго, жесткаго?

Офелія. Ничего я такого ему не говорила. Я по вашему приказанію только возвратила ему его письма и просила перестать посѣщать меня.

Полоній. Это-то и свело его съ ума. Мнѣ очень жаль, что я судилъ о немъ недостаточно осмотрительно и слишкомъ опрометчиво. Мнѣ казалось, будто онъ только играетъ тобою, желая довести тебя до паденія. Но да будетъ проклята моя подозрительность. Кажется, людямъ нашего возраста также-же свойственна чрезмѣрная осторожность, какъ молодому поколѣнію недостаточное благоразуміе. Пойдемъ къ королю

Надо ему рассказать все это. Утаивъ о любви принца, можно нажить болѣе неприятностей, чѣмъ вызвавъ гнѣвъ ея оглаской. Идемъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и свита.

Король. Добро пожаловать, дорогіе Розенкранцъ и Гильденштернъ. Помимо желанія видѣть васъ, вызвать васъ такъ поспѣшно заставила насъ и нужда въ вашихъ услугахъ. Вы, разумѣется, уже слышали о переворотѣ,—какъ я это называю,—происшедшемъ въ Гамлетѣ. Онъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны сталъ совсѣмъ не похожъ на того чело-вѣка, какимъ былъ прежде. Были-ли, кромѣ смерти отца, другія причины, заставившія его потерять разсудокъ?—я не знаю. Вы съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитывались вмѣстѣ съ нимъ ровесниками и остались его товарищами вслѣдствіе сродства въ наклонностяхъ, поэтому мы обращаемся къ вамъ съ просьбой побыть нѣкоторое время при нашемъ дворѣ. Постарайтесь своимъ обществомъ заставить Гамлета снова почувствовать утраченную склонность къ наслажденіямъ жизни, а также, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, вывѣдывать тѣ неизвѣстныя намъ причины, которыя довели его до такого печальнаго состоянія. Когда причина недуга сдѣлается извѣстной, найдется, можетъ-быть, и средство для исцѣленія.

Королева. Дорогіе гости, онъ часто говорилъ о васъ, и я убѣждена, что на свѣтѣ нѣтъ еще двоихъ людей, къ которымъ онъ былъ-бы такъ расположенъ, какъ къ вамъ. Если вы желаете доказать намъ свою любовь и благорасположеніе, проведите нѣсколько времени у насъ и помогите осуществленію нашихъ надеждъ. Мы съумѣемъ отблагодарить васъ по королевски.

Розенкранцъ. Ваша царственная власть имѣетъ право

повелѣвать своимъ подданнымъ, даже не спрашивая ихъ разрѣшенія.

Гильденштернъ. Мы преклоняемся предъ вашимъ желаніемъ и съ совершенною готовностью согласны по первому слову повергнуть къ стопамъ вашихъ величествъ наши послѣднія услуги.

Король. Благодарю, Розенкранцъ, благодарю, любезный Гильденштернъ.

Королева. Благодарю, Гильденштернъ, благодарю, любезный Розенкранцъ. Прошу васъ, отправьтесь сейчасъ-же къ моему сыну. Онъ очень измѣнился (*Обращаясь къ свитѣ*). Пусть нѣкоторые изъ васъ проводятъ этихъ господъ къ Гамлету.

Гильденштернъ. Отъ всей души молю Создателя, чтобы наше присутствіе и наши заботы принесли принцу и удовольствіе, и пользу.

Королева. Аминь (*Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣсколько чело-вѣкъ придворныхъ уходятъ*).

Появляется Полоній.

Полоній. Ваше величество, послы вернулись изъ Норвегій съ добрыми вѣстями.

Король. Ты всегда приносишь радостныя извѣстія.

Полоній. Въ самомъ дѣлѣ, государь? Вѣрьте, добрый мой повелитель, что и услуги мои, какъ и моя душа посвящены въ одно и то-же время и Богу, и моему милостивому королю. (*Тихо королю*). Или мой мозгъ утратилъ обычную свою способность нападать въ важныхъ дѣлахъ на настоящий слѣдъ, или я открылъ причину безумія принца Гамлета.

Король. Говори скорѣе. Я нетерпѣливо желаю узнать, въ чемъ дѣло.

Полоній. Примите прежде пословъ, государь, а мое извѣстіе явится, какъ фрукты въ концѣ роскошной трапезы.

Король. Ступай къ нимъ самъ и приведи ихъ сюда (*По уходѣ Полонія, обращаясь къ королеве*). Дорогая Гертруда, онъ увѣряетъ, будто открылъ причину и источникъ помѣшательства твоего сына.

Королева. Мнѣ сдается, что нѣтъ другихъ причинъ,

кромя смерти его отца и нашей черезчуръ поспѣшной свадьбы (*Полоній возвращается; съ нимъ входятъ Вольтимандъ и Корнелій*).

Король (*Королевъ*). Мы это увидимъ (*Послани*). Добро пожаловать, мои друзья. Говори, Вольтимандъ, что отвѣчаетъ намъ нашъ братъ, король Норвежскій.

Вольтимандъ. Польнѣннй возвратъ любезностей и добрыхъ пожеланій. Послѣ первой же аудиенции, онъ отправилъ наказъ немедленно прекратить вербовку войскъ, которыя молодой принцъ будто-бы набиралъ для похода противъ поляковъ; однако, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, король нашелъ, что эта затѣя дѣйствительно имѣла для вашего величества угрожающій видъ. Король пришелъ въ негодованіе, что Фортинбрасъ воспользовался его старостью и безпомощнымъ его положеніемъ и приказалъ взять племянника подъ стражу. Принцъ, не сопротивляясь, покорно выслушалъ выговоръ короля и, наконецъ, далъ дядѣ клятвенное обѣщаніе никогда не начинать никакихъ вооруженныхъ попытокъ, направленныхъ противъ вашего величества. Обрадованный этимъ, старый король назначилъ ему три тысячи кронъ кромѣ ежегоднаго содержанія и дозволилъ ему съ набраннымъ войскомъ предпринять походъ противъ Польши (*Подаетъ королю бумагу*). Въ то же время, онъ вотъ въ этомъ посланіи проситъ дозволить его племяннику съ набраннымъ послѣднимъ войскомъ свободный пропускъ черезъ ваши владѣнія, а на какихъ условіяхъ и при какихъ обезпеченіяхъ—значится въ посланіи.

Король. Мы довольны исполнѣ. На досугѣ мы прочтемъ это посланіе, обдумаемъ его и дадимъ отвѣтъ, а пока благодаримъ васъ за удачное исполненіе порученія. Теперь ступайте и отдохните, а вечеромъ мы отужинаемъ вмѣстѣ; будьте нашими желанными гостями (*Послы уходятъ*).

Полоній. Дѣло окончилось исполнѣ благополучно. Милостивый мой повелитель и вы, государыня, согласитесь, что толковать о томъ, каково должно быть королевское величіе, въ чемъ должны состоять обязанности подданныхъ, о томъ, что день есть день, ночь-ночь, а время-время, значило-бы

терять даромъ и день, и ночь, и время. Такъ-какъ краткость есть душа ума, а многословіе только внѣшнее его украшеніе, то я буду кротокъ. Вашъ благородный сынъ помѣшался. Я просто говорю «помѣшался», потому что толковать о томъ, въ чемъ состоитъ истинное помѣшательство, можетъ только помѣшанный. Но оставимъ это.

Королева. Побольше дѣла и поменьше краснорѣчія.

Полоній. Клянусь вамъ, государыня, я нисколько не желаю умышленно прибѣгать къ краснорѣчію. Итакъ, вашъ сынъ помѣшался; это совершенная правда; правда, что это прискорбно, и прискорбно то, что это правда... Оборотъ рѣчи вышелъ преглушнй, поэтому я прощаюсь съ краснорѣчіемъ и буду говорить просто. Съ тѣмъ, что онъ помѣшался, мы все согласны; теперь остается открыть причину этого аффекта; нѣтъ, основательнѣе было-бы сказать дефекта, такъ какъ въ основаніи аффекта или дефекта все таки лежитъ какая нибудь основа. Вотъ что намъ остается дѣлать, а вотъ и остатокъ моего разсужденія. Взвѣсьте хорошенько мои слова. У меня есть дочь. Я называю ее своею, потому что она въ самомъ дѣлѣ моя. И такъ, моя дочь, исполняя долгъ послушанія,—замѣтьте это,—отдала мнѣ это. Теперь обдумайте хорошенько и выводите заключеніе (*Читаетъ*). «Боже-ственному кумиру души моей, Офеліи, красавицѣ изъ красавицъ». Весьма некрасивый оборотъ и къ тому же пошлый. Что такое «красавицѣ изъ красавицъ»? Это и некрасиво, и пошло. Однако, слушайте далѣе (*Читаетъ*). «Пусть она хранитъ это на бѣлоснѣжной своей груди».

Королева. Неужели къ Офеліи пишетъ это Гамлетъ?

Полоній. Подождите, государыня! Я читаю слово въ слово (*Читаетъ*). «Сомнѣвайся въ сіяніи звѣздъ.—Въ томъ, что по небу катится солнце.—Въ томъ, что правда есть правда, но только.—Не въ моей безпредѣльной любви. Нѣтъ, не-наглядная Офелія, не мастерь я излагать свои вздохи въ разбѣренныхъ строчкахъ, но все-таки вѣрь, что я люблю тебя искренно и горячо. Прощай пока. Весь твой, безцѣнная моя, до той самой поры, пока душа не вылетитъ изъ моего бреннаго праха. Гамлетъ». Вотъ что, какъ дѣвушка послуш-

ная, передала мнѣ дочь. Такъ-же передала она мнѣ всѣ записки, въ которыхъ онъ просилъ ее о свиданіяхъ, точно обозначая часть, и мѣсто, и тѣ мѣры, къ которымъ слѣдовало прибѣгать.

Король. Какъ относилась она къ его любви?

Полоній. Какого мнѣнія вы обо мнѣ, государь?

Король. Я считаю себя человѣкомъ преданнымъ и до-стойнымъ уваженія.

Полоній. Я душевно желаю, чтобы вы всегда сохраняли обо мнѣ это мнѣніе. Но что сказали-бы вы обо мнѣ, если-бы тотчасъ послѣ того, какъ я замѣтилъ, что любовь принца принимаетъ слишкомъ широкіе размѣры, — а замѣтилъ я, что онъ влюбленъ безъ ума еще ранѣе, чѣмъ сообщила мнѣ объ этомъ дочь, — да, что подумали-бы обо мнѣ и сами вы, и присутствующая здѣсь высокочтимая государыня, если-бы я, изображая изъ себя нѣчто вродѣ конторки или записной книжки, или дозволивъ себѣ снизойти до роли безмолвнаго свидѣтеля, или взглянулъ на эту любовь сквозь пальцы и безучастнымъ окомъ. Да, что подумали-бы вы обо мнѣ тогда? Нѣтъ, я круто приступить къ дѣлу и сказалъ своей глупенькой дѣвочкѣ: — «Принцъ Гамлетъ лицо черезъ-чуръ высоко поставленное; ты ему не ровня; любви между вами быть не должно. Затѣмъ я отдать ей строгое приказаніе сидѣть, запершись у себя, держаться отъ принца какъ можно далѣе и не принимать ни посланій, ни подарковъ. Она вкусила сокъ моихъ совѣтовъ, а онъ, — доскажу остальное вкратцѣ, — сначала загрустилъ, потомъ у него пропала позывъ на пищу, потомъ явились бессонницы, слабость, бредъ, вслѣдствіе осложнений перешедшіе въ то умопомѣшательство, которое мы замѣчаемъ у него теперь и которое всѣхъ насъ повергаетъ въ глубокую печаль.

Король. Такъ-ли это? Какъ находить королева?

Королева. Очень вѣроятно.

Полоній. Извѣстенъ-ли вамъ хоть одинъ случай, когда-бы я сказалъ: — «Это такъ!» а вышло не такъ?

Король. Насколько помнятся, ни одного.

Полоній (*Указывая на голову и на плечи*). Отдѣлите вотъ

это отъ этого, если я ошибаюсь. Если мною руководятъ обстоятельства, я доберусь до истины, будь она спрятана хоть подъ землею.

Король. Какъ-бы намъ убѣдиться, что это именно такъ? Полоній. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что иногда онъ часа по четыре сряду прогуливается вотъ по той галерей.

Королева. Да, это правда.

Полоній. Когда онъ будетъ тамъ, я напущу на него дочь, а вы и я спрячемся за занавѣской. Вы своими глазами увидите все, и если окажется, что онъ не влюбленъ и сошелъ съ ума не отъ любви, пусть я линусь права засѣдать въ государственнымъ совѣтъ и превращусь либо въ хлѣбонащца, либо въ ломового извозчика.

Король. Испытаемъ это средство (*Показывается Гамлетъ*).

Королева. Посмотрите, какъ онъ, бѣдный, глубоко печаленъ. Онъ смотритъ въ книгу и читаетъ.

Полоній. Умоляю васъ, удалитесь оба, а я сейчасъ-же вступлю съ нимъ въ разговоръ. Дозвольте мнѣ дѣйствовать по своему (*Король и Королева уходятъ; Полоній обращается къ Гамлету*). Какъ поживаете, добрый принцъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Ничего, Слава Богу.

Полоній. Вы узнаете меня, принцъ?

Гамлетъ. Разумѣется, узнаю. Ты рыболовъ.

Полоній. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Желать-бы я, чтобы и ты былъ такимъ-же честнымъ, какъ эти люди.

Полоній. Честнымъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, по нашимъ временамъ едва-едва отыщется одинъ такой чело-вѣкъ среди цѣлыхъ десяти тысячъ.

Полоній. Совершенно справедливо, принцъ.

Гамлетъ (*Читаетъ*). «Хотя солнце и богъ, оно, лаская падаль, зарождаетъ червей въ дохлой собакѣ» (*Полонію*). Есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Запрети ей прогуливаться на солнцѣ. Зачатіе есть благодать небесъ, но такъ-какъ твой дочь, другъ мой, тоже можетъ зачать, береги ее.

Полоній. Что вы хотите этимъ сказать? (*Про себя.*) Все про дочь.. Однако, онъ узнать меня не сразу; скажалъ, что я рыболовъ. Его помѣшательство зашло далеко, очень далеко! А, впрочемъ, въ молодости и я много страдалъ изъ-за любви и самъ чуть не дошелъ до такого-же состоянія. Заговорю съ нимъ опять. Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Полоній. А въ чемъ-же дѣло, принцъ?

Гамлетъ. Между кѣмъ?

Полоній. Я спрашиваю, принцъ, о чемъ идетъ рѣчь въ той книгѣ, которую вы читаете?

Гамлетъ. О клеветѣ, почтеннѣйшій. Этотъ мерзавецъ сатирикъ увѣряетъ, будто бороды у стариковъ сѣдые, будто лицо у нихъ въ морщинахъ, будто изъ ихъ отуманенныхъ глазъ сочится амбра, такая же густая, какъ клей изъ сливнаго дерева, будто у нихъ въ головѣ полное отсутствие ума и въ то же время очень слабыя колѣни. Я вполнѣ, непоколебимо увѣжденъ, что все это такъ, но нахожу, что печатать такихъ вещей не слѣдуетъ, потому что если-бы вы сами, почтеннѣйшій, были такъ-же стары, какъ я, и могли бы двигаться не впередъ, а только, словно ракъ, пятиться назадъ...

Полоній (*Про себя.*) Хотя онъ и сумасшедшій, но въ его словахъ все-таки есть система (*Гамлету*). Здѣсь сквозить, принцъ; вы-бы перешли на другое мѣсто.

Гамлетъ. Куда? Въ могилу?

Полоній. Да, тамъ дѣйствительно сквозного вѣтра не будетъ (*Про себя.*) Однако, у него иногда вырываются отвѣты, чреватые умомъ! Впрочемъ, сумасшедшіе нерѣдко находятъ такіе счастливые отвѣты, до того разумные и полные здраваго смысла, что и не сумасшедшій не скажетъ такъ вѣстн. Уйду отъ него и обдумаю, какъ-бы подготовитъ встрѣчу между нимъ и дочерью (*Гамлету*). Высокоуважаемый принцъ, позвольте откланяться вамъ съ глубочайшемъ почтениемъ.

Гамлетъ. Ни съ чѣмъ, почтеннѣйшій, не разстался бы я такъ охотно, кромѣ жизни, кромѣ жизни!

Полоній. Прощайте, принцъ.

Гамлетъ. Ахъ, какъ надоѣдливы эти старые дураки!
Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Полоній. Вы, господа, ищете принца Гамлета; онъ здѣсь. Розенкранцъ (*Полонію*). Да пошлетъ вамъ Господь всякихъ благъ! (*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Вскочитимый принцъ!

Розенкранцъ. Дрожайшій принцъ!

Гамлетъ. Милѣйшіе мои друзья! Какъ поживаете вы, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ? Да, какъ поживаете?

Розенкранцъ. Такъ, какъ могутъ поживать люди средняго уровня.

Гильденштернъ. Мы, по крайней мѣрѣ, счастливы въ томъ отношеніи, что счастливы не чрезмерно. Мы не сиемъ, какъ драгоценные камни на головной повязкѣ Фортуны.

Гамлетъ. Но и не находитесь подъ подошвами ея сандалей?

Розенкранцъ. Ни тутъ, ни тамъ.

Гамлетъ. Слѣдовательно, находитесь около ея пояса, то есть въ близости того мѣста, откуда сыплются самые щедрые ея дары?

Гильденштернъ. Да, мы съ нею въ ладахъ.

Гамлетъ. И пользуетесь ея тайными прелестями? Это совершенно понятно:—вѣдь она потаскушка... Что новаго?

Розенкранцъ. Ничего особеннаго, принцъ, кромѣ развѣ того, что міръ становится добродѣтельнымъ.

Гамлетъ. Близокъ, стало-быть, день страшнаго суда; но извѣстнѣе это не достоверно. Теперь позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ болѣе личнымъ вопросомъ:—чѣмъ, друзья мои, прогнѣвили вы Фортуну, что она отравила васъ въ тюрьму?

Гильденштернъ. Какъ, въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Что-же такое Данія, какъ не тюрьма?

Розенкранцъ. Если такъ, то и весь міръ тюрьма.

Гамлетъ. Да, необятная тюрьма, въ которой множество подраздѣленій, казематовъ и застѣжковъ. Данія—изъ самыхъ худшихъ ея казематовъ.

Розенкранцъ. Мы этого не находимъ, принцъ.

Гамлетъ. Значить, вамъ тюрьмой она и не кажется. Дурное и хорошее — понятія относительныя; все зависитъ отъ того представлениа, какое составляешь себѣ о нихъ. Для меня Данія тюрьма.

Розенкранцъ. Вѣроятно, честолюбіе заставляетъ васъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія. Въ ней тѣсно вашимъ всекимъ стремленіямъ.

Гамлетъ. О, Боже мой, даже въ скорлупѣ орѣха я считалъ-бы себя властелиномъ безпредѣльнаго пространства, если-бы не мучительные сны.

Гильденштернъ. Эти-то сны и есть честолюбіе, потому что самая сущность честолюбія только тѣнь сна.

Гамлетъ. Но и сонъ тоже тѣнь.

Розенкранцъ. Совершенно вѣрно. Я считаю честолюбіе чѣмъ-то такимъ воздушнымъ, легковѣснымъ, что оно на мой взглядъ только тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Если такъ, наши нищія — плотныя тѣни, а наши короли и превозносимые герои — только тѣни нищихъ. Не отправится-ли намъ ко двору? — такъ какъ разсуждать я, право, не расположенъ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ-же? Я не думаю причислять васъ къ остальнымъ моимъ слугамъ. Говорю вамъ, какъ честный человѣкъ, у меня и такъ ихъ чересчуръ много. Скажите мнѣ по дружбѣ, зачѣмъ прибыли вы въ Эльсиноръ?

Розенкранцъ. Чтобы повидаться съ вашимъ высочествомъ и ни за чѣмъ другимъ.

Гамлетъ. Я совсѣмъ нищій; я не имѣю даже средствъ отблагодарить васъ, какъ слѣдуетъ, но я все-таки благодарю васъ, хотя моя благодарность, дорогие друзья мои, не стоитъ самой мелкой монеты. Вызвали васъ сюда или вы такъ неожиданно прибыли по собственному побужденію? Довѣрьтесь-же мнѣ вполнѣ. Говорите-же, говорите.

Гильденштернъ. Не знаемъ, право, что вамъ сказать.

Гамлетъ. Все равно, что хотите, лишь-бы получился отвѣтъ на мой вопросъ. Васъ вызвали. Я вижу это по вашимъ

глазамъ; въ нихъ свѣтитъ нѣчто вродѣ признанія, и вашей скромности не удалось этого заглушить. Я знаю, наши добрые король и королева посылали за вами.

Розенкранцъ. Зачѣмъ-же было-бы имъ посылать?

Гамлетъ. Вотъ это-то вы и должны мнѣ объяснить. Умоляю васъ правами нашего товарищества, соотвѣтствіемъ въ нашихъ дѣлахъ, обязательствами нашей неизмѣнной дружбы, словомъ — всѣмъ, что величайшій витія могъ-бы придумать самаго убѣдительнаго, скажите-же мнѣ прямо и откровенно, васъ вызвали сюда?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*). Какъ думаешь, что ему отвѣчать?

Гамлетъ (*Про себя*). Шепчитесь, шепчитесь! я вижу васъ насквозь (*Громко*). Если вы сколько-нибудь меня любите, скажите мнѣ правду.

Гильденштернъ. Да, принцъ, за нами прислали.

Гамлетъ. А я скажу вамъ, зачѣмъ. Такимъ образомъ мой предчувствіа предупредять ваши признанія, и ваша вѣрность королю и королеві не потеряетъ ни одного перушка. За послѣднее время я, самъ не знаю, почему, утратилъ всю прежнюю веселость, бросилъ всѣ обычные свои занятія и упражненія. Въ самомъ дѣлѣ, я нахожусь въ настолько мрачномъ настроеніи духа, что даже такое прекрасное зданіе, какъ земля, представляется мнѣ безплоднымъ утесомъ, и въ такомъ великолѣпномъ багдахинѣ, какъ ясное небо, какъ эта позолоченная солнцемъ кровля, я вижу только скопленіе гнилыхъ и разпространяющихъ заразу испареній. Какое чудесное созданіе человѣкъ! Какъ богато одаренъ онъ разумомъ, разнообразными способностями. Какъ прекрасенъ онъ въ своемъ сложеніи, какъ разнообразенъ въ своихъ движеніяхъ. По своимъ поступкамъ онъ ангелъ, по понятливости — богъ! Онъ краса вселенной, вѣнецъ творенія, а для меня между тѣмъ онъ только груда праха. Человѣкъ совсѣмъ мнѣ опротивѣлъ, а женщины въ особенности, хотя по твоей усмѣшкѣ я вижу, что ты этому не вѣришь.

Розенкранцъ. У меня и въ мысляхъ, принцъ, не было ничего подобнаго.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же ты улыбулся, когда я сказалъ, что человекъ пересталъ мнѣ нравиться?

Розенкранцъ. Когда вы сказали, что люди вамъ противны, мнѣ пришло въ голову, что актеровъ, которыхъ мы обогнали на дорогѣ и которые направляются сюда, ожидаетъ довольно сухой приемъ.

Гамлетъ. Играющаго королей я приму съ почетомъ и заплачу должную дань его величеству; мечу и питу отважнаго рыцаря найдется дѣло, а вздохи любовника не останутся безъ вознагражденія; ворчунъ съ миромъ окончитъ свою роль въ представленіи; комикъ заставитъ хохотать до слезъ даже тѣхъ, у кого вѣчно першитъ въ груди отъ сухого кашля, а играющій женскія роли станетъ свободно изливаетъ свои чувства, хотя-бы отъ этого и пострадали бѣлые стихи. Что это за актеры?

Розенкранцъ. Тѣ самые, которые, играя трагедію, постоянно такъ правились вашему высочеству въ городѣ.

Гамлетъ. Зачѣмъ-же они изъ городскихъ превратились въ странствующихъ актеровъ? Оставаться на одномъ мѣстѣ было-бы для нихъ и почетнѣе, и выгоднѣе.

Розенкранцъ. Мнѣ кажется, что новѣйшія постановленія вынудили ихъ прекратить представленія въ городѣ.

Гамлетъ. Въ такой-же ли они славѣ и такіе-же ли дѣлаютъ сборы, какъ прежде?

Розенкранцъ. Далеко не такъ.

Гамлетъ. Почему-же? Стали, быть можетъ, портиться?

Розенкранцъ. Нѣтъ, они свое дѣло исполняютъ съ прежнимъ усердіемъ; но, ваше высочество, я долженъ вамъ пояснить, что въ городѣ появился цѣлый выводокъ новыхъ кобчиковъ, едва вылунившихся изъ яйца, громко кричащихъ противъ малѣйшаго совмѣстничества и тѣмъ вызывающихъ громы рукоплесканій. Они теперь въ милости у публики, о нихъ такъ много пишутъ, громко ругая такъ называемыя ими обыкновенныя сцены, что многие даже носящіе на боку пинагу, боясь гусиныхъ перьевъ, не смѣютъ носа показать въ чужіе театры.

Гамлетъ. Какъ! дѣти играютъ теперь на театрѣ? Кто-же

ихъ поддерживаетъ, кто платитъ имъ жалованіе? Будутъ-ли они продолжать свое ремесло, когда ихъ дѣтскіе голоса перейдутъ въ мужскіе? Вѣроятно, если у нихъ не окажется другихъ средствъ, такъ оно и будетъ. Они сами обратятся въ обыкновенныхъ актеровъ и что скажутъ они о писакахъ, съ какими презрѣніемъ относящихся къ ихъ будущему ремеслу?

Розенкранцъ. Было не мало враждебныхъ выходокъ съ обѣихъ сторонъ, и общество не считало грѣхомъ направлять однихъ на другихъ. Было время, когда пьеса только тогда и дѣлала сборы, когда писатели и актеры позволяли себѣ какіе-нибудь намеки.

Гильденштернъ. Да, принцъ, не мало головъ было уже проломлено.

Гамлетъ. И дѣти одерживаютъ верхъ?

Розенкранцъ. Точно такъ, ваше высочество:—и надъ Геркулесомъ, и надъ его пошею.

Гамлетъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Теперь мой дядя состоитъ королемъ Даніи, и люди, при жизни моего отца, относившіеся къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, платятъ теперь по двадцати, по сорока, по пятидесяти и даже по сту червонцевъ за небольшое изображеніе его на кости. Въ этомъ есть нѣчто болѣе, чѣмъ естественное, и наукѣ слѣдовало-бы это изслѣдовать (*За сценой трубятъ въ рога*).

Гильденштернъ. Это прибыли актеры.

Гамлетъ. Очень радъ видѣть обѣихъ васъ въ Эльсинорѣ. Подойдите. Ваши руки. Правила гостепріимства предписываютъ намъ вѣжливость и любезность. Позвольте мнѣ воздать вамъ свой долгъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости, чтобы вы не нашли, будто ласковый приемъ, приготовляемый мною актерамъ, радушнѣе того, который встрѣтили у меня вы. Душевно вамъ радъ, но мой дяди-отецъ и тетка-мать все-таки сильно ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ же, дражайшій принцъ?

Гамлетъ. Сумасшедшимъ я бываю только при сѣверо-сѣверо-западномъ вѣтрѣ, а когда онъ дуетъ съ юга, я умѣю отличить сокола отъ вороны.

Входитъ Полоній.

Полоній. Привѣтъ вамъ, господа.

Гамлетъ. Послунай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ, тоже. Не каждое ухо по слушателю. Вотъ этотъ старый младенецъ, стоящій передъ вами, до сихъ поръ не вышелъ еще изъ пеленокъ.

Розенкранцъ. Можетъ быть, онъ закутался въ нихъ снова. Говорятъ, будто старикъ вторично становится ребенкомъ.

Гамлетъ. Заранѣ знаю, что онъ заговорить объ актеряхъ. Вотъ увидите... Вы правы; это было въ понедѣльникъ утромъ; именно такъ.

Полоній. Принцъ, я къ вамъ съ новостью.

Гамлетъ. А мнѣ, почтеннѣйшій, тоже надо сообщить вамъ новость изъ тѣхъ временъ, когда Россій былъ актеромъ въ Римѣ.

Полоній. Сейчасъ, ваше высочество, сюда прибыли актеры.

Гамлетъ. Не можетъ быть.

Полоній. Честное слово.

Гамлетъ. При томъ каждый актеръ на своемъ ослѣ.

Полоній. Во всемъ мѣрѣ не найдется лучшихъ актеровъ, какъ для трагедіи, такъ и для комедіи, для историческихъ пьесъ, пасторалей, пастушеской комедіи, историческихъ пасторалей, пасторалей героическо-историческихъ, пасторалей трагикомическо-историческихъ и пьесъ, не подходящихъ ни подъ одинъ разрядъ и ничѣмъ не ограниченныхъ. Для нихъ Сенека не покажется слишкомъ тяжелымъ, а Плавтъ слишкомъ легкимъ. Имъ нѣтъ подобныхъ для того, чтобы согласовать строгія правила искусства съ его свободою.

Гамлетъ. О Іефаай, судья израильскій, какое ты имѣлъ сокровище.

Полоній. Какое же это сокровище принцъ?

Гамлетъ. А вотъ:—«Прелестную единственную дочь, любимую любовью безконечной».

Полоній (*Про себя*). Опять про дочь.

Гамлетъ. Развѣ я не правъ, старый Іефаай.

Полоній. Принцъ, вы, вѣроятно, потому называете меня Іефааемъ, что у меня тоже есть безконечно любимая дочь?

Гамлетъ. Одно изъ другого нисколько не слѣдуетъ.

Полоній. Что-же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Вотъ:—«Но случайно, Богъ вѣсть почему», а далѣе, ты знаешь:—«Вышло то, чего ждаты было надо». Изъ первой строфы этой полудуховной пѣсни ты узнаешь, въ чемъ дѣло, а я продолжать не могу (*Указывая на четверыхъ или пятихъ входящихъ актеровъ*), и вотъ тому причина. (*Актерамъ*). Добро пожаловать, господа, всѣ, всѣ добро пожаловать (*Одному изъ актеровъ*). Очень радъ, что вижу тебя въ добромъ здравіи... Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте! (*Дружину*). А у тебя, пріятель, лицо успѣло обрости бородою; не затѣмъ-ли ты явился въ Данію, чтобы дразнить меня ею? (*Третьему*). А ты, юная героиня, клянусь Богородицею, съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ тебя, успѣла приблизиться къ небу на цѣлый венеціанскій коблукъ. Дай Богъ, чтобы твой голосъ не надтреснулъ до ободка, какъ червонецъ, утратившій свою цѣну и изъятый изъ обращенія. Да, друзья мои, я очень-очень вамъ радъ. Но скорѣе къ дѣлу! Какъ французскіе сокольники, мы будемъ гоняться за всякой птицей, какая бы ни попалаась на глаза. Что терять время? Скорѣе какая-нибудь монологъ! Покажите намъ образчики вашихъ талантовъ. Хотя ты прочти какой-нибудь страстный монологъ.

1-й актеръ. Что прикажете прочесть, принцъ?

Гамлетъ. Ты какъ-то при мнѣ читалъ одинъ отрывокъ, который никогда не произносился со сцены, а если и произносился, то всего одинъ разъ. Пьеса не понравилась; она для толпы оказалась чѣмъ-то вроде икры, однако, не только я, но и многіе, знающіе толкъ въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ я, нашли ее превосходной. Сцены въ ней расположены и ведены прекрасно, а написана она хоть и скромно, но очень даровито. Я помню, кто-то въ то время сказалъ, что для приправы такого содержанія въ стихахъ нѣтъ достаточнаго количества соли, а въ слогѣ ничего такого, за что автора можно было-бы обвинить въ высокопарности. Однако, всѣ

были согласны, что пьеса написана въ честномъ вкусѣ, что она даетъ здоровую и пріятную пищу уму, но что она скорѣе мила, чѣмъ великолѣпна. Больше всего мнѣ понравилось одно мѣсто, именно разсказъ Энея Дидонѣ и въ особенности тотъ отрывокъ, гдѣ говорится объ убійствѣ Пріама. Если отрывокъ еще сохранился въ твоей памяти, начни съ этого стиха... Ахъ, какъ онъ читается!... Да!—«Взбѣшен- ный Пирръ, какъ злобный левъ Гирканскій».... Нѣтъ, не такъ!... Только помню, что начинается съ Пирра... (*Читаетъ на память*). «Вдругъ безпощадный Пирръ, въ доспѣхахъ во- роненныхъ—и черныхъ, словно ночь иль замыслы его,—изъ темныхъ вѣдъръ коня предательскаго вывелъ,—но скоро черный цвѣтъ смѣнилъ онъ на другой,—что былъ еще въ сто кратъ ужаснѣй. Съ головы—и вплоть до самыхъ пятъ весь залитъ былъ онъ кровью—отцовъ и матерей, сыновъ и доче- рей.—Кровь высохла на немъ отъ пламени пожара.—Заж- женный греками онъ ярко освѣщаль—убійства звѣрскія и гнусныя дѣянья.—И пламенемъ огня, и гнѣвомъ распален- ный,—онъ, грозными, свирѣпыми очами,—въ которыхъ не- навистъ жестокая сверкала,—вездѣ отыскивалъ несчастнаго Пріама»... (*Актеру*). Теперь продолжай ты.

Полоній. Клянусь Богомъ, принцъ, произнесено пре- восходно! Какъ толково, какое чувство мѣры!

1-й актеръ. «Вотъ онъ нашелъ его, пока тотъ наносилъ— удары грекамъ; но удары были слабы,—и прадѣдовскій мечъ не слушался руки.—Пирръ бросился къ нему противникомъ неравнымъ;—мечъ яростно взвился надъ головою старца,—и дряхлый государь палъ отъ его размаха.—Какъ-бы предчув- ствуй Пріама поражение,—трескъ оглушительный вдругъ раз- дался, и рухнулъ—въ одно мгновеніе весь гордый Иліонъ.—Самъ кровавадный Пирръ, увидѣвъ старика—и сребро-бѣ- лыхъ сѣдинъ государя—задумался на мигъ; мечъ въ воздухѣ застылъ,—застылъ и лютый Пирръ. Онъ сходенъ былъ съ картиной,—изображающей злодѣя въ мигъ тяжелой,—мучи- тельной борьбы межъ волею и дѣломъ.—Такъ передъ бурей бываешь иногда:—на небѣ тишина; и тучи неподвижны,—и вѣтры буйные молчатъ; какъ будто мертвый—молчить въ

покой мѣръ. Но часъ насталъ: внезапно—громъ оглушитель- ный всю землю потрясаетъ!—Такъ было и тогда: Пирръ вы- шедъ изъ раздумья.—Местъ кровавадная въ немъ снова пробудилась:—онъ бѣшено свершилъ задуманное дѣло.— Едва-ль, едва-ль когда циклоновъ грозный молотъ,—несо- крупимые доспѣхи богу Марсу—сковавшій, наносилъ та- кихъ ударовъ рядъ,—какъ Пирръ теперь сталъ наносить Пріаму.—Стыдъ и позоръ тебѣ, бездушная Фортуна!—О боги, пусть вашъ сонъ лишитъ ее навѣки—ея безчувственной, несправедливой власти!—Сомните ободы! да, переломайте спицы—у колеса ея и съ высоты Олимпа—низвергните ее сгорѣй въ крошечный тартаръ!».

Полоній. Слишкомъ ужъ длинно.

Гамлетъ. Ты хочешь, чтобы разсказъ подстригли и уко- ротили, какъ твою бороду? (*Актеру*). Сдѣлай одолженіе, про- должай. Ему по-сердцу только однѣ непристойныя пѣсни да площадныя шутки; все другое нагоняетъ на него зѣвоту. Про- должай о Гекубѣ.

1-й актеръ. «О, еслибъ въ этотъ мигъ увидѣлъ кто ца- рицу,—полураздѣтую...»

Гамлетъ (*перебивая*). Полураздѣтую?

Полоній. Что-жъ, это очень недурно. Увидать полураз- дѣтую царицу всякому любопытно.

1-й актеръ. «Полураздѣтую, босую, съ головою—не- задолго предъ тѣмъ увѣнчанной короной,—теперь обитою какой-то трясиней,—съ одною простыней, обернутой вокругъ чреслъ!—Она растеряно по улицамъ металась,—стремясь залить пожаръ потокомъ слезъ горючихъ;—межъ тѣмъ языкъ ея Фортуны вѣроломство—нещадно обливалъ словами уко- ризны—и яда полными, при видѣ, какъ удары—Пирръ на- носилъ ей сраженному супругу,—ругался надъ своею безпо- мощною жертвой.—При этомъ зрѣлищѣ и сами небеса—сле- зами-бъ залились и горько-бъ зарыдали!»

Полоній. Посмотрите, онъ даже поблѣднѣлъ и на гла- захъ слезы. Довольно, довольно! Прошу тебя перестать.

Гамлетъ. Хорошо; ты послѣ доскажешь мнѣ остальное. Почтеннѣйшій Полоній, распорядись, чтобы этимъ господамъ

и помѣщеніе отвели приличное, и обращались съ ними какъ можно лучше. Слышишь—какъ можно лучше, потому что они выдержки изъ сокращенной лѣтописи нашего времени. По-и́брь, злая эпитафія послѣ смерти не такъ страшна, какъ ихъ дурной отзывъ о тебѣ при жизни.

Полоній. Принцъ, я приму ихъ согласно ихъ достоинству.

Гамлетъ. Нѣтъ, почтеннѣйшій, лучше, много лучше! Если-бы съ каждымъ обращаться по его достоинствамъ, кто-же избѣжалъ бы порки? обращаешься съ ними, сообразуясь съ твоимъ саномъ и съ собственнымъ твоимъ достоинствомъ. И щедрость твоя, и доброта сдѣлаютъ тебѣ тѣмъ болѣе чести, чѣмъ менѣе онѣ заслужены. Проводи-же ихъ.

Полоній. Идемте, господа.

Гамлетъ. Ступайте, друзья мои; представленіе будетъ завтра (*Полоній и всѣ актеры уходятъ, кромѣ первого. Къ нему обращается Гамлетъ*). Можете вы исполнить убійство Гонзаго?

1-й актеръ. Можемъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Хорошо; вы его сыграете завтра вечеромъ. Кстати, можете вы, въ случаѣ надобности, выучить строкъ двѣнадцать или шестнадцать мною написанныхъ стиховъ и вставитъ ихъ въ пьесу? Можете?

1-й актеръ. Разумѣется, можемъ, ваше высочество.

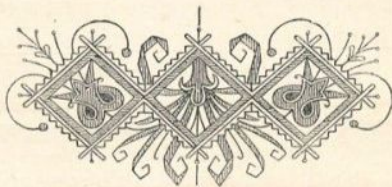
Гамлетъ. Прекрасно, ступай за этимъ старикомъ. Только, если возможно, не насмѣхайтеся надъ нимъ (*Актеръ уходитъ. Гамлетъ обращается къ Розенкранцу и къ Гильденштерну*). А съ вами, друзья мои, я разстанусь до вечера; очень радъ, что вы заглянули въ Эльсиноръ.

Розенкранцъ. Дражайшій принцъ...

Гамлетъ. Ступайте съ Богомъ (*Гильденштернъ и Розенкранцъ уходятъ*). Вотъ я теперь одинъ. О, какой я негодяй, какой подлый рабъ! Развѣ не чудовищно, что этого комедiantа одинъ вымыселъ, одна воображаемая страсть можетъ вдохновлять настолько, что онъ получить способность подчинять этому вымыслу собственную душу, подчинять настолько, чтобы подъ его влияніемъ вся краска сбѣгала съ

лица, на глазахъ появлялись слезы, въ чертахъ лица появлялся ужасъ, чтобы голосъ становился вдругъ разбитымъ, и чтобы все въ человѣкѣ соотвѣтствовало задуманному образу. А изъ-за чего?—изъ-за вздора, изъ-за Гекубы. Что ему Гекуба и что Гекубъ онъ? а между тѣмъ онъ о ней плачетъ. Какъ-же выразилось бы его горе, если-бы онъ имѣлъ такіе же основанія для скорби, какія имѣю я? Онъ залилъ бы всю сцену слезами и оглушалъ-бы зрителей громовыми рѣчами, виноватыхъ онъ довелъ-бы до помѣшательства, вызвалъ бы въ невинныхъ трепетъ, смутилъ невѣжды и привелъ-бы въ ужасъ и зрѣніе, и слухъ изумленныхъ зрителей. А я, что я такое?—жалкій, выхлѣпленный изъ гризи бездѣльникъ, безцвѣтный негодяй, праздный мечтатель, неспособный помочь себѣ въ собственномъ своемъ дѣлѣ, неимѣющій ничего сказать, ничего сдѣлать въ пользу короля, съ такимъ проклятымъ коварствомъ лишеннаго и владѣній, и драгоценной жизни. Уже не трусь-ли я? О, пусть каждый, кто захочетъ, зоветъ меня подлецомъ, прошибетъ мнѣ башку, вырветъ у меня клокъ бороды и швырнетъ мнѣ его въ рожу, терепитъ меня за носъ и оскорбитъ, заткнувъ мнѣ глотку по самымъ легкимъ словамъ «лжець!»—Я покорно стерплю всѣ оскорбленія, какъ будто это не мое дѣло!.. Печень у меня, должно-быть, голубиная и во мнѣ совсѣмъ нѣтъ желчи, когда мнѣ даже кровная обида не горька. Если-бы не это, я давно всѣхъ летающихъ по поднебесью коршуновъ до отвала накормилъ-бы требухой этого шута! Кровожадный, гнусный злодѣй! не знающій укоровъ совѣсти, вѣроломный, омерзительный, безсердечный злодѣй!.. О, мщеніе!.. Какой-же я оселъ! и какая удивительная храбрость! Я сынъ дорогого, предательски убитого отца, подстрекаемый на возмездіе небомъ и землею, словно непотребная женщина, только облегчаю сердце словами и изливаюсь въ ругательствахъ, какъ уличная дѣвка или какъ судомойка! Какой стыдъ!.. Мозгъ мой, за дѣло! Я слышалъ, что люди съ нечистою совѣстью, присутствуя на театральныхъ представленіяхъ, бывали такъ глубоко потрясены самымъ ходомъ дѣйствія, что тутъ-же во всеуслышаніе каялись въ своихъ злодѣяніяхъ... Убійство,

хоти оно и лишено языка, всегда находить средство ска-
заться при помощи какого-нибудь другого изумительнаго
органа. Я прикажу актерамъ сыграть при дядѣ пьесу, имѣю-
щую сходство съ убійствомъ моего отца. Самъ я стану все
время слѣдить за выраженіемъ его лица, пытливо загляну
въ самую его душу, и если онъ смутится хоть немного, я
знаю, что мнѣ останется дѣлать. Однако, весьма можетъ быть,
что явившійся мнѣ призракъ—дьяволъ, потому что дьяволъ
одаренъ властью принимать самые плѣнительные образы.
Да, можетъ-быть, онъ, злоупотребляя слабостью моей воли,
убитымъ настроеніемъ моего духа и благодаря той власти,
какую онъ имѣетъ надъ людьми, подобными мнѣ, нарочно
обманываетъ меня, чтобы загубить мою душу? Мнѣ необхо-
димы улики, болѣе вѣскія, чѣмъ эта. Завтрашняя пьеса по-
служитъ мнѣ силкомъ, въ который я заману совѣсть короля
(Уходитъ).



ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

*Входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія, Розен-
кранцъ и Гильденштернъ.*

Король. И вамъ въ теченіе разговора такъ и не удалось
узнать, зачѣмъ онъ напускаетъ на себя помѣшательство?
Разстраивая этимъ весь миръ своей души, онъ подвергается
опасности сойти въ самый дѣлъ съ ума.

Розенкранцъ. Онъ самъ сознался, что голова его не въ
порядкѣ, но онъ не хочетъ сказать, отчего это происходитъ.

Гильденштернъ. При томъ не даетъ никакой возмоз-
ности выпытать у него хоть что-нибудь. Когда-же мы ста-
рались вызвать его на откровенность относительно настоя-
щаго его положенія, онъ тотчасъ-же спѣшилъ отдѣлаться отъ
насъ, лукаво напуская на себя умышленное разстройство.

Королева. Хорошо онъ васъ принялъ?

Розенкранцъ. Какъ человѣкъ вполне воспитанный.

Гильденштернъ. Но въ его любезности замѣтно было
много напускнаго.

Розенкранцъ. На вопросы онъ не былъ щедръ, но отвѣ-
чалъ весьма свободно.

Королева. Предлагали вы ему какія-нибудь размыс-
ленія?

Розенкранцъ. Государыня, случайно вышло такъ, что

мы на дорогѣ обогнали городскихъ актеровъ и сообщили объ этомъ принцу. Наше извѣстiе его какъ будто обрадовало. Актеры эти гдѣ-нибудь здѣсь, въ замкѣ, и насколько мнѣ извѣстно, имъ уже приказано дать сегодня вечеромъ представлѣнiе въ присутствiи его высочества.

Полонiй. Совершенная правда. Принцъ просить, даже умоляетъ меня уговорить ваши величества послушать и посмотреть пьесу.

Король. Согласенъ отъ души. Такая склонность очень меня въ немъ радуетъ. Прошу васъ, господа, поддерживайте въ немъ такое настроенiе.

Розенкранцъ. Постараемся, государь (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

Король. Уйди и ты, любезная Гертруда. Мы тайно послали за Гамлетомъ, чтобы онъ какъ-бы случайно встрѣтился лицомъ къ лицу съ Офелiей. Отецъ ея и я, имѣя законное право за ними подсматривать, спрячемся, и такъ, оставаясь невидимыми, окажемся свидѣтелями ихъ встрѣчи. Тогда, по его обращенiю можно будетъ безошибочно рѣшить, что заставляетъ его тосковать такъ глубоко:—несчастная любовь или что-нибудь иное.

Королева. Повинуюсь. А тебѣ, Офелiя, я скажу, что была-бы очень рада, если-бы оказалось, что твоя красота влечетъ разстройство Гамлета. Тогда явится возможность надеяться, что твои добродѣтели, къ обоюдной вашей чести, выведутъ его на прежнiй желанный путь.

Офелiя. Государыня, я сама желаю этого отъ всей души. (*Королева уходитъ*).

Полонiй. Прогуливайся пока тамъ. А мы, милостивый мой повелитель, съ вашего соизволенiя, займемъ свои мѣста. (*Офелiя*). Возьми эту книгу; такое подобiе занятiя придастъ правдоподобiе твоему одиночеству. Мы нерѣдко впадаемъ въ такой грѣхъ. Случается очень часто, что мы благочестивымъ видомъ и набожными приемами обманываемъ самого дьявола и кажемся ему сахарными.

Король. Къ несчастiю, это слишкомъ справедливо. Какой жестокий ударъ хлыстомъ наносить моей совѣсти его слова.

Щеки развратницы, прикрашенные искусной штукатуркою, не такъ гадки подъ покрывающимъ ихъ слоемъ, какъ отвратительно мое злодѣянiе подъ прикрасами моихъ словъ. О, какое тяжелое бремя!

Полонiй. Я слышу его; спрячемтесь, государь (*Прячутся*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Жить или не жить?—вотъ въ чемъ вопросъ. Что честнѣе, что благороднѣе: сносить-ли злобные удары обидчицы-судьбы или вооружиться противъ моря бѣдъ, возстать противъ нихъ и тѣмъ покончить съ ними... Умереть—уснуть—и только... Между тѣмъ, такимъ сномъ мы можемъ положить конецъ и болямъ сердца, и тысячамъ мучительныхъ недуговъ, составляющихъ наслѣдiе нашей плоти—такой конецъ, къ которому невольно порывается душа... Умереть, уснуть... уснуть!... Быть-можетъ, видѣть сны?—вотъ въ чемъ затрудненiе. Ибо, какiе же сны могутъ намъ грезиться во время этого мертвого сна, когда мы уже сбросили съ себя всѣ земныя тревоги?—Тутъ есть передъ тѣмъ остановиться, надѣ тѣмъ задуматься. Изъ-за такого вопроса, мы обрекаемъ себя на долгие-долгие годы земного существованiя... Кто въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ-бы переносить бичеванiя и презрѣнiе времени, гнетъ притѣснителей, оскорбленiя гордости, страданiя отвергнутой любви, медленность въ исполненiи законовъ, наглость власти и всѣ лишки, получаемые терпѣливымъ достоинствомъ отъ недостойныхъ, когда онъ самъ могъ-бы избавиться отъ всего этого однимъ ударомъ короткаго кинжала? Кто согласился-бы добровольно нести такое бремя, стонать и обливаться потомъ подъ невыносимую тяжесть жизни, если-бы боязнъ чего-то послѣ смерти, страхъ передъ неизвѣданною страшою, изъ которой не возвращался ни одинъ путникъ, не смущали нашей воли, заставляя насъ покорно переносить испытаннiя уже боги и въ трепетѣ останавливаться передъ неизвѣдомымъ?... Итакъ, сообщь превращаетъ всѣхъ насъ въ трусовъ. Такъ природный румянецъ рѣшимости смѣняется блѣднымъ отливомъ размышленiя; такъ размышленiе останавливаетъ на полпути исполненiе смѣлыхъ и могучихъ начинанiй и они теряютъ

название «дѣйствія»... Но тише! Вотъ хорошенькая Офелія. О, нимфа, въ своихъ святыхъ молитвахъ, помини и меня, и всѣ мои грѣхи.

Офелія. Дорогой принцъ, какъ вы себя чувствовали за все то продолжительное время, какъ мы съ вами не видались?

Гамлетъ. Благодарю за участіе. Ничего, хорошо, хорошо.

Офелія. Принцъ, иногда вы мнѣ дарили на память разныя вещицы, которая я давно собираюсь возвратитъ вамъ; примите-же ихъ отъ меня теперь.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда ничего вамъ не дарилъ.

Офелія. Принцъ, вы сами хорошо знаете, что дарили и при томъ съ такими чарующими словами, что сами подарки становились цѣннѣе. Теперь, когда ихъ благоуханіе испарилось, возьмите ихъ назадъ. Для души благородной самыя богатые подарки становятся ничтожными, когда утрачено расположеніе дарившаго. Возьмите-же ихъ.

Гамлетъ. А-а-а! Офелія, ты честная дѣвушка?

Офелія. Принцъ!

Гамлетъ. И хороша собою?

Офелія. Что хотите вы этимъ сказать?

Гамлетъ. А вотъ что: если ты честна и красива, не допускай, чтобы честность входила въ какия-бы то ни было сношенія съ красотою.

Офелія. Добродѣтель, принцъ, для красоты—самая лучшая спутница.

Гамлетъ. Ну, нѣтъ! Сила красоты несравненно скорѣе заставитъ добродѣтель превратиться въ сводню, чѣмъ добродѣтель спохватится придать красотѣ свой образъ и подобіе. Я тебя когда-то любилъ.

Офелія. Старались, по крайней мѣрѣ, заставить меня этому вѣрить.

Гамлетъ. А тебѣ не слѣдовало мнѣ вѣрить. Если къ старому пню прививать добродѣтель, онъ все-таки сохранитъ прежнія свои свойства. Я тебя не любилъ.

Офелія. Теперь мнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, ясно, что вы меня обманывали.

Гамлетъ. Ступай въ монастырь; это будетъ лучше, чѣмъ

рожать грѣшниковъ. Хотя самъ я человѣкъ достаточно честный, но могъ-бы покаяться въ такихъ грѣхахъ, что матери было-бы лучше меня не рождать. Я тщеславенъ, злопамитенъ, честолюбивъ. При случаѣ я способенъ натворить столько преступленій, что мысль ихъ не вмѣститъ, не представить и не хватить времени осуществить ихъ всѣхъ. Зачѣмъ такимъ людямъ, какъ я, вѣчно пресмыкаться между землею и небомъ? Всѣ мы отъявленные негодяи; не вѣрь ни одному изъ насъ; поэтому ступай лучше въ монахини. Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Ну, и пусть сидитъ тамъ, заперевъ двери, и дома разыгрываетъ дурака, а не при другихъ. Прощай.

Офелія. О, Создатель, помоги ему!

Гамлетъ. Если ты выйдешь замужъ, я вмѣсто свадебнаго подарка наложу на тебя вотъ какую кару: будь цѣло-мудрена, какъ ледъ, чиста, какъ снѣгъ, отъ клеветы ты все-таки не уйдешь. Ступай въ монастырь, ступай! а если ужъ очень захочется выйти замужъ, выходи за дурака, потому что умные люди знаютъ, какими чудовищными украшениями вы способны ихъ наградить. Ступай въ монахини и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прощай!

Офелія. Милосердія силы небесныя, верните ему разсудокъ!

Гамлетъ. Не мало слышался я о вашихъ женскихъ прикрасахъ; да, совершенно достаточно. Богъ далъ вамъ одно лицо, а вы сами устраиваете другое; вы ходите въ припрыжку, жеманитесь, шенелявите, каждому созданію Божескому даете свои прозвища и свою порочность прикрываете притворнымъ невѣдѣніемъ добра и зла. Поди, съ меня довольно! Объявляю, что бракосочетаній болѣе не будетъ. Уже успѣвшие жениться всѣ, кромѣ одного, будутъ жить, а холостые такими-же и останутся. Ступай въ монастырь, ступай! (Гамлетъ уходитъ).

Офелія. О, какой великій разумъ затмился такъ печально. Онъ соединяетъ въ себѣ все:—взглядъ царедворца, храбрость вонна, языкъ ученаго. Онъ былъ лучшею надеждою, розой нашей чудной родины, образцомъ изящества, служившимъ

примѣромъ для всѣхъ; на него любовались и не могли налюбоваться! И все это погнбло, погнбло! А я? Нѣтъ въ мірѣ женщины несчастнѣе меня, болѣе подавленной горемъ. Мнѣ, упивавшейся медомъ его сладкозвучныхъ рѣчей, суждено теперь видѣть, какъ этотъ благородный, царственный разумъ, словно игра колокольчиковъ, еще недавно звучавшая такъ стройно, теперь разстроилась; какъ несравненная красота его цвѣтущей молодости обезображена безуміемъ. О, горе мнѣ! Что я видѣла прежде и что вижу теперь.

Король и Полоній возвращаются.

Король. Нѣтъ, не любовь туманитъ его разумъ, и по словамъ его, не смотря на всю ихъ безсвязность, незамѣтно, чтобы онъ дѣйствительно былъ сумасшедшимъ. На душѣ у него есть что-то другое, повергающее его въ тоску, въ уныніе, и я боюсь, какъ бы его скорбь не высидѣла какой-нибудь страшной бѣды. Чтобы предупредить такое несчастіе, я быстро сообразилъ, какъ надо поступить, и пришелъ воть къ какому рѣшенію. Въ самомъ непродолжительномъ времени, я отправлю его въ Англію за получкой невыплаченной намъ дани. Быть можетъ, моря, различныя страны, множество новыхъ впечатлѣній изгонять изъ его мозга то упорно гнѣздящееся тамъ вѣщо, что постоянно раздражаетъ его и дѣлаетъ его непохожимъ на себя. Что ты на это скажешь?

Полоній. Можетъ-быть, изъ этого и выйдетъ прокъ, но я все-таки продолжаю думать, что происхожденіе и начало его скорби происходятъ изъ отвергнутой любви. Ну, Офелія, тебѣ нечего повторять, что говорилъ принцъ; мы и такъ все слышали... Поступайте, государь, по своему усмотрѣнію, но мнѣ кажется, было-бы недурно, если-бы послѣ представленія королева, его родительница, попыталась выспросить у него причину его горя. Пусть она поговоритъ съ нимъ строго, а я съ вашего соизволенія стану за дверь и услышу ихъ разговоръ. Если королева ничего отъ него не выпытаетъ, отправьте его или въ Англію, или заключите его... а куда? это подскажетъ вамъ ваша мудрость.

Король. Такъ я и поступлю. Людей высокопоставлен-

ныхъ, одержимыхъ безуміемъ, нельзя оставлять безъ надзора (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Большой залъ въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ.

ГАМЛЕТЪ. Сдѣлай одолженіе, произнеси этотъ отрывокъ, какъ прочелъ его тебѣ я, ровно и безъ запинки. Только не издумай ораторію, какъ это дѣлаютъ многие изъ нашихъ актеровъ; если-бы мнѣ требовался крикъ, я свои стихи поручилъ-бы прочесть городскому глашатаю. Не нили слишкомъ усердно воздѣхъ руками и соблюдай во всемъ чувство мѣры, потому что въ самомъ потоцѣ, въ самой бурѣ, такъ сказать, въ самомъ вихрѣ страсти, слѣдуетъ сохранять умѣренность, способствующую стройности впечатлѣнія. Я не могу равнодушно видѣть, какъ иногда дюжій паренъ, въ растрепанномъ парикѣ, рветъ страсть въ доску, въ лохмотья, чтобы, терзая уши, заслужить одобреніе зрителей заднихъ рядовъ, ровно ничего не понимающихъ, кромѣ бессмысленныхъ пантомимъ и крика. Я просто приказалъ-бы высѣчь такого паря за его стремленіе превзойти въ свирѣпости Тэрмаганта, свирѣпѣйшаго изъ Иродовъ. Сдѣлай одолженіе, избѣгай этого.

1-й АКТЕРЪ. Ручаюсь, ваше высочество, что у меня этого не будетъ.

ГАМЛЕТЪ. Не будь также черезъ чуръ слабъ; пусть тобою руководитъ собственный твой разсудокъ. Старайся согласовать движеніе съ словомъ и слово съ движеніемъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на то, чтобы не переступать границъ естественности и простоты, потому что всякое преувеличеніе идетъ въ разрѣзъ съ самыми цѣлями сценическаго искусства. Цѣли эти съ самаго основанія театра и до нашего времени состояли и состоятъ въ томъ, чтобы сцена служила какъ бы зеркаломъ природы, показывая добродѣтели настоящее ея лицо, а пороку собственный его об-

разъ, а каждому вѣку, каждой переменѣ, вызванной временемъ, какія у нихъ черты и какое выраженіе. Если передача роли будетъ или слишкомъ преувеличена, или слишкомъ безцвѣтна, она, быть можетъ, доставитъ удовольствіе людямъ неприсвѣщеннымъ, но никогда не удовлетворитъ людей болѣе разборчивыхъ, а ты самъ согласишься, что одобреніе такихъ людей несравненно цѣннѣ шумныхъ восторговъ всего театра. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, что похвалы расточались такимъ актерамъ, въ рѣчи, въ движеніяхъ которыхъ не было ни образа человѣческаго, ни подобія. Они до того натуживались и ревели, что мнѣ казалось, будто ихъ сотворилъ какой-нибудь поденщикъ природы и сотворилъ плохо, до того скверно подражали они человѣчеству.

1-й актеръ. Мнѣ кажется, что, по крайней мѣрѣ, мы уже много изъ этого искоренили.

Гамлетъ. И продолжайте искоренять до конца. Позаботьтесь также, чтобы играющіе комиковъ ничего не вставляли въ свои роли отъ себя. Нѣкоторые изъ такихъ господъ, ради потѣхи невѣжественныхъ зрителей, позволяютъ себѣ кривляться въ такія минуты, когда все вниманіе должно быть устремлено на какое-нибудь важное положеніе, имѣющее важное значеніе. Это постыдно, не достойно искусства и обнаруживаетъ только глупое самомнѣніе пута. Теперь ступайте и приготовьтесь (*Актеры уходятъ*).

Появляются Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ (*Полонію*). Какой-же отвѣтъ? Согласенъ король взглянуть на представленіе?

Полоній. Да, онъ прибудетъ сюда вмѣстѣ съ королевой и даже очень скоро.

Гамлетъ. Передай актерамъ, чтобы они поторопились. (*Полоній уходитъ. Гамлетъ обращается къ Розенкранцу и къ Гильденштерну*). А вы тоже ступайте и поторопите ихъ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Слушаемъ, принцъ. (*Оба уходятъ. Входитъ Гораціо*)

Гамлетъ. Эй, Гораціо!

Гораціо. Къ вашимъ услугамъ, принцъ.

Гамлетъ. Изъ всѣхъ людей, съ которыми мнѣ случалось входить въ сношенія, самый честный человѣкъ—ты.

Гораціо. О, дорогой мой принцъ!

Гамлетъ. Не думай, будто я желаю тебѣ льстить. Съ какою цѣлью могъ-бы я это дѣлать, когда я не могу ожидать отъ тебя никакихъ выгодъ? Вѣдь, у тебя нѣтъ ровно ничего, кромѣ головы, которая и кормитъ, и одѣваетъ тебя? Зачѣмъ льстить бѣдняку? Нѣтъ, медоточивый языкъ лижетъ руки только у нелѣпой пышности; гибкія колѣни преклоняются только передъ тѣмъ, отъ кого можно выгодно пожизненно. Итакъ, слушай! Съ тѣхъ поръ, какъ моя юная душа получила право избирать и приближать къ себѣ людей, мой выборъ тотчасъ-же палъ на тебя, такъ-какъ я видѣлъ въ тебѣ человѣка, умѣющаго переносить страданія такъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не было, человѣка, который все принималъ отъ жизни съ благодарностью:—и благополучіе, и невзгоды. Благословеніе небесъ на тѣхъ, въ комъ и горячка крови, и разсудокъ находятся въ полномъ равновѣсіи; такіе люди не прости дудки въ перстахъ Фортуны, могущей извлекать изъ нихъ какіе ей угодно звуки. Укажите мнѣ человѣка, не состоящаго въ рабствѣ у собственныхъ страстей, и я такому человѣку отведу почетное мѣсто въ своемъ сердцѣ, да, въ самомъ сердцѣ, и ты именно такой человѣкъ... Но довольно объ этомъ. Помнишь, я передавалъ тебѣ нѣкоторыя подробности объ убійствѣ моего отца. Сегодня въ присутствіи короля представлена будетъ пьеса, нѣкоторыми своими сценами напоминающая эти подробности. Когда дѣло дойдетъ до этого мѣста, наблюдай, ради Бога, за королемъ съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ. Если тайное преступленіе короля не прорвется сквозь какую-нибудь щель и не выдастъ себя словомъ или движеніемъ, значитъ, являвшійся намъ призракъ—выходецъ изъ преисподней и то, что мнѣ кажется, чертъ самой наковальни Вулкана. Не теряй-же его ни на минуту изъ виду, а самъ я впопьюсь глазами въ его лицо; послѣ представленія мы подѣлимся своими впечатлѣніями и, на основаніи видѣннаго нами, обсудимъ, къ какому заключенію слѣдуетъ придти.

Горацио. Извольте, принцъ. Считайте меня потомъ него-
дѣемъ, воромъ, мошенникомъ, если ему во время представ-
ления удастся утѣнть отъ моего вниманія хоть одинъ взглядъ,
хоть одно движеніе.

Гамлетъ. Вотъ всѣ они идутъ сюда. Надо напустить на
себя безпечный видъ. Займи свое мѣсто, Горацио.

*Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гиль-
денстернъ и другія лица изъ свиты. Слуги несутъ зажженные
свѣтильники, трубы гремятъ датскій маршъ.*

Король. Какъ чувствуешь ты себя, Гамлетъ?

Гамлетъ. Превосходно. Питаюсь пищею хамелеона, ѣмъ
воздухъ, начиненный обѣщаніями. Этими вы каплунъ не
откормите.

Король. Отвѣтъ твой, Гамлетъ, совсѣмъ ко мнѣ нейдетъ.
Это совсѣмъ не мои слова.

Гамлетъ. Да теперь уже и не мои (*Полонію*). Почтеннѣй-
шій, ты говорилъ, что, будучи въ университетѣ, самъ игра-
валъ на сценѣ?

Полоній. Игрывалъ, ваше высочество, и считался хоро-
шимъ актеромъ.

Гамлетъ. А въ чемъ ты игралъ?

Полоній. Я изображалъ Юлія Цезаря. Брутъ убивалъ
меня въ Капитоліѣ.

Гамлетъ. Со стороны Брута было большимъ скотствомъ
убивать такого славнаго теленка... Готовы актеры?

Розенкранцъ. Совершенно готовы; ожидаютъ только
вашего приказанія, чтобы начать.

Королева. Подойди сюда, Гамлетъ, и сядь со мною рядомъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, добрая матушка, здѣсь есть магнитъ
посильнѣе.

Полоній. Ну, такъ, такъ! (*Королю*). Замѣчаете вы это, го-
сударь?

Гамлетъ (*Ложась къ ногамъ Офеліи*). Прелестная Офелія,
могу я привлечь къ вамъ?

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Я хотѣлъ сказать, позвольте мнѣ привлечь го-
ловую къ вашимъ колѣнямъ.

Офелія. Извольте, принцъ.

Гамлетъ. Неужто вы подумали, что я хочу сказать вамъ
грубость?

Офелія. Я ничего не думала, принцъ.

Гамлетъ. Впрочемъ, это было-бы самымъ естественнымъ
желаніемъ.

Офелія. Что, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы сегодня веселы, ваше высочество.

Гамлетъ. Кто, я?

Офелія. Вы, принцъ.

Гамлетъ. Да, я хочу быть вашимъ забавникомъ. Что-же
лучше можетъ придумать человѣкъ, находящійся въ весе-
ломъ настроеніи? Взгляните, какъ весела моя мать, а между
тѣмъ прошло всего два часа съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой
отецъ.

Офелія. Ошибаетесь, принцъ:—съ тѣхъ поръ прошло
уже два мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ давно?.. Пусть, если такъ, самъ чортъ
облекается во все черное, я буду носить одежды не иначе,
какъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, обшитыхъ соболемъ. О, Боже
мой! Умеръ уже два мѣсяца тому назадъ и еще не забытъ!
Въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что слава великаго че-
ловѣка переживетъ его на цѣлыхъ полгода. Но для этого
необходимо, чтобы онъ настроилъ побольше соборовъ, иначе,
клянусь Пресвятой Дѣвой, ему грозитъ та-же участь, какъ
и деревянному коню на пужинѣ, удостоившемуся, какъ
вамъ извѣстно, такой эпитафіи:—«Увы, забыть деревянный
конь, увы!.. забыть на вѣкъ!»

Трубить въ рожки; пантомима начинается.

*Входятъ Гамлетъ и Баптиста, нѣжно обнявшись. Коро-
лева цѣлуетъ мужа, а потомъ, ставъ передъ нимъ на ко-
лѣни, жестикулируетъ ему свою любовь. Онъ поднимаетъ
ее, ложится на дерюговую скамью, склоняетъ голову ей на
плечо и засыпаетъ. Королева, видя, что онъ заснулъ, уло-
дитъ. Тогда появляется новое лицо. Человѣкъ этотъ сгибаетъ
съ спящаго корону, цѣлуетъ ее и вливаетъ лѣвъ въ ухо королю,*

а затѣмъ уходитъ. Королева возвращается, видитъ мужа мертвымъ и выражаетъ бурное отчаяніе. Отравитель въ сопровожденіи двухъ или трехъ безмолвныхъ личностей возвращается и тоже принимается вѣстать съ вдовою оплакивать умершаго. Покойника уносятъ. Отравитель начинаетъ объясняться королевы въ любви и предлагаетъ ей подарки. Она сначала отталкиваетъ его, но потомъ склоняется на его любовь).

Офелия. Что это означаетъ, принцъ.

Гамлетъ. Для меня самого смыслъ теменъ, но, должно быть, изображается какая нибудь темная продѣлка.

Офелия. Въ пантомимѣ, вѣроятно, излагается содержаніе пьесы. (*Входитъ Прологъ*).

Гамлетъ. Вотъ этотъ молодецъ объяснить намъ все. Актеры ничего не умѣютъ сохранять въ тайнѣ; вѣчно все выболтаютъ.

Офелия. Объяснить онъ намъ смыслъ пантомимы?

Гамлетъ. Сдѣлайте ему какой угодно пантомимный знакъ, онъ его пойметъ и какъ бы ни былъ безстыденъ этотъ знакъ, онъ объяснитъ вамъ его тоже безъ малѣйшаго стыда.

Офелия. У васъ злой языкъ, принцъ; очень злой. Дайте мнѣ слушать пьесу.

Прологъ. Для насъ и для нашей трагедіи—мы просимъ, чъ васъ спускожденія—вниманія, какъ и терпѣнія (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Что это, прологъ или девизъ на перстнѣ?

Офелия. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень коротокъ.

Гамлетъ. Какъ женская любовь.

На вторыхъ подмосткахъ появляются театральныи король

Гонзаго и театральная королева Баптиста.

Гонзаго. Вотъ тридцать разъ уже, какъ Феба колесница—объѣхала вокругъ соленыхъ странъ Нептуна—и вкругъ округлостей владѣній твердыхъ Талла—и тридцать дюжинокъ дунъ уже заснымъ—сияніемъ своимъ двѣнадцать взятыхъ разъ—мракъ тридцати ночей собою разгоняли—съ тѣхъ поръ, какъ въ насъ Амуръ зажегъ огонь любви,—а Гименей связалъ насъ крѣпкими цѣпями.

Баптиста. Остолько-жъ разъ еще пусть солнце и луна—своей путъ размѣренный спокойно совершаютъ,—для насъ

конецъ любви взаимной не настанетъ.—Но вотъ ужъ сколько дней ты болѣенъ, измѣнился—утратилъ прежнюю веселость и меня—твое здоровье тревожитъ не на шутку.—Но какъ ни велика моя тревога, ты, безцѣнный властелинъ, вниманья на нее—не обращай. Вѣдь ей такое-же пространство—отведено въ душѣ у женщинъ, какъ любви—И той, какъ и другой нѣтъ въ сердцѣ нѣтъ совѣтъ,—илъ если есть любовь, должна быть и тревога.—А какъ сильна моя любовь, о мой Гонзаго!—тебѣ доказано давно уже на дѣлѣ,—и ей равна моя душевная тревога.—Тамъ, гдѣ любовь сильна, тревога возрастаетъ;—тревога чѣмъ сильнѣй, тѣмъ и сильнѣй любовь.

Гонзаго. Увы! разстаться намъ съ тобой придется скоро:—отказъ встрѣчаю я у престарѣлыхъ силъ—слушать мнѣ долѣе. А ты? ты безъ меня—въ живыхъ останешься, въ снѣгахъ величья.—И, можетъ быть, другой найдетъ человѣкъ;—полюбишь ты его, вторично выйдешь замужъ.

Баптиста. Молчи! нѣтъ, никогда! Такой поступокъ былъ бы—измѣной гнусною со стороны моеи!—Пусть надо мною гнѣвъ небесный разразится—когда рѣшуся я вступить вторично въ бракъ.—Вѣдь новая любовь былую убиваетъ.

Гамлетъ (*прдъ себя*) Все это имъ помынь, помынь!

Баптиста. Заставить женщину вторично въ бракъ вступить—одинъ, одинъ расчетъ лишь можетъ, не любовь.—Я мужа прежняго вторично убиваю,—когда меня другой въ объятіяхъ сжимаетъ.

Гонзаго. Я вѣрю, искренни слова твои, Баптиста.—Намѣренія-же, увы! мѣняются нерѣдко;—рабами памяти рѣшенія бывають.—Хотя его порой и сильно проявленіе,—но жизни силъ въ немъ нѣтъ;—оно не долговѣчно.—Незрѣлый плодъ виситъ на зыбкой вѣтви крѣпко;—но лишь созрѣетъ онъ, какъ тотчасъ отпадетъ—безъ посторонняго усилія. О, мало-ль—чего не насулимъ мы подъ влияньемъ страсти,—но страсть остыла и... всѣ клятвы позабыты.—Какъ сильны-бъ ни были и радости, и горе—они въ концѣ концовъ себя уничтожаютъ.—Гдѣ радости живѣй, тамъ и обильнѣй слезы.—При каждомъ случаѣ удобномъ, радость въ грусть,—а грусть тяжелая вдругъ въ радость переходить.—

Когда не вѣченъ міръ, чему-же удивляться,—что въ немъ мѣняются и наши ощущенья?—и не рѣшенъ вопросъ, любовь-ли править счастьемъ—или счастье въ свой чередъ любовью управляетъ?—Падетъ-ли славный мужъ, льстецы всѣ вдругъ исчезнутъ;—возвысится бѣднякъ, враги друзьями станутъ. Такъ идутъ обѣ руку и счастье, и любовь:—не знающій нужды, всегда друзей имѣетъ,—а если кто въ нуждѣ захочетъ испытать—друзей, друзья въ враговъ сейчасъ-же обратятся.—Но, чтобы къ выводу разумному придти,—я вотъ чѣмъ заключу: да, наша воля съ волей—судьбы расходится такъ сильно, что намъ рѣдко—свои намѣренія исполнить удается.—Мысль—наша собственность; ея же исполненіе—зависитъ не отъ насъ. Такъ: рѣшено теперь—тобой не выходить вторично замужъ, но,—умри твой первый мужъ, измѣнить рѣшеніе.

Баптиста. Пускай земля давать откажется мнѣ пищу,—а небо отпускать и свѣтъ мнѣ, и тепло;—пусть никогда не знать покоя мнѣ и счастья; пускай отчаяньемъ всѣ смѣются надежды;—пускай мнѣ узины достанется удѣлъ;—пускай превратности судьбы туманять радость—и отравляютъ жизнь мнѣ горечью своею;—пощады пусть не знать ни здѣсь мнѣ, ни за гробомъ,—коль, оловѣвъ, опять я выйти замужъ!

Гамлетъ (*Ofelia*). Что, если она измѣнитъ клятвамъ?

Гонзаго. Уйди, Баптиста; мнѣ-бъ отъ всѣхъ дневныхъ заботъ—хотѣлось отдохнуть въ объятіяхъ сладкихъ сна,—а голова моя такъ тяжела! Ступай-же.

Баптиста. Пускай твой мозгъ найдетъ отдохновеніе въ снѣ,—и никогда ничто не станетъ между нами (*Гонзаго засыпаетъ, Баптиста уходитъ*).

Гамлетъ. Государыня, какъ вамъ нравится пьеса?

Королева. Мнѣ кажется, что жена надавала слишкомъ много клятвъ.

Гамлетъ. Но она ихъ сдержитъ, сдержитъ. Это вѣрно!

Король. Тебѣ извѣстно содержаніе? Нѣтъ въ немъ ничего предосудительнаго?

Гамлетъ. О, ровно ничего! Все въ пьесѣ происходитъ

такъ, шутки ради. Есть, правда, ядъ, но это даже не ядъ, а пустая стеклянка.

Король. А какъ названіе пьесы?

Гамлетъ. «Мышеловка». Вы желаете знать, въ какомъ смыслѣ?—разумѣется, въ переносномъ. Въ ней изображено происшествіе, случившееся въ Вѣнѣ. Короля зовутъ «Гонзаго», королеву «Бапистой». Вотъ увидите, что будетъ да-дѣ:—нѣкто отравителемъ, но для насъ оно все равно: и у вашего величества, и у меня совѣсть чиста, слѣдовательно намъ нечего принимать къ сердцу то, что происходитъ на сценѣ. Пусть кланья лягаются, сколько угодно, намъ нечего бояться; спинной хребетъ останется у насъ въ добромъ здравіи (*Входитъ другой актеръ въ роли Люціана*). А вотъ тотъ—нѣкто Люціанъ.

Офелія. Вы отлично исполняете должность хора, принцъ.

Гамлетъ. О, я объясню, что угодно. Увидавъ кукольную комедію, я, пожалуй, объясню, что происходитъ между вами и вашимъ любовникомъ.

Офелія. Вы колки, принцъ, очень колки.

Гамлетъ. Вамъ стоитъ только вскрикнуть, и колкость моя притупится.

Офелія. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже.

Гамлетъ. Такое разочарованіе готовятъ вамъ всѣ мужья... Ну, начинай-же, убійца!... Полно ломаться!... Скорѣе къ дѣлу!... Знаешь крикъ ворона? Онъ каркаетъ и каркаетъ—крово! крови!

Люціанъ. Готовы слѣдовать внушенію мыслей черныхъ—вотъ эти руки. Часъ мнѣ кажется удобнымъ.—Сама судьба со мной въ сообщество вступаетъ.—Никто, никто меня не можетъ здѣсь увидѣть.—О, зелье адское, сама, сама Геката—влила въ тебя свои отравленные соки;—такъ прояви-жь свои убійственныя силы—и разомъ сокруши здоровье и жизни! (*Вливаетъ ядъ въ узо спящему Гонзаго*).

Гамлетъ. Онъ отравляетъ короля въ саду. Короля зовутъ «Гонзаго». А потомъ вы увидите, какъ отравитель завладеваетъ любовью жены Гонзаго. Это истинное происшествіе описанное на чистѣйшемъ итальянскомъ языкѣ.

Офелія. Смотрите, король вскопчилъ съ мѣста.
Гамлетъ. Онъ испугался блуждающаго огня.
Королева. Что съ вами, государь?

Полоній. Прекратите представленіе!

Король. Огня, побольше огня!

Всѣ. Огней сюда побольше! Огней! огней! огней! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо*).

Гамлетъ. Пусть раненный олень бѣжитъ въ слезахъ,
А лань здоровая смѣется!

Одинъ здѣсь бодрствуетъ, пока другіе спать;
Видъ такъ на свѣтѣ все ведется!

А что Гораціо, если-бы мнѣ пришлось извѣдать превратности судьбы, вѣдь, меня,—да еще съ дѣсомъ перьевъ на головѣ и съ розами на пестрыхъ башмакахъ съ высокими каблуками,—приняли-бы въ любую трупшу актеровъ.

Гораціо. На половинный окладъ, принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, на полный!

Ты знаешь, другъ Дамонъ здѣсь Зевсъ царилъ когда-то
И всѣ дѣла онъ лично велъ.

На мѣстѣ-жъ Зевса кто,—пойми!—вдругъ оказался?
Простой, ну, да, простой... павлинъ!

Гораціо. Вы могли-бы поставить рифму, принцъ.

Гамлетъ. О, для меня теперь каждое слово призрака дороже тысячи червонцевъ! Замѣтилъ ты?

Гораціо. Отлично замѣтилъ, принцъ.

Гамлетъ. А когда дѣло дошло до отравленія?

Гораціо. Тоже замѣтилъ.

Гамлетъ. Эй, музыку сюда! Флейты и гобой! Когда представленіе королю не по вкусу, ну, значитъ... оно не по вкусу ему! Вотъ и только... Эй, музыку!

Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гильденштернъ. Добрѣйшій принцъ, позвольте сказать вамъ пару словъ.

Гамлетъ. Хотѣю цѣловать вашу руку.

Гильденштернъ. Король...

Гамлетъ. Что съ нимъ такое?

Гильденштернъ. Онъ ушелъ къ себѣ и очень разстроенъ.

Гамлетъ. Можетъ-быть, выпилъ лишнее?

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, онъ страдаетъ желчью.

Гамлетъ. Вы поступили-бы несравненно умнѣе, еслибы уведомили объ этомъ его врача, а не меня. Если я пропишу ему очистительное, оно, пожалуй, разстроитъ его еще сильнѣе.

Гильденштернъ. Добрѣйшій принцъ, приведите хоть сколько-нибудь въ порядокъ свои мысли и не уклоняйтесь такъ упорно отъ няти разговора.

Гамлетъ. Вотъ я усмирень окончательное. Глаголете.

Гильденштернъ. Королева глубоко огорчена и посылаетъ меня къ вамъ.

Гамлетъ. Добро пожаловать.

Гильденштернъ. Такая чрезмѣрная вѣжливость не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Угодно будетъ вамъ дать мнѣ здравый отвѣтъ, я исполню порученіе, возложенное на меня вашею матерью, не угодно—я попрошу у васъ извиненія, удалюсь и этимъ покончу дѣло.

Гамлетъ. А если я не могу?

Гильденштернъ. Почему-же, принцъ?

Гамлетъ. Какъ-же могу я дать вамъ разумный отвѣтъ, когда мозгъ мой разстроенъ? Но если вы удовольствуетесь такимъ отвѣтомъ, какой я въ состоянн вамъ дать, я къ вашимъ услугамъ или скорѣе,—какъ говорили вы сами,—къ услугамъ моей матери. Итакъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, къ дѣлу. Что угодно матери?

Розенкранцъ. Она говоритъ, что ваше поведеніе повергло ее въ печаль и въ изумленіе.

Гамлетъ. Удивительный сынъ, если онъ способенъ повергнуть въ изумленіе даже родную мать. Однако, по пятамъ за материнскимъ изумленіемъ не слѣдуетъ-ли еще что-нибудь?

Розенкранцъ. Она желаетъ, чтобы ранѣе, чѣмъ отойти ко сну, вы повидались съ нею въ ея комнатѣ.

Гамлетъ. Еслибы она десять разъ была нашею матерью, мы и тогда исполнили бы ея желаніе. Имѣете вы сказать намъ еще что-нибудь?

Розенкранцъ. Принцъ, вы когда-то меня любили.

Гамлетъ. Клянусь всѣми ворами и татями, что люблю и теперь.

Розенкранцъ. Если такъ, принцъ, повѣдайте мнѣ причину вашего разстройства. Отказываясь подѣлиться своимъ горемъ съ другомъ, вы сами запираете передъ собою дверь, за которою васъ ожидаетъ освобожденіе.

Гамлетъ. Жажда власти, любезный другъ.

Розенкранцъ. Какой-же вамъ еще власти, принцъ, когда король и такъ уже провозгласилъ васъ наслѣдникомъ датскаго престола.

Гамлетъ. Такъ-то оно такъ, но... вы, вѣдь, знаете пословицу: «пока трава выростетъ, конь успѣетъ издохнуть». Отъ этой пословицы уже нѣсколько отдаютъ затхлымъ (*Входитъ музыкантъ съ флейтой*). Эй, флейщикъ, дай мнѣ свою дудку (*Розенкранцу и Гильденштерну*). Послушайте, господа, что это вы все вертитесь около меня, словно соломенки, брошенныя въ воздухъ, чтобы узнать, откуда дуетъ вѣтеръ, и какъ будто хотите опутать меня сѣтями?

Гильденштернъ. О, принцъ, если мое усердіе и слыхомъ смѣло, оно доказываетъ всю искренность моей любви.

Гамлетъ. Я это не особенно хорошо понимаю. Сыграй мнѣ что-нибудь на этой дудкѣ.

Гильденштернъ. Не умѣю, принцъ.

Гамлетъ. Ну, сдѣлай одолженіе.

Гильденштернъ. Право, не умѣю.

Гамлетъ. Ну, ради меня.

Гильденштернъ. Повѣрьте, принцъ, не умѣю.

Гамлетъ. Играть на ней такъ-же легко, какъ лгать. Надо положить пальцы на эти отверстія, потомъ дуть вотъ сюда, и выйдетъ прелестная музыка.

Гильденштернъ. Хотя это, быть можетъ, и легко, но все-таки нужно умѣніе, а его-то у меня и нѣтъ.

Гамлетъ. Если такъ, какимъ-же ничтожествомъ считаете вы меня? Вы хотите играть на мнѣ, какъ на дудкѣ; хотите доказать, будто знаете, какъ за меня взяться; хотите вырвать у меня душу моей тайны; хотите заставить меня зазвучать всего и выказать все протяженіе моихъ звуковъ

отъ самой низкой до самой высокой ноты, когда не умѣете извлекать звуковъ даже изъ этой флейты, поющей такъ приятно. Неужто, чортъ возьми, вы воображаете, будто на мнѣ играть легче, чѣмъ на дудкѣ. Считайте меня какимъ угодно инструментомъ; разстроить меня вы можете, но играть на мнѣ—нѣтъ! (*Входитъ Полоній*). Желаю вамъ всѣхъ благъ, почтеннѣйшій.

Полоній. Принцъ, королева желаетъ немедленно перевернуть съ вами.

Гамлетъ. Взгляните на это облако. Какъ оно похоже на верблюда.

Полоній. Клянусь Богомъ, совершенно верблюда.

Гамлетъ. Или на лисицу.

Полоній. Да, да, совсѣмъ лисица.

Гамлетъ. Или, нѣтъ!—скорѣе на кита.

Полоній. Да, въ самомъ дѣлѣ на кита.

Гамлетъ. Хорошо, скажи, что я приду сейчасъ. (*Про себя*). Съ ними, пожалуй, совсѣмъ одурѣешь! (*Полонію*). Сейчасъ приду.

Полоній. Такъ я и доложу (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Сказать «сейчасъ» не трудно. Друзья мои, удалитесь и вы (*Гильденштернъ, Розенкранцъ и Горацио уходятъ*). Вотъ наступилъ часъ, благоприятный для ночныхъ чародѣйствъ, когда могилы отворяются, и дыханіе ада распространяетъ по землѣ заразу. Теперь я въ состоянн былъ-бы унитъ горячею кровью, натворить такихъ страшныхъ дѣлъ, что, взглянувъ на нихъ, содрогнулось-бы само солнце... Однако, надо идти къ матери. О, сердце, не утрачивай своихъ природныхъ свойствъ; пусть въ эту крѣпкую грудь никогда не вселится душа Нерона. Я могу быть неумолимымъ, но извергомъ не сдѣлаюсь никогда. Пусть, словно кинжалъ, разить ее мой языкъ, но не рука. Пусть на этотъ разъ и душа моя, и языкъ напустятъ на себя лицемеріе. Какими бы угрозами я ни раздражался, о, моя душа! не допускай, чтобы онѣ перешли въ дѣло (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. Я имъ очень недоволенъ, да и давать волю сумашедшему для насъ не безопасно. Будьте-же готовы. Я сейчасъ-же сдѣлаю необходимыя распоряженія, и онъ отправится съ вами въ Англію. Мы обязаны не допускать, чтобы его безуміе подвергало опасности благосостояніе нашего государства.

Гильденштернъ. Заботиться о безопасности такого громаднаго количества лицъ, живущихъ только вашимъ величествомъ, обязанность святая.

Розенкранцъ. Даже частный человѣкъ обязанъ пригнать всѣ силы ума, чтобы оградить себя отъ всего вреднаго, а тѣмъ болѣе монархъ, отъ жизни котораго зависитъ спокойствіе многотысячной толпы его подданныхъ. Смерть монарха не есть смерть одного человѣка. Она, какъ бездна, притягиваетъ къ себѣ все, стоящее къ нему близко. Онъ—исполненное колесо, стоящее на вершинѣ высочайшей горы; великое множество второстепенныхъ личностей связано съ нимъ, прикрѣплено къ нему, образуя его громадные спицы. Если падетъ оно, его шумное паденіе повлечетъ за собою гибель и всѣхъ этихъ мелкихъ второстепенностей. Последній вздохъ короля никогда не бываетъ одинокимъ; его всегда сопровождаетъ стонъ всего народа.

Король. Прошу васъ, приготовьтесь скорѣе къ спѣшному отъѣзду. Мы надѣнемъ оковы на угрожающее намъ пугало ползующееся до сихъ поръ слишкомъ обширной свободой.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы скоро будемъ готовы (*Уходятъ. Появляется Полоній*).

Полоній. Государь, принцъ Гамлетъ сейчасъ отправляется въ комнату королевы, а я спрячусь за коверъ и подслушаю весь разговоръ. Ручаюсь, что она сдѣлаетъ ему строжайшій выговоръ; однако, согласно вашимъ-же словамъ и словамъ въ высшей степени мудрымъ, необходимо, для боль-

шой вѣрности, чтобы чье-нибудь постороннее ухо искусно воспользовалось заявленіями сына, помимо уха матери, такъ-какъ матери по самой своей природѣ бываютъ пристрастны. Будьте здоровы, государь. Я еще загляну къ вамъ, прежде чѣмъ вы ляжете почивать, и расскажу вамъ все.

Король. Благодарю, любезный мой Полоній. (*Полоній уходитъ*). Смрадъ отъ моего гнуснаго злодѣянія доходить до самого неба. На этомъ преступленіи лежитъ первое, самое древнее проклятіе, проклятіе за братоубійство. Я не могу молиться, хотя желаніе и воля влекутъ меня къ молитвѣ. Чудовищность моего злодѣянія превозмогаетъ силу моего намѣренія. Я нахожусь теперь въ положеніи человѣка, на которомъ лежить исполненіе двухъ обязанностей. Не зная, съ которой начать, онъ не исполняетъ ни той, ни другой. Неужели, если-бы кровь брата легла на эту проклятую руку еще вдвое болѣе толстымъ слоємъ, чѣмъ сама эта рука, небеса окажутся на столько немилосердными, что у нихъ не хватить дождя, чтобы омыть эту руку отъ крови и снова придать ей свѣжую бѣлизну? Въ чемъ-же состоитъ сущность милосердія, какъ не въ томъ, чтобы противопоставлять его преступленію? и что такое молитва, какъ не двоякая сила? Одна изъ этихъ силъ помогаетъ удерживаться отъ преступленія, другая—заслужить прощеніе, когда преступленіе уже совершилось... Преступленіе мое—дѣло уже прошлое; возведемъ-же глаза къ небесамъ... Но въ какихъ выраженіяхъ молиться? Сказать-ли такъ:—«Господи, прости мнѣ гнусное мое убійство?» Нѣтъ, это невозможно, потому что я до сихъ поръ пользуюсь тѣми благами, изъ-за которыхъ оно совершено, то-есть, изъ-за короны, изъ-за власти, изъ-за жены. Можно-ли получить прощеніе, не разставившись съ этими благами? Продажное земное правосудіе можно подкупить золотомъ, и оно оправдаетъ виноватаго; на этотъ подкупъ нерѣдко уходятъ все то, чѣмъ воспользовался преступникъ. Но тамъ, на небесахъ, не то. Тамъ увертки немислимы и дѣянія являются въ истинномъ своемъ свѣтѣ; мы сами должны изложить ихъ во всей ихъ наготѣ. Что-же остается дѣлать? да, что дѣлать? Попытаться узнать, къ чему можетъ привести расканіе?

Въ чемъ можетъ оно помочь? Но къ чему такая попытка, когда въ душѣ нѣтъ настоящаго раскаянія?.. Положеніе ужасное! О, совѣсть моя, ты черна, какъ смерть! О, бѣдная моя, погрязшая въ грѣхахъ душа, чѣмъ ты болѣе отъ нихъ отбиваешься, тѣмъ они обильнѣе ливаютъ тебя все сильнѣе.. Ангелы небесные, напрягите силы и помогите мнѣ!.. Согнитесь, мои неподатливыя колѣни, а ты, желѣзное сердце, смягчись и будь такъ-же нѣжно, какъ мышцы новорожденнаго младенца!.. Все еще можетъ быть замолено! (*Становится на колѣни. Входитъ Гамлетъ съ обнаженными кинжалами.*)

Гамлетъ (*остановившись сзади короля*). Теперь было-бы удобно нанести ударъ... Онъ молится, и я воспользуюсь минутой... Но тогда онъ отправится прямо на небеса, а развѣ мнѣ такое нужно мщеніе?.. Это необходимо обсудить. Злодѣй убилъ моего отца, а я, единственный сынъ убитаго, отправлю вѣдругъ убійцу на небеса!.. Такой исходъ былъ-бы милостью, наградою, а не мщеніемъ. Онъ умертвилъ моего отца предательски, заставъ того неподготовленнымъ, не въ мѣру сытымъ и въ такомъ полномъ расцвѣтѣ грѣховъ, какъ природа въ маѣ. Кто, кромѣ Бога, знаетъ, каково ему отдавать теперь отчетъ въ этихъ грѣхахъ? По имѣющимся даннымъ и по моему предположенію—крайне тяжело, и развѣ значило-бы отомстить человѣку, убивъ его въ такое время, когда онъ очищалъ душу, когда онъ принялъ всѣ мѣры и приготовился къ далекому пути? Нѣтъ. Подожди, мой кинжалъ! Приготовься нанести болѣе жестокий ударъ, когда онъ будетъ или спать пьяный, предаваться гнѣву, или вкушать наслажденіе на кровосмѣсительномъ ложкѣ; или за игрою въ такое время, когда онъ ругается и сквернословитъ, или когда онъ вообще совершаетъ какое-нибудь далеко не душеспасительное дѣяніе. Вотъ въ подобную минуту ты нанесешь ему такой ударъ, чтобы только его пятки обращены были къ небу, а окаянная душа его была такъ-же черна, какъ тотъ адъ, гдѣ ей указано мѣсто!.. Однако, меня ожидаетъ мать. (*Глядя на короля*). Это хоть и цѣлебное для души средство, но оно не излечитъ тебя, а только продлитъ твою болѣзнь. (*Гамлетъ уходитъ; король перестаетъ молиться и встаетъ*).

Король. Слова стремятся въ высь, а мысли на землѣ; слова безъ мысли никогда не вознесутся до небесъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Комната королевы.

Входятъ Королева и Полоній.

Полоній. Онъ скоро явится. Обойдитесь съ нимъ посуровѣе; это необходимо. Скажите ему, что нѣтъ силъ переносить его дерзкихъ выходокъ, и что только чувство состраданія къ нему заставляютъ ваше величество сдерживать справедливыя гнѣвы. Я же спрячусь вотъ сюда и буду молчать, а вы, повторяю, обойдитесь съ нимъ, какъ можно строже.

Гамлетъ (*За сценой*). Матушка! матушка!

Королева. Ручаюсь вамъ; не бойтесь за меня. Уйдите, я слышу его приближеніе (*Полоній прячется за вислице ковра*).

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Что вамъ угодно, матушка?

Королева. Гамлетъ, ты жестоко оскорбилъ отца.

Гамлетъ. Нѣтъ, матушка, мой отецъ жестоко былъ оскорбленъ вами.

Королева. Перестань! Ты отвѣчаешь мнѣ языкомъ сумасброда.

Гамлетъ. А вы допрашиваете меня, какъ виноватаго.

Королева. Что это значить, Гамлетъ?

Гамлетъ. Вамъ что отъ меня угодно?

Королева. Ты забываешь, кто я!

Гамлетъ. Нѣтъ, клянусь святымъ крестомъ, не забываю! Вы королева, жена мужнина брата и,—отъ всей души желаю, чтобы по милосердію Божію было не такъ,—вы моя мать.

Королева. Я позову людей, которые съумѣютъ научить тебя, какъ слѣдуетъ говорить.

Гамлетъ. Ну, полно, полно, садьте. Вы до тѣхъ поръ не двинетесь съ мѣста и не уйдете, пока я не покажу вамъ такого зеркала, которое дастъ вамъ заглянуть во всѣ тайники вашей души.

Королева. Что хочешь ты сдѣлать? убить меня? Помогите, помогите! Ко мнѣ!

Полоній (*за коврами*). Что такое? Помогите!

Гамлетъ (*обнаживъ шпагу*). А! Тамъ крыса! (*Наноситъ ударъ черезъ коверъ*). Убить! Червонецъ объ закладъ, убить.

Полоній (*за ковромъ*). Онъ убилъ меня! (*Умираетъ*).

Королева. Боже мой, что ты сдѣлалъ!

Гамлетъ. Право, самъ не знаю... Тамъ король? (*Откидываетъ коверъ и вытаскиваетъ трупу Полонія*).

Королева. Какой жестокий, какой кровавый поступок!

Гамлетъ. Да, поступокъ кровавый; онъ почти такъ-же преступенъ, какъ убить короля и выйти замужъ за его брата.

Королева. «Какъ убить короля?»

Гамлетъ. Да, королева, это мои слова (*Обращаясь къ Полонію*). А ты, наглый шутъ, глупецъ, вмѣшивающійся не въ свои дѣла, прощай! Я принялъ тебя за другого, занимающаго болѣе высокій санъ; помирись съ своею судьбою. Теперь ты знаешь по опыту, что избытокъ усердія можетъ иной разъ влечь въ бѣду (*Королеву*). Перестаньте терзать свои руки. Молчите, сядьте; я намѣренъ истерзать ваше сердце, и истерзаю его, если оно не сотворено изъ нескрушимаго матеріала, и если привычка къ преступленію не обратила его въ мѣдъ, такъ что никакое чувство ему теперь не доступно.

Королева. Но что-же я сдѣлала? За что такъ жестоко звинтъ меня твой языкъ?

Гамлетъ. Ты виновата въ такомъ проступкѣ, отъ котораго блекнетъ краска стыда, пропадаетъ красота скромности, добродѣтель обращается въ лицемеріе, съ чела непорочной любви спадаютъ розы и замѣняются гнойными извами; данный при вступленіи въ бракъ обѣтъ превращается въ зарки игрока! Да, отъ такого проступка святыя брака становятся собраніемъ пустыхъ, бессмысленныхъ словъ. Само небо краснѣетъ отъ твоего грѣха, а земля, эта твердая и прочная масса, принимаетъ такой мрачный видъ, что думается, не наступаетъ-ли день страшнаго суда, и все это отъ твоего болѣзненно бессмысленнаго проступка.

Королева. Но что-же это за проступокъ, на который ты обрушиваешься всѣми своими громами?

Гамлетъ. Посмотри вотъ на эту картину и на эту. На картинахъ изображены два брата. Смотри, какою прелестью дышало лицо одного изъ нихъ:—кудри Гинеріона! чело самого Юпитера, взглядъ такой-же повелительный и грозный, какъ у Марса! Осанка, какъ у вѣстника боговъ, Меркурія, когда тотъ, легко залетѣвъ подъ самое небо, останавливается намигъ на вершинѣ лобызающаго небо холма. Кажется, будто каждое божество наложило свою печать на этого избранника, чтобы дать землѣ настоящаго человѣка!—и этотъ человекъ былъ твоимъ мужемъ... Теперь смотри сюда:—вотъ те перешнѣй твой мужъ!—Это негодное сѣмя, братоубійствомъ уничтожившее сѣмя добра! Гдѣ-же были у тебя глаза? Какъ могла ты промѣнять вершины величія на смрадное болото и погрязнуть въ этомъ болотѣ? Да, гдѣ были у тебя глаза? Не ссылайся на любовь! Въ твои года самая пылкая кровь уже перестаетъ кипѣть, остываетъ и становится покорною разсудку (*Указывая на картины*). Какое разумное существо захотѣло-бы промѣнять вотъ этого на этого. У тебя непременно должны быть мыслительныя способности, потому что иначе ты не могла-бы мыслить, но онъ въ ту минуту, когда ты согласилась выйти замужъ за брата мужа, вѣроятно, разбиты были параличемъ, такъ какъ даже безуміе не впало-бы въ такую ошибку. Безуміе не до такой степени подавляетъ разсудокъ, чтобы при такой громадной разницѣ лишитъ его способности видѣть всю нечистоту выбора. Какой чортъ натолкнулъ тебя на выборъ, сдѣланный тобою словно съ завязанными глазами. Зрѣніе безъ осязанія, осязаніе безъ зрѣнія, слухъ безъ рукъ и безъ глазъ, обоняніе безъ всего этого, даже ни одна больная часть нашихъ здоровыхъ чувствъ не могла-бы поступить такъ нечѣпно. О, позоръ! Гдѣ твоя стыдливость? О, кромѣшнѣй адъ! Если ты имѣешь власть такъ сильно распалить страсть въ женщинѣ, достаточно уже зрѣлой, добродѣтель въ глазахъ молодости окажется только воскомъ, тающимъ отъ собственнаго огня. За что-же клеймить позоромъ прегрѣшенія, совершенныя

подъ внушеніемъ кипучей страсти, когда даже свѣтъ способенъ воспламеняться, а разумокъ позволять распутствовать желанію?

Королева. О, замолчи, Гамлетъ! Ты заставилъ меня заглянуть въ глубь собственной души, и я вижу въ ней такія черныя, такія упорныя пятна, что ихъ не смоешь ничѣмъ, ничѣмъ на свѣтѣ!

Гамлетъ. И видя эти пятна, продолжать жить въ омерзительномъ хлѣву, дышать смрадными испареніями грязнаго ложа и на кучѣ навоза вкушать наслажденія любви въ объятіяхъ...

Королева. Довольно, ни слова болѣе! Твои слова вонзаются въ мой слухъ, словно кинжалы! Перестань, добрый мой Гамлетъ!

Гамлетъ *(продолжая)*. Въ объятіяхъ убійцы, изверга, мерзавца, не стоящаго и двадцатой доли перваго твоего мужа! Шута, изображающаго порокъ, а не короля! Карманника, похитившаго государство и власть, укравшаго съ полки драгоценный королевскій вѣнецъ и спрятавшаго его въ карманъ.

Королева. Довольно!

Гамлетъ *(продолжая)*. Короля изъ лоскутьевъ и изъ заплатъ!... *(Появляется призракъ)*. О, стражи неба, спасите меня, защитите меня своими крыльями! Чудный образъ, чего ты хочешь отъ меня?

Королева. О, горе! онъ совсѣмъ сошелъ съ ума!

Гамлетъ. Не затѣмъ-ли ты пришелъ, чтобы укорять нерфишительнаго сына за то, что онъ, пылая и гнѣвомъ, и каждой мести, все-таки откладываетъ исполненіе твоего грознаго велѣнія? О, говори!

Призракъ. Не забывай! Явлюсь тебѣ на этотъ разъ за тѣмъ, чтобы заострить твою почти совсѣмъ притупившуюся рѣшимость. Но взгляни на мать, она въ ужасѣ. Помогі ей выйти побѣдительною изъ обуревающей ее душевной борьбы. Заговори съ нею.

Гамлетъ. Что съ вами, матушка!

Королева. Нѣтъ, ты скажи, что съ тобою? Зачѣмъ уст-

ремлены твои глаза въ пустое пространство и зачѣмъ обращаешься ты съ разговорами къ безплотному воздуху? Твои растерянные мысли сказываются въ твоихъ дико блуждающихъ взорахъ. Почему, словно разбуженные тревогой воины, становятся дыбомъ твои волосы, лежавшіе до сихъ поръ на твоей головѣ гладко и спокойно, какъ сонные? О, милый мой сынъ, остуди жаръ и пламя своего безумнаго бреда нѣсколькими холодными каплями терпѣнія. На кого ты смотришь?

Гамлетъ. На него! На него! Смотри, какъ онъ блѣденъ и какъ сердито смотритъ его глаза. Если бы онъ сталъ проповѣдывать мнѣніе даже камнямъ, и они были бы растроганы его видомъ! *(Призракъ)*. О, не гляди на меня такъ печально, иначе въ смягченной состраданіемъ душѣ угаснетъ твердая рѣшимость и то, что предстоитъ мнѣ сдѣлать, приметъ другую окраску! Я въ отмщеніе за тебя не кровь пролью, а зальюсь слезами.

Королева. Съ кѣмъ ты говоришь?

Гамлетъ. Развѣ ты ничего не видишь?

Королева. Ничего ровно.

Гамлетъ. И ничего не слыхала?

Королева. Ничего, кромѣ нашихъ-же словъ.

Гамлетъ. Смотри сюда!.. Смотри, какъ медленно удаляется онъ, мой отецъ... Одѣтъ онъ такъ-же, какъ обыкновенно бывалъ при жизни... безъ латъ... Смотри, вотъ онъ ужъ у двери... *(Призракъ уходитъ)*. Ушелъ!

Королева. Все одинъ обманъ зрѣнія, вызванный игрой воображенія, горячечнымъ бредомъ безумія.

Гамлетъ. Воображеніе, бредъ! Нѣтъ, я не брежу! Мой пульсъ бьется такъ-же ровно, какъ и у тебя, и такъ-же мѣрно отбиваетъ тактъ, какъ музыкантъ. То, что я говорилъ, не было плодомъ безумія, и если ты желаешь въ этомъ убѣдиться, я слово въ слово еще разъ готовъ передать тебѣ все, что говорилъ. У сумашедшаго не хватило бы настолько памяти. Нѣтъ, матушка, не пытайся утѣшать сердечное страданіе утѣляющимъ боль елеемъ; не успокаивай себя, воображая, будто говоришь мое безуміе, а не твой проступокъ. Ты этимъ не

залечить, а только затянешь наружную язву, ядовитый гной которой съ непобѣдимой силой разольется по твоимъ внутреннимъ органамъ и заразитъ тебя всею своею незримой заразой. Исповѣдуйся передъ Создателемъ; раскаяйся во всемъ прошломъ и предупреди бѣды, могущія явиться въ будущемъ; не удобряй сорныхъ травы навозомъ, отъ котораго онѣ станутъ расти еще сильнѣе. Прости мнѣ такую просьбу; въ наше разжирѣвшее и страдающее одишковой время добродѣтель должна просить прощенья у порока и, униженно изгибаясь передъ послѣднимъ, на колѣняхъ молить его, чтобы онъ дозволилъ придти къ нему на помощь.

Королева. О, Гамлетъ, ты надвое разсѣкъ мнѣ сердце.

Гамлетъ. Отбрось негодную часть и, очищенная, живи, сохраняя другую половину. Покойной ночи; но не ходи болѣе на ложе къ дядѣ, и если ты не добродѣтельна, притворишь добродѣтельною. Такое чудовище, какъ *привычка*, не слушающее никакихъ разумныхъ доводовъ, обыкновенно въявь являющееся демономъ, вдругъ становится ангеломъ, если она приучаетъ къ добруму, къ хорошему, и такимъ образомъ облачается насъ въ ризы, надѣвать которыя не такъ ужъ трудно. Воздержись нынѣшнюю ночь и воздержаніе завтра покажется тебѣ уже менѣе тяжелымъ, а дальнѣйшее еще болѣе легкимъ, такъ какъ сила привычки измѣняетъ даже врожденныя свойства; она способна съ изумительнымъ могуществомъ отражать демона и даже совсѣмъ сокрушать его. Еще разъ, покойной ночи, и если ты для себя желаешь благословенія Вожя, благослови меня (*Указывая на Полонія*). Что-же касается этого господина, я глубоко раскаяваюсь въ своемъ поступкѣ; небеса хотѣли наказать насъ обоихъ, его черезъ меня, а меня черезъ него; вотъ они и взвалили на меня обязанность явиться и орудіемъ палача, и самимъ палачемъ. Я беру его на свое попеченіе и готовъ отвѣчать за причиненную ему смерть. Ну, еще разъ доброй ночи. Какъ быть, я вынужденъ прибѣгать къ жестокости, чтобы оказаться человѣчнымъ. Начало грустное, но дальше будетъ еще тяжелѣе.

Королева. Что-же мнѣ дѣлать?

Гамлетъ. Отнюдь не то, что я совѣтовалъ. Отправляйтесь опять на ложе къ своему вздувшемуся королю, позволяйте ему щипать васъ за щеки, называть своею мышкой, а потомъ, когда онъ парюю омерзительныхъ поцѣлуетъ, щекача вамъ шею своими проклятыми пальцами и другими ласками вынудить у васъ полное признаніе въ томъ, что произошло межъ нами, скажите ему прямо, что мое мнимое помѣшательство—только хитрость, но что я вовсе не сумасшедшій. Съ вашей стороны это будетъ прекрасно. Сообразите сами, развѣ королевѣ, красивой, умной и цѣломудренной, возможно не сообщить этой жабѣ, этой летучей мыши, этому жирному коту такихъ важныхъ для него тайнъ? Да, кто-бы въ состояніи поступить такъ? Не смотря на здравый смыслъ и на святость довѣренной тайны, влѣзьте съ клѣткой на крышу, отворите дверку, и когда птицы улетятъ, сами, въ видѣ опыта, по примѣру извѣстной обезьяны, влѣзьте въ клѣтку и сломите себѣ шею, грохнувшись на землю.

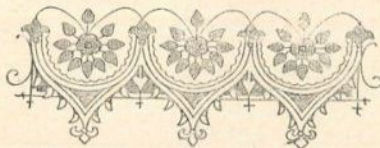
Королева. Вѣрь, если слово есть дыханіе, а дыханіе жизнь, у меня не хватитъ жизни, чтобы выдохнуть хоть одно слово изъ всего, что ты мнѣ говорилъ.

Гамлетъ. Да, кстати! Знаете ли вы, что меня отправляютъ въ Англію?

Королева. Къ сожалѣнію. Я совсѣмъ забыла, что твой отъѣздъ рѣшенъ.

Гамлетъ (*Про себя*). Уже готовы запечатанные посланія и доставить ихъ по назначенію поручено двоимъ моимъ школьнымъ товарищамъ, которымъ я довѣряю настолько-же, насколько двумъ ехиднамъ, готовымъ меня ужалить. Имъ поручено указывать мнѣ дорогу и завести меня въ западню. Но пусть они продолжаютъ начатое. Очень будетъ приятно видѣть, какъ фейерверкера разорветъ имъ-же самимъ изготовленный снарядъ, и окажется верхомъ несчастья, если мнѣ подѣ ихъ подконъ не удастся подвести другой, на одинъ или на два фута глубже, и тѣмъ заставить ихъ взлетѣть до самаго мѣсяца. Да, будетъ весьма забавно посмотрѣть, какъ два хитрые замысла сойдутся на одной линіи лицомъ къ лицу (*Указывая на Полонія*). А тебя, почтенный, придется взвалить на плечи

и снести со всѣми твоими книжками въ сосѣдную комнату Покойной ночи, матушка. Какой у него теперь важный, сосредоточенный видъ, какъ онъ молчаливъ и смиренъ, тогда какъ при жизни этотъ премудрый совѣтникъ на самомъ дѣлѣ былъ только глупымъ и болтливымъ шутомъ. Ну, почтенный, надо съ тобой покончить. Покойной ночи, матушка. (Королева уходитъ. Гамлетъ, взваливъ на плечи Покойнѣ, уходитъ за нею).



ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ замкѣ.

Входитъ Король и Королева.

Король. Если его глубокіе вздохи, его постоянное разстройство можно объяснить какими-нибудь тайными причинами, ты должна мнѣ ихъ сообщить; намъ слѣдуетъ имѣть о нихъ основательныя понятія. Гдѣ твой сынъ?

Королева. Ахъ, милостивый мой повелитель, какихъ ужасовъ насмотрѣлась я нынѣшній вечеръ!

Король. Что такое, Гертруда? Какимъ тебѣ показался Гамлетъ?

Королева. Совсѣмъ сумасшедшимъ. Бѣснуется, словно море, тягающееся силою съ вѣтромъ. Во время одного изъ такихъ дикихъ припадковъ, что-то зашевелилось; онъ быстро обнажилъ шпагу, съ крикомъ:—«Тамъ крыса, крыса!» прокололъ коверъ и въ безумномъ заблужденіи убилъ спрятаннаго тамъ несчастнаго и почтеннаго старика.

Король. Проступокъ тяжкій. И насъ постигла-бы та-же участь, если-бы мы находились тамъ. Оставлять его на свободѣ невозможно; опасность отъ него угрожаетъ и самой тебѣ, и намъ, и вообще любому человѣку. Кто, напримѣръ, отвѣтитъ за сегодняшнее кровавое дѣянье? Будутъ винить насъ въ недостаткѣ предусмотрительности. На насъ лежала обязанность во-время удалить изъ общества сумасшедшаго

принца. Но привязанность къ молодому безумцу такъ ослѣпляла насъ, что мы не поняли сразу самой понятной вещи. Мы въ данномъ случаѣ поступили такъ-же, какъ человѣкъ, одержимый какою-нибудь отвратительною болѣзью; человеку этому стыдно въ ней признаться, и вотъ онъ умираетъ отъ нея, прогнѣвъ до мозга костей. Гдѣ-же теперь Гамлетъ?

Королева. Унесъ куда-то убитаго имъ Полонія. Но, словно золото, несмотря на примѣсъ менѣе благородныхъ металловъ, душа его все-таки осталась чистой. Онъ горько оплакивалъ совершенный имъ поступокъ.

Король. Уйдемъ, Гертруда! Какъ только солнце выглянетъ изъ-за горы, мы отправимъ Гамлета на корабль. Что же касается ужаснаго его злодѣянія, намъ придется прибѣгнуть ко всей нашей власти, ко всей нашей ловкости, чтобы объяснить и потушить это дѣло. Эй, Гильденштернъ! (*Входитъ Гильденштернъ и Розенкранцъ*). Друзья мои, возьмите себѣ нѣсколько человѣкъ на подмогу. Гамлетъ въ помѣшательствѣ заколотъ Полонія и унесъ его куда-то изъ комнаты матери. Отыщите принца, поговорите съ нимъ ласково, а покойника отнесите въ часовню. Прошу васъ, исполните это поскорѣе (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Пойдемъ, Гертруда. Мы созовемъ самыхъ мудрыхъ изъ нашихъ друзей, объяснимъ имъ наши намѣренія, а также сообщимъ о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ вслѣдствіе недостатка осторожности. Такимъ образомъ клевета, словно пушечное ядро, несущееся къ цѣли, можетъ не попасть въ насъ, а поразить только неуязвимый воздухъ. Пойдемъ! У меня въ душѣ такой ужасъ, такое смѣтаніе (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ. Спрятанъ въ надежномъ мѣстѣ.

Голоса за сценой. Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Что тамъ за шумъ? Кто-то зоветъ Гамлета... А, вотъ они идутъ сюда (*Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Розенкранцъ. Принцъ, что сдѣлали вы съ трупомъ?

Гамлетъ. Смѣшалъ его съ прахомъ, съ которымъ онъ въ близкомъ родствѣ.

Розенкранцъ. Скажите, куда вы его спрятали, чтобы мы могли отнести его въ часовню.

Гамлетъ. И не воображайте.

Розенкранцъ. Чего?

Гамлетъ. Чтобы я сталъ хранить ваши тайны, а не свои. Потомъ, какой отвѣтъ можетъ дать королевскій сынъ, когда его допрашиваетъ какая-то губка?

Розенкранцъ. Развѣ, принцъ, вы принимаете меня за губку?

Гамлетъ. Да, милѣйшій, за губку, впивающую въ себя милости короля, его подачки и даже часть его власти. Впрочемъ, такого рода приспѣшники оказываютъ иногда королю очень большія услуги. Нашъ король кладетъ ихъ за щеку, какъ обезьяна пищу, чтобы хорошенько прожевать ихъ ранище, чѣмъ проглотить. Когда ему понадобится обратно то, чѣмъ вы отъ него поживились, онъ только выжметъ васъ, какъ губку, и вы снова сдѣлаетесь сухи.

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ. Плутуваѣи рѣчь въ глупомъ ухѣ спитъ.

Розенкранцъ. Вы, принцъ, обязаны сказать намъ, гдѣ мертвое тѣло, и пойти съ нами къ королю.

Гамлетъ. Тѣло до сихъ поръ у короля, хотя король еще не у тѣла. Король есть нѣчто.

Гильденштернъ. Что-же такое, принцъ?

Гамлетъ. Нѣчто ничего не стоящее. Ведите меня къ нему. Станемъ играть въ прятки (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая комната.

Входитъ Король со свитою.

Король. Я приказалъ разыскать и его, и трупъ. Оставлять этого человѣка на свободѣ очень опасно, но относи-

тельно его нельзя прибѣгать къ слишкомъ суровымъ мѣрамъ, требуемымъ закономъ. Безсмысленная толпа любить его до обожанія, такъ-какъ ея любовью руководить не разсудокъ, а глаза; въ подобныхъ случаяхъ она влѣивается не самое преступленіе, а только тяжесть наказанія. Для того, чтобы все прошло тихо и гладко, необходимо, чтобы внезапный отъѣздъ принца имѣлъ видъ чего-то строго обдуманнаго и рѣшеннаго еще ранѣе. Когда положеніе больного отчаянное, необходимо прибѣгать тоже къ отчаяннымъ средствамъ (*Входитъ Розенкранцъ*) или ровно ни къ какимъ. (*Розенкранцъ*). Ну, что? Какъ обстоятъ дѣла?

Розенкранцъ. Мы никакъ не могли добиться, куда онъ спряталъ трупъ.

Король. А гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ. Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ за нимъ зорко наблюдаютъ въ ожиданіи минуты, когда вашему величеству угодно будетъ призвать его.

Король. Пусть его приведутъ сейчасъ-же.

Розенкранцъ. Эй, Гильденштернъ, веди сюда принца.

Входятъ Гамлетъ и Гильденштернъ.

Король. Отвѣчай-же, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На ужинѣ.

Король. Какъ, на ужинѣ? Гдѣ?

Гамлетъ. Тамъ, гдѣ не онъ есть, а гдѣ ѣдятъ его. Около него въ довольно значительномъ количествѣ образовался политическій съѣздъ червей. Относительно ѣды, червь царя всѣмъ царямъ. Мы откармливаемъ разныхъ животныхъ, чтобы они откармливали насъ; мы-же откармливаемъ себя для червей. Жирный король и тощій нищій только разные виды угощенія, два разныхъ блюда на одномъ и томъ-же столѣ. Вотъ и все.

Король. Увы! Увы!

Гамлетъ. Человѣкъ можетъ при помощи червя, съѣвшаго короля, выудить рыбу, и самъ съѣсть ее, съѣвшую червя.

Король. Что ты хочешь этимъ сказать?

Гамлетъ. Ничего. Я хотѣлъ только пояснить вамъ, какъ

король можетъ совершить путешествіе по кишкамъ бѣдняка.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ. Пошлите кого-нибудь узнать, такъ-ли это? а если его тамъ не окажется, ищите его сами въ противоположной сторонѣ. Впрочемъ, если вы не найдете въ теченіе этого мѣсяца, ванъ ность вынохаеъ его присутствіе подъ лѣстницей, ведущей на галерею.

Король (*нѣкоторымъ изъ свиты*). Отыщите его.

Гамлетъ. Будьте покойны; онъ дожидается вашего прихода (*Нѣкоторые изъ свиты удаляются*).

Король. Гамлетъ, какъ ни скорбимъ мы о твоёмъ ужасномъ поступкѣ, твоя безопасность намъ все-таки дорога и вотъ, ради нея-то, ты долженъ съ быстротою молніи покинуть Данію. Приготовься-же. Корабль снаряженъ; вѣтеръ дуеъ попутный, спутники твои ожидаютъ тебя, сдѣланы уже всѣ распоряженія для твоей поѣздки въ Англію.

Гамлетъ. Въ Англію?

Король. Да.

Гамлетъ. Хорошо.

Король. Ты принялъ это извѣстіе такъ, какъ будто заранѣе зналъ о нашихъ намѣреніяхъ.

Гамлетъ. Я выдаюсь съ нѣкимъ херувимомъ, который ихъ видитъ. Хорошо, отправимся въ Англію. Прощайте, милая матушка.

Король. Нѣтъ, Гамлетъ, любящій тебя отецъ.

Гамлетъ. А я говорю:—мать. Отецъ и мать — вѣдь мужъ и жена, а мужъ и жена — одна плоть, поэтому я и называю васъ матерью. Ну, теперь ѣдемъ въ Англію (*Уходитъ*).

Король (*Розенкранцу и Гильденштерну*). Слѣдуйте за нимъ по пятамъ и заманите его поскорѣе на корабль. Я хочу, чтобы онъ отплылъ непремѣнно сегодня-же. Все, что нужно для этого дѣла, уже исполнено и скрѣплено печатами. Поторопитесь-же, прошу васъ. (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Ну, любезный братъ нашъ, король англійскій, если ты настолько дорожишь нашею дружбою, насколько тебѣ это совѣтуетъ наше великое могущество,—вѣдь рубецъ, нанесен-

ный тебѣ датскимъ мечемъ, еще не зажилъ: онъ все еще кра-
сень, и ты до сихъ поръ платишь намъ дань уваженія,—ты
исполнишь наше державное желаніе, ясно выраженное въ
моемъ посланіи къ тебѣ и требующее немедленной смерти
Гамлета. Поспѣши, король Англіи, исполнить это, потому что
онъ портитъ мнѣ кровь и волнуетъ ее хуже, чѣмъ горячка, и ты
долженъ исцѣлить меня. Не видать мнѣ радости, не вкушать
покоя, пока я не узнаю, что дѣло это исполнено. (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Равнина въ Даніи.

Входитъ Фортинбрасъ со своимъ войскомъ.

Фортинбрасъ. Отправьтесь, капитанъ, и привѣтствуйте
отъ моего имени короля датскаго. Скажите ему, что съ его
согласія Фортинбрасъ проситъ разрѣшенія пройти съ сво-
имъ войскомъ по его владѣніямъ. Вы знаете, гдѣ назначено
мѣсто свиданія. Если его величество чего-нибудь отъ насъ
потребуется, мы явимся лично, чтобы засвидѣтельствовать
ему свое уваженіе. Передайте это ему.

Капитанъ. Будетъ передано, принцъ.

Фортинбрасъ. Ну, теперь впередъ, только осторожно
(*Уходитъ съ своимъ войскомъ*).

Появляются Гамлетъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Гамлетъ (капитану). Сдѣлайте одолженіе, скажите, кому
принадлежитъ это войско?

Капитанъ. Норвегіи.

Гамлетъ. А куда оно направляется?

Капитанъ. Оно идетъ противъ одной части Польши.

Гамлетъ. Подъ чьимъ-же начальствомъ?

Капитанъ. Подъ начальствомъ Фортинбраса, племян-
ника норвежскаго короля.

Гамлетъ. Думаетъ-ли онъ проникнуть въ самое сердце
Польши или дальше границъ не пойдеть?

Капитанъ. Говоря безъ преувеличенія, мы идемъ от-
воевывать себѣ небольшой клочекъ этого государства; до-

ходъ съ этого клочка — чисто нарицательный. Если бы мнѣ
предложили взять его на аренду, я не далъ бы за него и пяти
червонцевъ, даже и тѣхъ-бы не далъ. Если-бы Норвегіи
или Польшѣ вдумалось продавать его въ вѣчное владѣніе,
то и тогда никто не далъ-бы дорожке.

Гамлетъ. Значитъ, поляки не будутъ его отстанывать?

Капитанъ. Напротивъ; войско для его защиты уже со-
брано.

Гамлетъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ о соломенкѣ, при-
дется загубить двѣ тысячи душъ и истратитъ двадцать ты-
сячъ червонцевъ. Вотъ нарывъ, образовавшійся отъ слиш-
комъ большаго изобилія и отъ слишкомъ продолжительнаго
мира; онъ вскроется внутрь и причинитъ больному смерть...
Благодарю васъ за свѣдѣнія.

Капитанъ. Да хранитъ васъ милость Божія (*Уходитъ*).

Розенкранцъ. Принцъ, угодно вамъ продолжать путь?

Гамлетъ. Идите впередъ; я скоро догону васъ (*Розен-
кранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Эта встрѣча служитъ мнѣ
живымъ укоромъ и подстрекаетъ меня къ немедленному мщенію.
Что такое человѣкъ, если онъ лучшими благами жизни,
высшимъ благополучіемъ считаетъ сонъ и флу? Въ такомъ
случаѣ онъ только животное. Разумѣется, тотъ, кто создалъ
насъ, одарилъ насъ всеобъемлющимъ разумомъ, способностью
заглядывать и въ прошлое, и въ будущее, надѣлилъ насъ
этими неоцѣненными дарами, не для того, чтобы они косили
въ насъ бездѣтельно. Что заставляетъ меня медлить?—скот-
ская-ли забывчивость или не въ мѣру осторожная щепе-
тильность, привыкшая слишкомъ тщательно вглядываться
въ послѣдствія, тогда какъ, раздѣливъ эту щепетильность
на четыре части, только въ одной изъ нихъ найдемъ долю
здравскаго смысла, а въ трехъ остальныхъ ничего, кромѣ тру-
сости?.. Не знаю самъ, почему я до сихъ поръ все продолжаю
говорить себѣ:—«Необходимо сдѣлать то-то», когда у меня
есть основаніе, желаніе, сила и возможность это сдѣлать?
Примѣры, такіе-же вѣскіе, какъ сама земля, наталкиваютъ
меня на это. Свидѣтельствомъ тому служить вотъ это много-
численное и сильное войско, подъ предводительствомъ юнаго

принца, отвагу котораго подкрѣпляетъ божественное честолюбие, идущее впередъ на встрѣчу самымъ грознымъ опасностямъ, даже смерти, съ полнымъ пренебреженіемъ относясь къ невидимымъ угрозамъ, а изъ-за чего?—изъ-за какого-то вѣдѣннаго лица. Чтобы оказаться истинно великимъ человѣкомъ, не слѣдуетъ быть слишкомъ уступчивымъ безъ крупныхъ и основательныхъ на то причинъ; надо спорить даже изъ-за соломенки, если затронута честь... Но что-же такое я, имѣющій полное основаніе мстить за смерть отца, за позоръ матери, а все-таки, словно сонный, остающійся бездѣйственнымъ? Между тѣмъ я вижу, какъ мимо меня двадцать тысячъ человѣкъ идутъ на неизбежную гибель изъ-за пустаго призрака мишурной славы, идутъ на вѣрную смерть, какъ на постель, изъ-за ничтожнаго клочка земли, который окажется для ихъ труповъ слишкомъ тѣсною могилой. О, вы, мои помыслы, всѣ вы будете отнынѣ или кровожадны, или ничтожны! (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Эльсиноръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Королева и Горацио.

Королева. Я не хочу ее видѣть.

Горацио. Однако, она настанавляетъ. Она, очевидно, не въ своемъ умѣ, но очень жалка.

Королева. Чего она хочетъ?

Горацио. Она много говоритъ объ отцѣ, увѣряетъ, будто всюду на свѣтѣ одинъ обманъ, вздыхаетъ, бьетъ себя кулаками въ грудь и раздражается отъ каждой малости, топаетъ ногами, а затѣмъ раздражается рѣчами, въ которыхъ только на половину доберешься смысла. Слова ея безсмысленны, однако, они вызываютъ раздумье въ тѣхъ, кто ихъ слышитъ. Ищешь послѣдовательности въ этихъ словахъ и стараешься найти связь въ ея безсвязныхъ мысляхъ. По раздраженію ея вѣкъ, по качанію головою, по движеніямъ, сопровождающимъ то и другое, право, можно подумать, будто во всемъ

томъ есть мысль, хотя и неопредѣленная, но горькая и мрачная. Вамъ слѣдовало-бы принять ее, чтобы своимъ отказомъ повидаться съ нею не возбудить толковъ среди нерасположенныхъ вамъ людей.

Королева. Пускай войдетъ (*Горацио уходитъ*). Таково уже свойство простунка, что для большой моей души каждая мелочь служить предвѣстницей какой-то ужасной бѣды. Преступленіе всегда ведетъ къ глупому недоумѣрію и, боясь обличенія, только обличаетъ само себя.

Горацио возвращается съ Офеліей.

Офелія. Гдѣ красавица королева Даніи?

Королева. Что съ тобою, Офелія?

Офелія (*поетъ*). Почему-же отличу я друга своего,

Когда среди другихъ идетъ онъ мимо?—

Да по сандалиямъ, по посоху, потомъ

По круглой шляпѣ пилигрима.

Королева. Милая дѣвушка, что хочешь ты сказать своею тѣсней?

Офелія. Слушайте и узнаете (*Поетъ*).

Ахъ, умеръ онъ, царица, умеръ онъ.

Навѣкъ угасъ въ немъ жизни пламень.

Подъ головой его зеленый дернъ,

А на груди тяжелый камень.

Боже! Боже! (*Рыдаетъ*).

Королева. Послушай, Офелія.

Офелія. Нѣтъ, слушайте вы (*Поетъ*).

Бѣлый саванъ его, что былъ сѣбра бѣлѣй...

Входитъ Король.

Королева. Посмотрите, государь, какая жалости!

Офелія (*продолжая*) ... что былъ сѣбра бѣлѣй

Дальнихъ горъ, забросали цвѣтами,

И въ могилу его коченѣющій трупъ

Прогонили мы всѣ со слезами.

Король. Какъ поживаешь, хорошенькая Офелія?

Офелія. Ничего, не дурно. Благослови васъ Богъ за вниманіе. Говорятъ, сова когда-то была дочерью некаря. Мы, государь, всѣ, знаемъ, что мы такое, но не можемъ ручаться,

чѣмъ сдѣлаемся. Да осчастливить Господь вашу трапезу своимъ присутствіемъ.

Король. Что это? намекъ на отца?

Офелія. Прошу васъ, перестанемъ говорить объ этомъ; но когда васъ спросятъ, что это значитъ, отвѣчайте!.. *(Поетъ)*.

Завтра Валентиновъ день,
И когда заря забрежжетъ,
Милый мой, явлюся я
Предъ твоимъ окошкомъ.
И пришла. Онъ отперъ дверь.
Сжалъ ее въ объятяхъ;
Та дѣвицею вошла
Но ушла съ изъязомъ.

Король. Перестань, Офелія.

Офелія. Не бойтесь! богохульствовать я не стану *(Поетъ)*.

Онъ жениться обѣщаль,
Я къ нему зываю...

А какъ вы думаете, что онъ отвѣтилъ? *(Поетъ)*.

Если клятвы я забывалъ,
Ты-же виновата.

Дурно, вѣдь, это? Дурно? *(Поетъ)*.

Стыдъ, неправда-ли, какой?
Но, клянусь Пріаномъ,
Всюду, всюду молодежь
Такъ-же поступаетъ.

Король. Давно она въ такомъ положеніи?

Офелія. Я еще надѣюсь, что все уладится. Надо ждать терпѣливо, а я все-таки не могу удержаться отъ слезъ, когда вспомню, что его положили въ холодную землю.—Братъ все узнаетъ... Затѣмъ благодарю васъ за добрый совѣтъ... Гдѣ-жъ моя карета? Покойной ночи вамъ, добрая королева, и вамъ, прекрасныя дамы! Покойной ночи! Покойной ночи! *(Убѣгаетъ)*.

Король *(обращаясь къ Горацио)*. Прошу тебя, ступай за нею; слѣди за каждымъ ея шагомъ *(Горацио уходитъ)*. Все это ядъ глубокой скорби, всецѣло вызываемый смертью отца. Видишь-ли, Гертруда, когда является несчастье, оно идетъ не

одно, а цѣлыми толпами. Сначала смерть отца, потомъ отъѣздъ твоего сына, единственного виновника собственного изгнанія. Затѣмъ чернь, подъ вліяніемъ разныхъ предположеній на счетъ исчезновенія преданнаго Полонія, начинается волноваться. Мы поступили неосмотрительно, похоронивъ старика тайно. Вѣдная Офелія сошла съ ума, а безъ этой высокой способности, что такое человекъ? — кукла, животное... Но вотъ-что всего тревожитъ: братъ Офеліи тайно вернулся изъ Франціи. Юноша этотъ рветъ и мечетъ и, окутывая свои дѣйствія туманами, очевидно что-то замышляетъ. У него нѣтъ недостатка въ наущникахъ, вкривъ и вкосъ передающихъ ему черныя подробности о смерти отца, а въ ней, по недостатку болѣе точныхъ свѣдѣній, не постыдится обвинять насъ. Все это, дорогая Гертруда, наноситъ намъ множество мучительныхъ и совсѣмъ излишнихъ ранъ *(За сценой шумъ)*.

Королева. Боже мой, что тамъ за шумъ?

Горчливо входитъ придворный.

Король. Позвать стражу! Пусть она тщательно охраняетъ всѣ двери! Что тамъ такое?

Придворный. Спасайтесь, государь! Вышедшія изъ своихъ предѣловъ морскія волны не такъ быстро заливаютъ равнину, какъ Лаэртъ во главѣ возстанія сокрушаетъ преданныхъ вамъ слугъ. Возмущившаяся чернь называетъ его своимъ властелиномъ. Можно подумать, будто міръ только-что начинается свое существованіе; всѣ древнія преданія забыты, и эта чернь, отвергая обычай при избраніи новаго вѣнценосца, которыми только и крѣпка верховная власть, горланитъ:—«Мы избираемъ Лаэрта! Онъ будетъ нашимъ королемъ!» Она махаетъ шапками, рукоплещетъ и такъ громко оретъ: «Лаэртъ будетъ нашимъ королемъ. Лаэртъ нашъ король!» что я думаю крики эти долетаютъ до облаковъ.

Королева. Съ какимъ злораднымъ лаемъ мчатся по ложному слѣду сбившіеся съ пути, вѣроломные датскіе псы.

Король. Двери взломаны *(Шумъ за сценой усиливается; приближаетъ Лаэртъ съ обнаженнымъ мечомъ. За нимъ датчане)*.

Лаэртъ. Гдѣ король? А вы, друзья, останьтесь за дверями.

Датчане. Нѣтъ, мы остаемся съ тобою.

Лаэртъ. Нѣтъ, прошу васъ, предоставьте дѣйствовать мнѣ.

Датчане. Хорошо, пожалуй.

Лаэртъ. Благодарю васъ. Охраняйте двери (*Датчане уходятъ*). Ну, гнусный король, верни мнѣ моего отца!

Королева. Успокойся, любезный Лаэртъ!

Лаэртъ. Каждая успокоившаяся капля моей крови провозгласитъ меня незаконорожденнымъ. Она броситъ въ лицо моему отцу слово:—«Рогоносецъ», а мою честную, цѣлому-дренную, безупречную мать заклеятъ названіемъ потаскушки!

Король. Скажи, Лаэртъ, почему ты своему возмущенію стараешься придать такіе исполнскіе размѣры? Что это значитъ? Оставь его, Гертруда; не бойся за нашу особу. Божество ограждаетъ личность королей такою непроницаемою стѣною, что измѣна только выкажетъ свои намѣренія, но для осуществления ихъ останется безсильной (*Лаэрту*). Скажи, что такъ вскипятило тебя? Не мѣшай ему, Гертруда Говори, Лаэртъ.

Лаэртъ. Гдѣ мой отецъ?

Король. Умеръ.

Королева. Но въ его смерти король не виноватъ.

Король. Предоставь ему обращаться съ вопросами ко мнѣ.

Лаэртъ. Что было причиной его смерти? Я не дозволю, чтобы меня дурачили! Къ чорту вѣрноподданничество! Ко всѣмъ чернѣйшимъ чертямъ данная присяга! Совѣсть, богобоязнь, ну васъ въ преисподнюю. Я готовъ осудить свою душу на вѣчныя адскія муки! Да, я пожертвую свою жизнь и въ здѣшнемъ, и въ будущемъ мірѣ... Пусть будетъ, что будетъ! Я хочу только одного—до конца довести отмщеніе за смерть отца!

Король. Кто-же тебя удерживаетъ?

Лаэртъ. Собственная воля! Если бы меня вздумалъ удерживать весь міръ, я-бы его не послушался. Что-же касается

моихъ средствъ,—я буду распоряжаться ими такъ осторожно, что съ немногимъ достигну многого!

Король. Любезный Лаэртъ, желая узнать истинную причину смерти твоего отца и узнавъ ее, намѣренъ-ли ты для осуществления мести, да, намѣренъ-ли ты не падать никого, безопасно сокрушать всѣхъ:—и враговъ, и друзей, и выгравившихъ, и проигравившихъ?

Лаэртъ. Только врагамъ его пощады не будетъ!

Король. Хочешь-ли теперь узнать, кто эти враги?

Лаэртъ. Для друзей-же его я широко раскрою объятія и, подобно пелликану, жертвующему жизнью для своихъ птенцовъ, для нихъ я пожертвую всею своею кровью!

Король. Вотъ это рѣчь и любящаго сына, и настоящаго рыцаря. Что самъ я нисколько неповиненъ въ смерти твоего отца, что я глубоко скорблю о немъ, скоро станетъ такъ-же яснымъ для твоего разсудка, какъ и Божій день.

Датчане (*За сценой*). Не удерживайте ее. Пусть войдетъ.

Лаэртъ. Что тамъ за шумъ? (*Входитъ Офелія, причудливо украшенная цвѣтами и соломой*). Огонь небесный, изсуши мой мозгъ! Трижды сослезы, выжгите мои глаза и лишите ихъ способности видѣть. Офелія, клянусь небесами, что за твое сумасшествіе я до тѣхъ поръ не перестану наносить самыя вѣскіе удары, пока наша чашка вѣсовъ не перетянетъ! О, майская роза! О, дорогая дѣвушка! О, безцѣнная сестра, очаровательная Офелія!... Боже, неужто разсудокъ молодой дѣвушки такъ-же хрупокъ, какъ и жизнь дряхлаго старца?... Человѣческая природа впечатлительна въ высшей степени:—за горькую утрату мы платимся лучшею частью насъ самихъ.

Офелія (*поетъ*).

Скоронили его съ непокрытымъ челомъ...

Горе мнѣ, горе мнѣ, неутѣшное горе!

И поджавшійся холмъ, холмъ могилы его

Мы потоками слезъ оросили...

Прощай, мой голубчикъ!

Лаэртъ. Если бы ты сохранила разсудокъ и подстрекала

меня на мщеніе, слова твои не были-бы такъ убѣдительны, какъ твое сумасшествіе.

Офелія. Ну, пойте-же и вы со мной! (*Поетъ*). Схоронили его, схоронили!... (*Говоритъ*). А какъ кстати этотъ припѣвъ! Дѣло, вѣдь, идетъ о вѣроломномъ управителѣ, погубившемъ дочь своего хозяина.

Лазрть. Въ такихъ, повидимому, ничтожныхъ подробно-стяхъ, однако, таится глубокий смыслъ.

Офелія (*разбирая цвѣты*). Вотъ розмаринъ... Это для памяти... Не забывай, милый, не забывай!... А вотъ и анютины глазки; это тоже, чтобы думать обо мнѣ.

Лазрть. Даже и въ сумасшествіи она даетъ намъ полезный урокъ не отдѣлять мыслей отъ памяти.

Офелія (*Королю*). Вотъ укропъ. Это для васъ, а также и колокольчики (*Королеву*). Вотъ вамъ рута... но одну былинку я оставляю себѣ. Ее набожно называютъ травкой благодати, но для васъ она имѣетъ другой смыслъ, чѣмъ для меня... А вотъ ноготки... Я принесла бы вамъ и фіялокъ, но всѣ онѣ тотчасъ-же завяли, какъ только умеръ отецъ... Говорять, смерть его не была мучительна (*Поетъ*).

Ты, Робинъ дорогой,
Моя вся радость...

Лазрть. О, горе, грусть, отчаяніе и даже ты, адское бѣшенство, — она всѣмъ вамъ придастъ поразительную прелесть!

Офелія (*поетъ*). Онъ не вернется къ намъ,
Во вѣки не вернется.
Вѣдь умеръ онъ, похороненъ.
Изъ гроба онъ не встанетъ
И не вернется къ намъ.
А борода его
Была бѣлѣ снѣга...
Но умеръ онъ, похороненъ.
Ни слезы, ни рыданья
Намъ не вернуть его...
О, Боже, прахъ его
Пускай почіетъ съ миромъ.



Я не перестану молиться за всѣ христіанскія души... Да будетъ на васъ Божіе благословеніе! (*Убѣастъ.*)

Лаэртъ. Создатель мой, видишь ты все это?

Король. Позволь мнѣ, Лаэртъ, присоединиться къ твоей скорби; отказомъ ты лишишь меня священнаго права Уйдемъ пока отсюда. Избери изъ среды своихъ друзей людей наиболѣе разумныхъ; они услышатъ насъ и будутъ судьями между тобой и нами. Если они найдутъ, что мы прямо или косвенно виноваты хоть въ чемъ нибудь, мы въ вознагражденіе обязуемся отдать тебѣ нашу корону, нашу жизнь, словомъ, все, что мы считаемъ своимъ. Если же мы окажемся невиноватыми ни въ чемъ, удѣли мнѣ частицу терпѣнія, и мы станемъ дѣйствовать заодно, чтобы твоя жажда мести была удовлетворена по всей справедливости.

Лаэртъ. Согласенъ. Самый родъ его смерти, тайныя похороны, въ которыхъ надъ его гробомъ не развѣвались знамена, мечъ и боевыя доспѣхи не лежали надъ его прахомъ; не было ничего торжественнаго, какъ оно слѣдовало - бы при похоронахъ человѣка, занимавшаго такой высокій санъ, все это вопіетъ такъ громко, словно само небо трубить объ этомъ землѣ и требуетъ строгаго изслѣдованія.

Король. Никто тебѣ въ этомъ препятствовать не будетъ, а затѣмъ пусть твой грозный топоръ поразитъ виновнаго. Прощу тебя, идемъ со мной (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Комната у Гораціо.

Входятъ Гораціо и Слуга.

Гораціо. Кто-же хочетъ со мною видѣться?

Слуга. Какіе-то матросы. Они увѣряютъ, будто у нихъ есть къ вамъ письмо.

Гораціо. Зови ихъ (*Слуга уходитъ*). Не понимаю, изъ какой части свѣта могло прибыть ко мнѣ это посланіе... Можетъ-быть, оно отъ принца Гамлета? (*Входятъ два матроса*).

1-й матросъ. Благослови васъ Богъ.

Гораціо. И тебя также.

1-й матросъ. Такъ оно и будетъ, если окажется угоднымъ Богу. Вотъ вамъ письмо отъ того посла, что уѣхалъ было въ Англію. Оно къ вамъ, если мнѣ сказали правду, что васъ зовутъ Гораціо.

Гораціо (*Читаетъ*). «Гораціо, когда ты прочтешь эти строки, найди возможность препроводить обоимъ молодцовъ къ королю; у нихъ къ нему есть отъ меня письма. Не провели мы и двухъ дней на морѣ, какъ за нами погналось вооруженное по военному судно морскихъ разбойниковъ. Видя, что мы вооружены не такъ сильно, какъ оно, и что ходъ у нашего паруснаго корабля медленнѣе, разбойники напали на насъ, и мы рѣшились на отчаянное средство. Я приказалъ идти на бордажъ, и мы сѣпились. Вдругъ разбойничье судно отдѣлилось отъ нашего, и я одинъ остался въ плѣну. Разбойники оказались людьми милосердыми, такъ-какъ въ ихъ рукахъ я очутился доходною статьею. Постарайся, чтобы посылаемые письма попали въ руки къ королю, и поспѣши ко мнѣ на встрѣчу съ такою-же быстротою, какъ будто по пятамъ за тобою гонится смерть. Ты услышишь отъ меня такія слова, что онѣмѣешь отъ изумленія; но они всѣ-таки останутся ниже того, о чемъ въ нихъ будетъ идти рѣчь. Матросы укажутъ тебѣ то мѣсто, гдѣ я нахожусь. Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ плыть въ Англію. Мнѣ нужно многое рассказать тебѣ на ихъ счетъ. Прощай. Извѣстный тебѣ Гамлетъ.» (*Матросамъ*). Хорошо, идите за мною; я доставлю вамъ случай передать письма... Но торопитесь сдѣлать это скорѣе, чтобы проводить меня къ тому, кто васъ сюда прислалъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА VII.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Король и Лаэртъ.

Король. Совѣсть твоя должна теперь скрѣпить свою печатью мое оправданіе. Зная, что убійца твоего благород-

наго отца собственно покушался на мою жизнь, ты долженъ выписать меня въ число своихъ друзей.

Лаэртъ. Сдается мнѣ, что это было именно такъ. Но скажите, почему вы за такіа возмутительно преступныя дѣянія не подвергли виноватаго законной отвѣтственности, какъ, казалось-бы, должны были вамъ подсказать личная ваша безопасность, ваше величіе и ваша мудрость?

Король. Поступить меня такъ заставили двѣ особенно важныя причины. Тебѣ онѣ, пожалуй, покажутся недостаточными основательными, но для меня онѣ крайне важны. У королевы, его матери, почти только и свѣта въ глазахъ, что онъ, а съ нею,—не знаю, достоинство это или крупный недостатокъ,—до того сильно связаны и жизнь моя и душа, что я не могу сдѣлать безъ нея ни шагу, какъ не можетъ двигаться спутникъ безъ своего свѣтила. Другая причина, заставившая меня отказаться отъ гласнаго слѣдствія, — необыкновенная любовь къ Гамлету въ народѣ или точнѣе въ простонародіи. Эта любовь въ его глазахъ омыла-бы Гамлета отъ всѣхъ прегрѣшеній, и какъ воды источника, превращающія дерево въ камень, превратила бы цѣль принца въ святыню. Вслѣдствіе этого мой слишкомъ легковѣсная стрѣла, вмѣсто того, чтобы попасть въ цѣль, обратилась бы, при такой сильной бурѣ противъ меня-же самаго.

Лаэртъ. Однако, я лишился отца, человѣка благороднѣйшаго; сестра, которая, —если можно восхвалять то, чего уже больше нѣтъ, — во всѣ времена считалась бы образцомъ всѣхъ совершенствъ, доведена до безнадежнаго положенія. Но я отомщу за все!

Король. Не лиши себя изъ за этого сна. Не воображай, будто вещество, изъ котораго мы созданы, такъ дрябло, такъ негодно, что оно на всѣ наносимыя ему обиды способно смотрѣть, какъ на пріятное препровожденіе времени. Я выскажусь даже болѣе ясно. Я любилъ твоего отца такъ-же искренно, какъ мы любимъ самихъ себя, и это заявленіе, конечно, убѣдитъ тебя (*Входитъ посолъ*). Что нужно? Развѣ есть какія-нибудь извѣстія?

Посолъ. Письма отъ принца Гамлета, государь. Вотъ это къ вашему величеству, а другое къ королевѣ.

Король. Отъ Гамлета? Кто ихъ принесъ?

Посолъ. Говорятъ, государь, какіе-то матросы. Самъ я ихъ не видалъ; письма принялъ Клавдіо и передалъ ихъ мнѣ. (*Уходитъ*).

Король. Слушай, Лаэртъ, я прочту тебѣ письмо (*Читаетъ*). «Великій и могущественный государь! Симъ извѣщаю васъ, что я высаженъ на берегъ въ границахъ вашихъ владѣній, и прошу позволенія завтра лично явиться передъ лицо вашей королевской особы. Тогда, испросивъ у васъ разрѣшенія, я изъясню вамъ причины моего крайне неожиданнаго и еще болѣе страннаго возвращенія. Гамлетъ».—Что это значить? одинъ вернулся онъ или съ нимъ и другіе? Нелѣпая шутка это или въ самомъ дѣлѣ правда?

Лаэртъ. Его-ли это почеркъ?

Король. Несомнѣнно его. А вотъ и приписка. Въ ней сказано:—«Возвращаюсь одинъ»... Что мнѣ дѣлать? Какъ по-совѣтуешь?

Лаэртъ. Самъ я, государь, совершенно растерялся. Но пусть возвратится. Терзающій мою душу недугъ исцѣлится, когда я доживу до радостной минуты бросить ему прямо въ лицо грозныя слова:—«Вотъ что ты сдѣлалъ!»

Король. Нѣтъ, такъ нельзя... Но какъ-же быть иначе... Лаэртъ, предоставь мнѣ право руководить тобою.

Лаэртъ. Охотно, государь, но подѣ непремѣннымъ условіемъ, что вы не потребуете примиренія.

Король. Нѣтъ, я только примирю тебя съ тобою самимъ. Если вѣрно то, что онъ вернулся, онъ, вѣроятно, откажется снова предпринять поѣздку въ Англію, такъ-какъ она и прежде была ему не по душѣ. Тогда я подвергну его испытанію, планъ котораго быстро сложился у меня въ мозгу, а отъ этого испытанія онъ не откажется ни за что на свѣтѣ. Смерть его при такихъ обстоятельствахъ ни съ чьей стороны не вызоветъ ни малѣйшаго неудовольствія, и даже родная мать припишетъ ее простой случайности.

Лаэртъ. Государь я готовъ слѣдовать вашимъ совѣ-

тамъ, и вы очень осчастливите меня, избравъ меня орудіемъ кары.

Король. Такъ именно и будетъ. Послѣ твоего отъѣзда, здѣсь въ присутствіи Гамлета, сильно превозносили одну изъ твоихъ способностей, которую ты будто-бы просто блистаешь. Изъ всѣхъ твоихъ качествъ, взятыхъ вмѣстѣ, какъ мнѣ показалось, именно эта способность,—хотя лично я не придаю ей особеннаго значенія,—вызвала въ Гамлетѣ сильную зависть.

Лаэртъ. Какая-же это способность, государь?

Король. Она не болѣе, какъ лента на шашкѣ юноши, но какъ украшеніе, все-таки необходима. Легкія и щеголеватыя украшенія такъ-же приличны молодежи, какъ старикамъ мѣховыя одежды, сохраняющія здоровье и придающія почтенный видъ. Мѣсяца два тому назадъ, здѣсь проживалъ нормандскій дворянинъ. Я прежде видалъ французовъ, даже самъ сражался съ ними, поэтому знаю, что они отлично ѣздятъ верхомъ. Но этотъ нормандецъ былъ просто изумительный наѣздникъ. Онъ какъ будто приросталъ къ сѣдлу; заставляя коня продѣлывать самыя удивительныя штуки, онъ, казалось, сростался съ благороднымъ животнымъ. Я до того былъ пораженъ, что воображеніе отказывалось представлять себѣ еще что-нибудь подобное.

Лаэртъ. Вы говорите, онъ нормандецъ?

Король. Нормандецъ.

Лаэртъ. Клянусь жизнью, то вѣрно былъ Ламондъ.

Король. Онъ самый.

Лаэртъ. Я его коротко знаю. Онъ дѣйствительно краса, жемчужина своей страны.

Король. Какъ ни былъ онъ искусенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, онъ во многомъ, а особенно въ умѣнныхъ владѣть рапирой, отдавалъ тебѣ преимущество передъ собою и увѣрялъ, что было бы чудомъ, если-бы кто-нибудь въ этомъ отношеніи дерзнулъ тягаться силами съ тобою. Онъ говорилъ, что на его роднигъ ни одинъ самый знаменитый фехтовальщикъ не отличается ни такою красотою движеній, ни такими страстными порывами, ни такою вѣрностью взгляда

и ловкостью руки, какъ ты. Эти отзывы до такой степени возбуждали въ Гамлетѣ зависть и жажду соревнованія, что онъ много разъ требовалъ твоего возвращенія въ Данію, чтобы имѣть случай сразиться съ тобою. Вотъ изъ этого-то мы извлекаемъ то, что намъ нужно.

Лаэртъ. Что-же именно, государь?

Король. Скажи, дѣйствительно-ли ты горячо любишь отца, или твое отчаяніе только внѣшній обликъ скорби, одно внѣшнее проявленіе, въ которомъ не участвуетъ сердце?

Лаэртъ. Зачѣмъ задаете вы мнѣ этотъ вопросъ, государь?

Король. Не думай, будто я заподозрѣваю тебя въ недостаточной любви къ отцу. Нисколько!—но я знаю, что любовь покорна времени; по опыту, основанному на многочисленныхъ наблюденіяхъ, я знаю также, что съ теченіемъ времени значительно ослабѣваютъ и жаръ ея, и огонь. Въ самомъ пламени любви есть нѣчто въ родѣ свѣтильни или нагара, отъ котораго оно современемъ гаснетъ. Ничто и никогда не сохраняетъ полного своего совершенства, потому что совершенство само умерщвляетъ себя своимъ избыткомъ, какъ человѣка убиваетъ избытокъ крови. То, чего мы желаемъ, должно быть исполнено, пока мы этого желаемъ, потому что воля измѣнчива. У нея столько-же отговорокъ, отстрочекъ и послабленій, сколько на свѣтѣ есть языковъ, рукъ и случайностей. Тогда исполненіе предстоящей обязанности является чѣмъ-то въ родѣ вздоха расточителя, а этотъ вздохъ тѣмъ именно и вреденъ, что онъ облегчаетъ... Однако, вернемся снова къ самому больному мѣсту язвы. Гамлетъ возвращается. Что намѣренъ ты предпринять, чтобы не на словахъ, а на дѣлѣ доказать, что ты истинный сынъ своего отца?

Лаэртъ. Я готовъ схватить его за горло даже въ церкви!

Король. Для преступленія святяни мѣста не существуетъ, а мнѣніе не терпитъ никакихъ преградъ. Теперь, любезный Лаэртъ, вотъ какъ тебѣ слѣдуетъ поступить. Запрись у себя въ комнатѣ и сиди тамъ смирно. Вернувшись сюда, Гамлетъ узнаетъ и о твоёмъ возвращеніи. Мы подошлемъ къ нему людей, которые постараются навести двойной глянecъ на ту

извѣстность, которую своимъ лестнымъ отзывомъ создать тебѣ французъ. Затѣмъ мы поставимъ васъ лицомъ къ лицу и будемъ биться объ закладъ—кто за тебя, кто за него. Тебѣ при нѣкоторой ловкости не трудно будетъ выбрать раниру съ непритупленнымъ концомъ, и ты однимъ изъ одному тебѣ извѣстныхъ приемовъ отместишь за смерть отца.

Лаэртъ. Я такъ и сдѣлаю. Для этой цѣли я подвергну раниру извѣстному помазанію. У одного знахаря я купилъ стьянку съ удивительнымъ снадобѣемъ. Стоить этимъ снадобѣемъ намазать клинокъ и, если выступитъ хоть одна капля крови, раненаго не спасутъ никакія примочки, никакія лекарства. Каждая, самая даже ничтожная царапина становится смертельной. Вотъ этимъ-то снадобѣемъ я намажу свой клинокъ, и если удастся хотя-бы слегка кольнуть Гамлета, ему конецъ.

Король. И такъ, еще разъ обсудимъ хорошенько дѣло, взвѣсимъ до тонкости все, какъ относительно времени, такъ и относительно средствъ исполненія того, что должно вести насъ къ желаемой цѣли. Если эта попытка не удастся, или наши намѣренія будутъ обнаружены, лучше ничего не предпринимать. На тотъ случай, если-бы первый планъ не удался, необходимо имѣть наготовѣ другой, еще болѣе дѣйствительный. Итакъ, надо придумать еще что-нибудь. Постой! Дай сообразить... А! вотъ какая мысль блеснула въ головѣ. За каждый изъ вашихъ ударовъ мы обьявимъ торжественный закладъ, и когда Гамлетъ, разгоряченный боемъ, попроситъ пить, ему подадутъ кубокъ съ извѣстнымъ образомъ приготовленнымъ питьемъ. Достаточно будетъ одного глотка. Если твоя отравленная пинага не сдѣлаетъ своего дѣла, его исполнитъ мой напитокъ. Но тише! Кто-то идетъ (*Входитъ Королева*). Что новаго скажешь ты, Гертруда?

Королева. Одно несчастіе съ неимоверною быстротою слѣдуетъ по пятамъ за другимъ. Лаэртъ, твоя сестра утонула.

Лаэртъ. Боже мой! Утонула? Гдѣ?

Королева. На берегу ручья растетъ ива, купающая свои блѣдые листья въ зеркалѣ глубокаго потока. Туда-то пришла твоя сестра съ причудливымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ

куриной слѣпоты, изъ крапивы, ромашки и изъ тѣхъ блѣдно-фіолетовыхъ цвѣтовъ, которымъ наши пастухи на своемъ грубомъ языкѣ даютъ такое непристойное названіе, но которыя скромныя дѣвушки называютъ «перстами покойника». Потомъ, когда она хотѣла повѣсить вѣнокъ на одну изъ вѣтвей ивы, предательская вѣтвь обломилась, и бѣдняжка съ своими цвѣтами упала въ воду. Вздумшееся платье нѣсколько времени поддерживало ее на поверхности потока, а она, не сознавая опасности своего положенія, плыла, распылая отрывки изъ старинныхъ пѣсень, словно сирена или словно существо, самую природою созданное для этой стихіи. Долго продолжаться это не могло. Ея платье, отяжелѣвъ отъ впитанной въ себя влаги, потянуло ее ко дну, и несчастная нашла смерть въ илѣ потока.

Лаэртъ. Итакъ все кончено! Бѣдняжка утонула...

Королева. Утонула, утонула!

Лаэртъ. Съ тебя, несчастная Офелія, и такъ достаточно влаги, поэтому я воздержусь отъ слезъ. Однако... (*Горько рыдаетъ*) таково свойство человѣка:—природа сохраняетъ свои права, хотя человѣку и стыдно передъ самимъ собою. Когда я выплачу свое горе, во мнѣ не останется даже тѣни женской чувствительности! Прощайте, государь. Я разразился-бы потокомъ огненныхъ словъ, если-бы ихъ не гасила эта гаупа слабость, вызванная безмѣрнымъ горемъ (*Уходитъ*).

Король. Пойдемъ за нимъ, Гертруда. Мнѣ стояло большаго труда обуздать его изступленіе, и я боюсь, какъ-бы новый этотъ ударъ не разжегъ въ немъ прежняго бѣшенства. Пойдемъ-же за нимъ (*Уходитъ*).



«Гамлетъ» (дѣйствіе IV, сцена 7).



ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Кладбище.

Входятъ два могильщика съ заступами.

1-й могильщикъ. Развѣ ее будутъ хоронить по-христіански, когда она по своей волѣ представилась раньше времени?

2-й могильщикъ. Говорятъ тебѣ, что такъ. Конай скорѣе могилу. Слѣдователь разбираетъ дѣло, и напелъ ее достойною христіанскаго погребенія.

1-й могильщикъ. Да какъ-же это возможно? Или она, можетъ быть, не утопилась, а утонула?

2-й могильщикъ. Должно-быть, порѣшили такъ.

1-й могильщикъ. А мнѣ сдается, что здѣсь былъ умыселъ. Когда человѣкъ тонетъ, онъ борется съ волнами. Если же онъ тонитъ по своей охотѣ, то совершаетъ одно дѣяніе, а у такого дѣянія три вѣтви:—движеніе, дѣйствіе и исполненіе... argal, она не утонула, а утопилась.

2-й могильщикъ. Да будетъ тебѣ; знай, рой могилу.

1-й могильщикъ. Дай досказать! Вотъ здѣсь, положимъ, вода: хорошо. А вотъ здѣсь, положимъ, стоитъ человѣкъ: прекрасно! Если онъ пошелъ къ водѣ и утопился, смерть,—что тамъ ни говори,—произошла оттого, что онъ пошелъ. Замѣть это хорошенько. Но если вода поидетъ къ человѣку и утопитъ его, значить, онъ утонулъ, а не утопился; argal: кто самъ не виноватъ въ своей смерти, тотъ не покушался на свою жизнь.

2-й могильщикъ. Развѣ въ законѣ это сказано?

1-й могильщикъ. Сказано:—въ законѣ, какъ надо производить слѣдствіе.

2-й могильщикъ. А по моему вся штука вотъ въ чѣмъ. Будь покойница не изъ знатной семьи, ея не удостоили бы христіанскаго погребенія.

1-й могильщикъ. Совершенно вѣрно. Тѣмъ хуже для знатныхъ, когда ихъ болѣе поощряютъ топить и вѣшать, чѣмъ весь остальной христіанскій людъ. Давай, однако, заступь! А по моему знатнѣй людей нѣтъ, какъ садовники, землекопы и могильщики. Ихъ ремесло началось еще съ Адама.

2-й могильщикъ. А что, Адамъ былъ изъ благородныхъ?

1-й могильщикъ. Онъ первый пустилъ въ дѣло руки и орудія.

2-й могильщикъ. Да вѣдь ихъ тогда не было.

1-й могильщикъ. Ахъ, ты безбожникъ этакій! Такъ-то ты понимаешь писаніе. Въ писаніи сказано:—«Адамъ копалъ землю». Какъ бы могъ онъ копать ее, если бы у него не было ни рукъ, ни орудій? Теперь я задамъ тебѣ вопросъ. Если ты не сумѣешь отвѣтить, какъ слѣдуетъ, ступай прямо на исповѣдь.

2-й могильщикъ. Задавай.

1-й могильщикъ. Кто строитъ прочіе, чѣмъ каменьщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

2-й могильщикъ. Тотъ, кто строитъ висѣльницы. Сколько на нихъ народу перебивается, а онъ все цѣлы.

1-й могильщикъ. Отвѣтъ замысловатый, и онъ мнѣ нравится. Висѣльница, дѣйствительно, стоитъ хорошо. Но для кого продолжаетъ она хорошо стоять? Хорошо стоитъ она только для тѣхъ, кто поступаетъ скверно. Вотъ и ты, говоря, будто висѣльница стоитъ крѣпче церкви, тоже поступаешь скверно. Argal!—тебя слѣдовало-бы отправить на висѣльницу. Поройся въ головѣ; можетъ, отыщешь другой отвѣтъ?

2-й могильщикъ. Кто строитъ прочіе, чѣмъ каменьщикъ, корабельщикъ или плотникъ?

1-й могильщикъ. Ну, да, отвѣтъ, а затѣмъ можешь убраться.

2-й могильщикъ. Хорошо. Сейчасъ отвѣчу.

1-й могильщикъ. Ну...

2-й могильщикъ. Отвѣчу, что, клянусь Богомъ, ничего не могу отвѣтить.

Входитъ Гамлетъ и Горацио. Оба останавливаются вдали.

1-й могильщикъ. Перестань ломать надъ этимъ голову; какъ ни стегай лѣниваго осла, прибавить шагу ты его не заставишь. А на слѣдующій разъ, когда тебѣ зададутъ тотъ же вопросъ, отвѣчай:—«Могильщикъ», потому что его постройки держатся до самаго дня страшнаго суда. Ступай, принеси мнѣ чего-нибудь промочить горло (*2-й могильщикъ уходитъ*).

1-й могильщикъ (*роетъ землю и поетъ*).

Когда я молодъ былъ,
И я, какъ всѣ, любилъ.
Умнѣй не находилъ
Я ничего на свѣтѣ;
И горя въ эти дни
Не зналъ я ни-ни-ни!
Блаженства лишь одинъ
Дарили дни мнѣ эти.

Гамлетъ. Этотъ дуралей, кажется, совсѣмъ не понимаетъ того, что дѣлаетъ. Роетъ могилу, а самъ поетъ.

Горацио. Привычка научила его относиться къ дѣлу равнодушно.

Гамлетъ. Правда. Рука, работающая менѣе, болѣе воспримчива къ ощущениямъ.

1-й могильщикъ. Цѣвалъ и я «люли»,

Но годы все текли;
Теперь изъ нѣдръ земли
Я кости добываю (*Выбрасиваетъ черепъ*).

Гамлетъ. У этого черепа былъ когда-то языкъ, и онъ, быть-можетъ, умѣлъ даже пѣть. Съ какимъ ожесточеніемъ выбросилъ его этотъ олухъ, словно онъ челюсть Каина, перваго убійцы. А тотъ, къ кому этотъ дуралей относится съ такимъ пренебреженіемъ, быть-можетъ, когда-то былъ государственнымъ мужемъ, минувшимъ себя чѣмъ то равнымъ самому Богу. Развѣ не могло этого быть?

Горацио. Очень могло, принцъ.

Гамлетъ. Или царедворцемъ, говорившимъ направо и налѣво:—«Здравствуйте, мой милѣйшій!» или:—«Какъ пожи-

пасте, мой почтеннѣйшій!» Или, наконецъ: «такимъ-то», восхваляющимъ лошадей «такого-то» въ надеждѣ получить ее?

Горацио. Можетъ-быть, принцъ.

Гамлетъ. Разумѣется. Теперь эта голова сдѣлалась добычею червей, обглодавшихъ ее до чиста, а осель—могильщикъ разбиваетъ ей киркою челюсти. Такое откровеніе могло бы служить намъ весьма поучительнымъ урокомъ, если бы мы умѣли имъ пользоваться. Неужто эти кости, когда-то взлелѣянные съ такою заботой, созданы были только затѣмъ, чтобы служить шаромъ при игрѣ въ кегли? При одной этой мысли я уже чувствую ломоту въ костяхъ.

1-й могильщикъ (*Поетъ*). Благодаря судьбѣ,

Ты съ жизнью палъ въ борьбѣ;

За гробомъ-же тебѣ

Покой я желаю (*Выбрасываетъ другой черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ и другой. Онъ, быть-можетъ, былъ черепомъ законовѣда. Гдѣ теперь его доводы, его ухищренія, заключенія и тонкости? Зачѣмъ позволять этому неучу такъ невѣжливо обращаться съ собою и не привлечь его къ суду за оскорбленіе дѣйствіемъ? Фи! Этотъ молодчикъ, благодаря разнымъ закладнымъ, исполнительнымъ листамъ, пенямъ и другимъ взысканіямъ, могъ, въ свое время наживать значительные участки земли. Что-же такое его теперешнее положеніе, его когда-то богатая изобрѣтательностью банка, какъ не пеня за пени, какъ не взысканіе за взысканія? Развѣ его оходы, его обезпеченія, будь они даже вдвое больше, обезпечать ему болѣе мѣста въ землѣ, чѣмъ пространство въ два письменныя условія. Вѣдь всѣ его купчія и иныя цѣнныя бумаги едва вмѣстились-бы въ тотъ деревянный ящикъ, который онъ долженъ довольствоваться послѣ смерти? Улучшатъ ли они хоть сколько-нибудь его положеніе? Какъ ты думаешь?

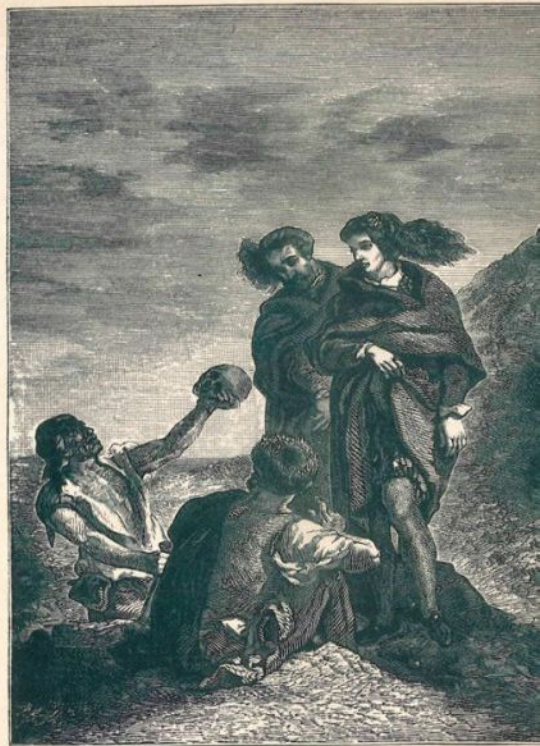
Горацио. Ни на одинъ дюймъ, ваше высочество.

Гамлетъ. Пергаментъ, на которомъ пишутся крѣпостные акты, кажется, выдѣлывается изъ бараньей кожи?

Горацио. Да, принцъ, но также и изъ телячей.

Гамлетъ. Значитъ, всѣ обезпечивающіе себя крѣпостными актами, ввѣряютъ свое благосостояніе баранамъ и

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Е. ДЕЛАКРУА.



«Гамлетъ» (дѣйствіе V, сцена 1).

телятамъ?... Я заговорю съ этимъ олухомъ. Эй, почтенный, чья это могила?

Могильщикъ. Моя (*Поетъ*).

Благодаря судьбѣ,

Ты жизнью палъ въ борьбѣ...

Гамлетъ. Мнѣ кажется, ты говоришь, будто эта могила твоя, только потому, что ты въ нее забрался.

Могильщикъ. А вы—нѣтъ, слѣдовательно, она не ваша. Я-же хотя въ ней еще не лежу, а все-таки она моя.

Гамлетъ. Она, очевидно, предназначается не для живого, а для умершаго, и ты, любезный, заврался.

Могильщикъ. Нѣтъ, хоть я забрался въ нее, но не заврался.

Гамлетъ. Для кого-же роешь ты могилу? Для мужчины?

Могильщикъ. Совсѣмъ не для мужчины.

Гамлетъ. Такъ для женщины?

Могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Кого-же въ ней похоронять?

Могильщикъ. Ту, которая при жизни была женщиной, но теперь,—упокой Господь ея душу,—она покойница.

Гамлетъ. Какъ этотъ олухъ придирчивъ. Въ разговорахъ съ нимъ слѣдуетъ соблюдать величайшую точность; не то онъ надобѣтъ двусмысленностями. Клянусь небомъ, Горацио,—съ тѣхъ поръ, какъ я наблюдаю міръ, то-есть, за послѣдніе три года, я пришелъ къ заключенію, что все въ мірѣ до того обострилось, что носокъ простолудина до того близко касается пятки вельможи, что царапаетъ ее. (*Могильщику*). Давно ты занимаешься этимъ ремесломъ?

Могильщикъ. Да съ того памятливаго изъ всѣхъ памятныхъ дней, когда покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. А сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?

Могильщикъ. Неужто вы сами-то не знаете, когда про то знаетъ каждый дуракъ? Пронзочно оно въ тотъ самый день, когда родился молодой принцъ Гамлетъ, тотъ самый что сошелъ съ ума, и котораго отправили въ Англію.

Гамлетъ. Затѣмъ-же отправили его въ Англію?

Могильщикъ. А затѣмъ, что онъ помѣшался... Онъ тамъ опять ума наберется, а не наберется, такъ и то не бѣда.

Гамлетъ. Почему?

Могильщикъ. Не замѣтно будетъ. Тамъ, вѣдь, всѣ люди сумасшедшіе.

Гамлетъ. Какъ-же онъ помѣшался?

Могильщикъ. Говорять, самымъ страннымъ образомъ.

Гамлетъ. А именно?

Могильщикъ. Взялъ да и спятилъ съ ума.

Гамлетъ. На чемъ-же онъ помѣшался?

Могильщикъ. На своей-же датской землѣ. Я уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ состою могильщикомъ. Поступилъ я на эту должность совсѣмъ еще молодымъ; на ней и состарился.

Гамлетъ. Сколько времени нужно человѣку пролежать въ землѣ, чтобы перлѣть окончательно?

Могильщикъ. Смотря по человѣку. Иные,—а такихъ у насъ за послѣднее время не мало,—до того успѣютъ сгнить при жизни, что едва могутъ дотянуть до похоронъ. Одни пролежатъ восемь, другіе девять лѣтъ, а дубильщикъ непременно девять.

Гамлетъ. Почему-же дубильщикъ долѣе, чѣмъ другіе?

Могильщикъ. Понятно. Онъ по своему ремеслу до того продубленъ, что вода съ большимъ трудомъ пробивается сквозь его шкуру, а она, нужно вамъ сказать, самымъ необходимымъ образомъ уничтожаетъ мертвыя тѣла. Смотрите, вотъ черепъ. Онъ пролежалъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей-же это черепъ?

Могильщикъ. Черепъ безпутнаго сына потаскушки, а чей именно, какъ бы вы думали?

Гамлетъ. Право, не знаю.

Могильщикъ. Что-бы ему не было ни дна, ни покрывки за его скверныя шутки! Онъ какъ-то вылилъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнского вина. Словомъ, это черепъ придворнаго шута Йорика.

Гамлетъ (*взглянувъ на черепъ*). Въ самомъ дѣлѣ?

Могильщикъ. Да, его самого.

Гамлетъ. Вѣднѣй Йорикъ! Я знавалъ его, Гораціо. Ве-

селость у этого человѣка была неистощима; воображеніе, изобрѣтательность изумительныя. Онъ тысячи разъ нашивалъ меня на плечахъ. Я его очень любилъ, а теперь его черепъ возбуждаетъ во мнѣ одно отвращеніе; меня отъ него даже тошнитъ. Тутъ были губы, въ которыя я цѣловалъ его уже не знаю сколько разъ... Гдѣ теперь твои шутки, Йорикъ, твои пѣсни, твоя рѣзвость, выпивки той веселости, отъ которыхъ бывало умирали со смѣху всѣ сидѣвшіе за королевскимъ столомъ?... Увы! теперь уже нѣтъ ни одной шутки, чтобы вызвать ею смѣхъ въ тебѣ самомъ. Челюсти твои сомкнуты. Ты уже не пойдеши теперь въ уборную красавицы, не разсмѣшишь ее заявленіемъ, что, наложивъ она себѣ на щеки хоть цѣлый слой румянъ, она все-таки останется такою, какъ есть... Прошу тебя, Гораціо, скажи мнѣ одно.

Гораціо. Что угодно, принцъ?

Гамлетъ. Неужто Александръ Македонскій, лежа въ землѣ, имѣлъ такой-же видъ.

Гораціо. Безъ всякаго сомнѣнія.

Гамлетъ. И издавалъ такой-же отвратительный запахъ? Фи!

Гораціо. Непремѣнно, принцъ.

Гамлетъ. На какія низкія употребленія, Гораціо, могутъ пойти наши останки! Кто помѣшаетъ воображенію, до конца выслѣживающему останки македонскаго героя, найти его кость, служащую втулкой для бочки?

Гораціо. Это было-бы уже черезъ-чуръ странною игрой воображенія.

Гамлетъ. А по моему, право, нисколько. Мы безъ особеннаго труда, и нисколько не сбиваясь съ пути, могли-бы въ своихъ предположеніяхъ дойти, наприимѣръ, до слѣдующаго: Александръ умеръ, Александръ похороненъ, Александръ обратился въ прахъ, а прахъ, вѣдь, земля; изъ земли мы достаемъ глину; что-же помѣшаетъ изъ той, въ которую превратился Александръ, вылѣпить втулку для боченка съ пивомъ?

Да, Цезарь тотъ, что міръ весь устрашалъ,
Въ негодный прахъ по смерти превратился,
И сила та, что управляла міромъ,
Теперь, увы!—замазка лишь для стѣнъ.

Однако, тише! Отойдемъ въ сторону. Сюда идетъ Король, а съ нимъ Королева и вся свита (*Появляется похоронное шествіе съ священниками и пр. во главѣ. За гробомъ Офеліи идутъ Лаэртъ и плакальщицы; за ними Король, Королева и свита*). Кого это хоронятъ? Пышности нѣтъ никакой, а это означаетъ, что провожаютъ какую-нибудь знатную особу, самовольно, въ минуту отчаянія, лишившую себя жизни своею же рукой. Да, хоронятъ какое-нибудь знатное лицо. Притаимся гдѣ-нибудь и посмотримъ (*Отходитъ въ сторону мыслью съ Горацио*).

Лаэртъ. Какой обрядъ предстоитъ совершить?

Гамлетъ. Это Лаэртъ,—честный и благородный юноша... Смотри.

Лаэртъ. Какой обрядъ еще?

1-й священникъ. Похоронный обрядъ совершенъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе намъ дозволены. Естественность ея смерти сомнительна, и если бы не приказаніе свыше, лежать-бы ей въ неосвященной землѣ до самаго гласа трубнаго и, вмѣсто молитвъ, ея останки провожали бы камнями и черепками; теперь же она удостоилась и дѣвчьяго вѣнка, возлагаемаго на гробъ честныхъ дѣвушекъ, и ее въ послѣднее жилище провожаютъ съ колокольнымъ звономъ.

Лаэртъ. Значитъ, ничего больше не остается?

1-й священникъ. Ничего. Мы наругались-бы надъ обрядомъ погребенія, если бы и по ней пѣли рэквиемъ и другія священныя молитвы, какъ по другимъ душамъ, отошедшимъ съ миромъ.

Лаэртъ. Опустите-же ее въ могилу, и пусть изъ ея прекраснаго, непорочнаго праха вырастутъ весеннія фялки. Тебѣ, безсердечный пастырь, я говорю, что сестра моя будетъ причислена къ сонму ангеловъ, а ты станешь скрежещать зубами въ аду.

Гамлетъ. Какъ! Это хоронятъ предестиную Офелію?

Королева (*бросая на гробъ цвѣты*). Послѣдніе цвѣты подкормленному цвѣтку... Прощай! Я надѣялась, что ты выйдешь за моего Гамлета; надѣялась, что мнѣ придется убирать цвѣтами твое брачное ложе, а не осыпать ими твою могилу

Лаэртъ. О, пусть тройныя бѣды, десять разъ взятая трижды, обрушатся на проклятую голову того, кто своими жестокими поступками лишилъ тебя твоего свѣтлаго разума. Подождите бросать землю; дайте мнѣ еще разъ обнять мою ненаглядную! (*Спрыгиваетъ въ могилу*). Теперь зарывайте могилу и до тѣхъ поръ забрасывайте землею и живого, и покойницу, пока не образуется сперва курганъ, а потомъ цѣлая гора, превосходящая вышиною и старый Пеліонъ, и даже небесную вершину лазурнаго Олимпа.

Гамлетъ (*выступая впередъ*). Кто этотъ человекъ, такъ неутѣнно изливающий свое горе, своими неистовыми криками, вызывающій къ блуждающимъ звѣздамъ, заклиная ихъ оставаться и, превратившись въ покорныхъ слушателей, внимать его многорѣчивой скорби? Смотри, я датчанинъ Гамлетъ! (*Тоже спрыгиваетъ въ могилу*).

Лаэртъ. Да возьмешь-же дьяволъ твою душу! (*Схватываетъ Гамлета за горло. Борьба*).

Гамлетъ. Молитва твоя достаточно нечестива. Сдѣлай одолженіе, перестань душить меня. Хотя я и не раздражителенъ, но свирѣпъ, но я все-таки опасенъ и совѣтую тебѣ остерегаться... Прочь руки!

Король. Разнимите ихъ.

Королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

Всѣ. Господа!

Горацио. Добрейшій принцъ, успокойтесь! (*Присутствующие разнимаютъ ихъ и помогаютъ имъ выбраться изъ могилы*).

Гамлетъ. Нѣтъ, по этому поводу я до тѣхъ поръ не перестану бороться, пока мои вѣки не сомкнутся навсегда.

Королева. Пѣ какому-же поводу, милый сынъ?

Гамлетъ. Я люблю Офелію! Если во всей ея совокупности взять любовь сорока тысячъ братьевъ, то и тогда она не сравняется съ моею! (*Лаэрту*). Что готовъ ты сдѣлать для нея?

Король. Видишь, Лаэртъ,—онъ сумашедный.

Королева (*Муюу*). Ради самаго Бога, воздержитесь!

Гамлетъ. Ну, посмотримъ, что-же ты готовъ для нея сдѣлать? Станешь-ли оплакивать ее? Драться изъ-за нея? Морить

себя голодомъ? Терзать ногтями грудь? Пить оцетъ? Бсть крокодиле мясо?—то же самое сдѣлаю и я... Зачѣмъ явился ты сюда? — чтобы ныть? чтобы пристыдить меня тѣмъ, что ты прыгнуть въ могилу?.. Если ты хочешь, чтобы тебя живого зарыли съ нею, пусть зарюютъ и меня!.. А разъ ты что-то болтаешь о горахъ, пусть валитъ на насъ землю съ миллионъ акровъ, пока знойный поясъ не опалитъ вершины нашей громады, сравнительно съ которой даже Осса окажется только бородавкой! Если ты будешь ревѣть, я зарычу не хуже твоего.

Королева. Это опять припадокъ помѣнательства, но они у него проходить скоро. Потомъ онъ снова сдѣлается кротокъ, какъ голубка, согрѣвающая крыльями своихъ золотистыхъ птенцовъ, только-что вылупившихся изъ яйца, и упадетъ въ безмолвное уныніе.

Гамлетъ. Послушай, почтеннѣйшій, за что относишься ты ко мнѣ такъ враждебно? Я всегда любилъ тебя искренно... А впрочемъ, все равно. Тутъ и самъ Геркулесъ ничего-бы не подѣлалъ! Пусть кошка мяучитъ сколько угодно, собака все-таки дожидется своего (*Уходитъ*).

Король. Добрый Гораціо, прошу тебя, ступай за нимъ (*Гораціо уходитъ*). А ты, Лаэртъ, помни вчерашній нашъ разговоръ и теперь уже не надолго вооружись терпѣніемъ. Мы позаботимся, чтобы развязка наступила скорѣе (*Король*). Дорогая Гертруда, распорядись учредить надзоръ за твоимъ сыномъ (*Королева уходитъ*). Надъ этой могилой надо поставить живой памятникъ. Частъ успокоенія для насъ уже не далеко; будемъ же ожидать его терпѣливо (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Большая зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ. Объ этомъ, дорогой мой, пока довольно. Обращаюсь къ другому. Ты помнишь всѣ обстоятельства дѣла?

Гораціо. Какъ не помнить, принцъ?

Гамлетъ. Гораціо, въ душѣ моей происходила какая-то борьба, не дававшая мнѣ заснуть. Я чувствовалъ себя болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ мятежникъ въ оковахъ; я напустилъ на себя смѣлость, и великая ей благодарность въ данномъ случаѣ. Надо принять къ свѣдѣнію, что иногда неосторожность оказываетъ намъ драгоцѣнныя услуги, тогда-какъ неудача нерѣдко выпадаетъ на долю строжайше обдуманнаго разсчета. Это научаетъ насъ, что есть какое-то божество, управляющее нашими судьбами, какъ-бы мы ни поступали.

Гораціо. Совершенно вѣрно.

Гамлетъ. Обернувшись вокругъ себя дорожное платье, словно шарфъ, я вышелъ изъ каюты; въ потьмахъ, оцупую отправился а ихъ отыскивать, и это мнѣ удалось. Я завладѣлъ запечатаннымъ посланіемъ и снова вернулся къ себѣ. Удача придала мнѣ смѣлости настолько, что я, забывая осторожность, отбросивъ всякую разборчивость въ средствахъ, рѣшился вскрыть пресловутое посланіе, и что-же я нашелъ? — новое доказательство тому, что король Клавдій злодѣй, то-есть, прочелъ форменный приказъ, опиравшійся на всевозможныя основанія, какъ-то:—на желаніе охранить покой не только Даниа, но и Англіи, на невозможность оставлять въ живыхъ такое пугало, такое чудовище, какъ я,—немедленно отрубить мнѣ голову, не давая времени ни мнѣ опомниться, ни себѣ отточить топоръ.

Гораціо. Возможно-ли?

Гамлетъ. Вотъ само посланіе; можешь прочесть его на досугъ... Желаетъ знать остальное?

Гораціо. Очень желаю, принцъ.

Гамлетъ. Я совершенно ясно сознавалъ, какъ они старались завлечь меня въ ловушку, поэтому мнѣ не пришлось напрягать мыслительныхъ способностей. Планъ дѣйствія сложился самъ собою. Я сѣлъ, сочинялъ другое посланіе и написалъ его настолько четко, насколько могъ. Когда то, какъ и наши государственные люди, я считалъ постыднымъ писать разборчиво, и мнѣ пришлось много трудиться, чтобы отдѣлаться отъ этой привычки; но, другъ мой, мнѣ все-

такъ удалось оказать себѣ громадную услугу. Хочешь узнать сущность того, что я написалъ?

Гораціо. Разумѣется, дорогой принцъ.

Гамлетъ. Такъ-какъ Англія вѣрная данница Даніи, я къ ея королю обратился съ слѣдующимъ настоятельнымъ требованіемъ: «Если вы, государь, нашъ братъ и союзникъ, желаете, чтобы палма мира продолжала зеленѣть между нами, держа свой сплетенный изъ колосьевъ вѣнецъ, служащій намъ соединительною чертою, вы,—по весьма вѣскимъ для насъ обстоятельствамъ,—неотложно подвергнете смертной казни подателей сего посланія, не предавая ихъ никакимъ формамъ суда, не давъ имъ даже времени исповѣдаться».

Гораціо. Какъ-же вамъ удалось запечатать новое посланіе?

Гамлетъ. Тутъ мнѣ опять помогло милостивое ко мнѣ Провидѣніе. Въ кошелекѣ у меня оказалась печать отца съ государственнымъ гербомъ Даніи. Я также сложилъ письмо, какъ прежде, сдѣлавъ надписи, запечатать и осторожно положить его туда, гдѣ ранѣ лежало другое. Никто не замѣтилъ подмѣны. На другой день произошло наше морское сраженіе, а что изъ него воспослѣдовало, тебѣ давно уже извѣстно.

Гораціо. Итакъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ отправились на вѣрную смерть?

Гамлетъ. Прямо, другъ, прямо. Они сами добивались возложеннаго на нихъ порученія, и ихъ смерть не обременить моей совѣсти; она только послѣдствіе ихъ излишняго усердія. Вѣда слабымъ, когда они очутятся между ударами, наносимыми другъ другу болѣе могучими противниками.

Гораціо. О, что за человекъ этотъ король!

Гамлетъ. Теперь ты видишь самъ, что на меня возложена священная обязанность ему отмстить, ему, умертвившему моего отца, сдѣлавшему изъ моей матери непотребную женщину, нагло ставшему между волей датскаго народа и моими надеждами, наконецъ, такъ коварно закинувшему уду мнѣ самому? Не имѣю-ли я по совѣсти права сокрушить его вотъ этою рукою? И развѣ съ моей стороны не будетъ пре-

ступленіемъ, если я допущу, чтобы гнойная язва продолжала и долѣе развѣдывать челоуѣчество?

Гораціо. Однако, извѣстіе о казни пословъ не замедлитъ дойти изъ Англіи до короля.

Гамлетъ. Разумѣется, не замедлитъ, но я сумѣю воспользоваться этимъ промежуткомъ времени. Иногда человекъ не успѣетъ сказать «разъ», какъ жизнь его уже покончена. Однако, Гораціо, я искренно сожалѣю, что забылся относительно Лаэрта. Мы съ нимъ стоимъ почти въ одинаковомъ положеніи. Я горячо желаю-бы остаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но его беззащитная похвальба своимъ горемъ вывела меня изъ себя.

Гораціо. Тихе; кто-то идетъ.

Входитъ Озрикъ.

Озрикъ. Поздравляю ваше высочество съ возвращеніемъ въ Данію.

Гамлетъ. Душевно благодаренъ. Гораціо, знакомъ ты съ этою водяною мухою?

Гораціо. Нѣтъ, принцъ, незнакомъ.

Гамлетъ. Это дѣлаетъ тебѣ честь, потому что знакомство съ нимъ можетъ приносить одинъ только позоръ. У него много доходныхъ земель. Если поставить одного скота королемъ надъ другими такими-же скотами,—вотъ этотъ молодойчикъ не побрезгаетъ совать рыло въ королевское корыто. Онъ только галка, но, какъ я уже сказалъ, земель и грязи у него достаточно.

Озрикъ. Дрожавшій принцъ, если у вашего высочества есть досугъ, выслушайте порученіе, возложенное на меня его величествомъ.

Гамлетъ. Если-бы я даже былъ занятъ, я съ величайшею готовностью выслушалъ бы желаніе короля. Однако, пусть твой головной уборъ займетъ подобающее ему мѣсто. Вѣдь онъ предназначенъ для головы.

Озрикъ. Благодарю, ваше высочество... но здѣсь такъ жарко.

Гамлетъ. Напротивъ, здѣсь холодно: вѣтеръ дуетъ съ сѣвера.

Озрикъ. Въ самомъ дѣлѣ, принцъ, какъ будто нѣсколько холодно.

Гамлетъ. Но все-таки по моему сложенію здѣсь жарко и душно.

Озрикъ. Такъ точно, ваше высочество, здѣсь до того и жарко, и душно, что нѣтъ словъ выразить... Однако, принцъ, король поручилъ мнѣ сообщить вашему высочеству, что его величество изволитъ держать за ваше высочество крупный закладъ... Дѣло въ слѣдующемъ.

Гамлетъ (*указывая на юловую уборъ*). Надѣньте прежде его.

Озрикъ. Нѣтъ, честное слово, принцъ, мнѣ такъ удобнѣ... честное слово удобнѣ. Итакъ, принцъ, дѣло въ томъ, что недавно ко двору явился Лаэртъ, молодой человѣкъ, — повѣрьте моей совѣсти, — въ высшей степени благообразный, благовоспитанный и надѣленный самыми разнообразными дарами природы и всевозможными совершенствами. Чтобы воздать должную дань хвалы, и характеру, и другимъ его высокимъ качествамъ, честное слово, даже словъ не найдется. Однако, все-таки нельзя не сказать, что онъ образецъ изящества, ловкости и свѣтскости. Словомъ это такой рѣдкій молодой человѣкъ, что его общество можетъ доставить удовольствіе самымъ высокопоставленнымъ особамъ.

Гамлетъ. Его достоинства, любезнѣйшій, въ твоёмъ краснорѣчивомъ описаніи не утрачиваютъ ни малѣйшей частицы своего блеска; я знаю, что самая здоровая память запутается въ длинномъ перечнѣ его качествъ, и ей не поможетъ никакая арифметика. Ихъ можно брать только въ совокупности, и ихъ окажется такое великое множество, что подобный грузъ придастъ устойчивость любому кораблю. Что же касается лично меня, я съ искреннѣйшимъ восторгомъ заявляю, что считаю его человѣкомъ, одареннымъ высокопробнѣйшею душою. Въ немъ такое богатѣйшее сочетаніе всякихъ драгоценнѣйшихъ диковинъ и рѣдкостей, что, говоря о немъ истиннѣйшую правду, равнаго себѣ онъ можетъ увидеть лишь въ зеркало: всѣ-же другія, даже самыя выспренныя описанія его окажутся не изображеніемъ, а только жалкою его тѣнью.

Озрикъ. Ваше высочество изволитъ изрекать о немъ самую непогрѣшимую истину.

Гамлетъ. Однако, любезнѣйшій, къ чему все это? Зачѣмъ намъ обвѣвать лучезарный образъ этого молодого человѣка губнымъ дыханіемъ нашихъ напыщенныхъ и высокопарныхъ словъ?

Озрикъ. Ваше высочество...

Гораціо. Дрожающій принцъ, заговорите съ нимъ дружно, а не его собственнымъ языкомъ; тогда онъ, можетъ быть, скорѣе пойметъ васъ. Право, попытайтесь.

Гамлетъ. Къ чему, однако, зашла рѣчь объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

Озрикъ. О Лаэртѣ, принцъ?

Гораціо. Конселекъ его опустѣлъ; всѣ раззолоченныя слова уже израсходованы.

Гамлетъ. Да, милѣйшій, о немъ.

Озрикъ. Одни невѣжды, а не вы, принцъ...

Гамлетъ. Очень благодаренъ, что ты не причисляешь меня къ ихъ числу, но самъ-то я отъ твоего мнѣнія нисколько не сдѣлаюсь лучше, если оно даже искренно. Что-же далѣе?

Озрикъ. Одни невѣжды, но не вы, принцъ, могутъ не знать высокихъ совершенствъ Лаэрта въ извѣстномъ направленіи.

Гамлетъ. Не смѣю съ этимъ согласиться, боясь, какъ-бы не пришлось сравнивать восхваляемаго Лаэрта съ самимъ собою. Чтобы вѣрно судить о человѣкѣ, нужно прежде хорошенько узнать самого себя.

Озрикъ. Я признаю его полное совершенство только въ одномъ отношеніи. Судя по отзывамъ молвы, онъ въ этомъ отношеніи одаренъ совершенно исключительными способностями.

Гамлетъ. Въ чѣмъ-же именно?

Озрикъ. Въ умѣнн драться на шпагахъ и на кинжалахъ.

Гамлетъ. Значить не въ одномъ отношеніи, а въ двухъ. Далѣе?

Озрикъ. Король противъ него ставитъ за ваше высочество шесть варварійскихъ коней, а Лаэртъ, какъ я слышалъ, ставитъ противъ васъ закладъ изъ шести шпагъ и изъ

такого-же количества вывезенныхъ изъ Франціи кинжаловъ, въ роскошной оправѣ и съ полнымъ приборомъ великолѣпныхъ перевязей, поясовъ и привѣсковъ. Говорятъ, три уноса особенно великолѣпны; и работа, и удобство присноблѣнія—все въ нихъ изумительно.

Гамлетъ. Что ты называешь уносами?

Горацио. Визжу, принцъ, что ему не освободить васъ отъ себя, пока онъ не объяснитъ вамъ всего до тонкости.

Озрикъ. Уносъ, принцъ, это то, куда продѣваются ножны шпаги.

Гамлетъ. Ну, такое названіе, быть можетъ, было-бы умѣстно, если дѣло шло не о шпагахъ, а о пушкахъ. Пусть за портуней останется пока прежнее ея названіе. Какъ бы ни были великолѣпны эти шесть штукъ шпагъ и столько-же кинжаловъ со всѣми ихъ принадлежностями, онѣ противъ шести варварійскихъ коней, все-таки, остаются чисто французскимъ закладомъ противъ англійскаго. А изъ-за чего этотъ закладъ?

Озрикъ. Король утверждаетъ, что изъ двѣнадцати ударовъ Лаэрту удастся нанести вашему высочеству не болѣе трехъ, а тотъ, въ свою очередь, бьется объ закладъ, что изъ двѣнадцати ударовъ нанесетъ вашему высочеству девять. Споръ этотъ можно было-бы рѣшить тотчасъ, если-бы ваше высочество благосклонно соизволило дать утвердительный отвѣтъ.

Гамлетъ. А если я отвѣчу отказомъ?

Озрикъ. Значить, принцъ, ваше высочество не соблаговолитъ противопоставить свою особу шпагѣ Лаэрта?

Гамлетъ. Совсѣмъ нѣтъ. Теперь какъ разъ часъ моего отдыха; я буду прогуливаться по этой залѣ. Если королю угодно, а Лаэртъ не измѣнитъ намѣренія, распорядись, чтобы сюда принесли шпаги. Я употреблю всѣ старанія, чтобы закладъ выигралъ король; если-же это мнѣ не удастся, уйду съ позоромъ, унося на тѣлѣ нѣсколько ударовъ или даже царяпинъ.

Озрикъ. Такъ и прикажете препроводить вашъ отвѣтъ въ этомъ смыслѣ?

Гамлетъ. Именно въ этомъ. Украшенія-же предоставляю тебѣ прибавить отъ себя по своему вкусу.

Озрикъ. Съ полною преданностью препоручаю себя благорасположенію вашего высочества.

Гамлетъ. Желаю всякихъ благъ (*Озрикъ уходитъ*). Хорошо дѣлаетъ, что самъ поручаетъ себя благосклонности другихъ, иначе онъ не сумѣлъ бы добиться ничьей благосклонности. Ни одинъ языкъ не рѣшился бы замолвить за него доброе слово.

Горацио. Настоящая онъ ниголица, вылетѣвшая изъ гнѣзда съ остатками яичной скорлупы на головѣ.

Гамлетъ. Онъ, вѣроятно, такъ-же расшаркивался передъ грудью матери, прежде, чѣмъ приняться сосать ее. Подобно многимъ извѣстнымъ мнѣ птицамъ того-же полета, старается и онъ подражать всѣмъ приемамъ, отъ которыхъ сходитъ съ ума наше суетное время, но онъ перенимаетъ у общества только виѣшнюю сторону. Такія незамысловатыя уловки—одно желаніе возвыситься въ глазахъ обмахивающихъ себя вѣерами умниковъ и дураковъ, а дунь на нихъ, ради испытанія, настоящій вѣеръ, отъ нихъ и слѣда не останется.

Входитъ придворный.

Придворный. Ваше высочество, король черезъ юнаго Озрика получилъ отъ васъ отвѣтъ, что вы въ этой залѣ дожидаетесь прибытія противника, и его величество поручилъ мнѣ спросить, желаете-ли вы теперь-же сразиться съ Лаэртомъ или отложите состязаніе до другаго времени?

Гамлетъ. Я постояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ и поступлю согласно желанію короля. Если ему угодно, я сражусь съ Лаэртомъ сейчасъ-же; если-же неудобно, отложу поединокъ. Я всегда буду такъ-же готовъ, какъ теперь.

Придворный. Король, королева и весь дворъ сейчасъ сойдутъ сюда.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобы вы, принцъ, до начала состязанія сказали Лаэрту нѣсколько милостивыхъ словъ.

Гамлетъ. Желаніе ея будетъ исполнено (*Придворный уходитъ*).

Горацио. Сдается мнѣ, принцъ, что король проиграетъ закладъ.

Гамлетъ. Не думаю. Пока Лаэртъ находился во Франціи, я ежедневно упражнялся въ фехтованіи и, благодаря этому, останусь побѣдителемъ.—Однако, ты представишь себѣ не можешь, какую боль я чувствую здѣсь, близъ сердца. Впрочемъ, все равно.

Гораціо. Принцъ, не лучше-ли отложить?

Гамлетъ. Вздоръ! Нелѣпное предчувствіе, могущее испугать только женщину.

Гораціо. Если что-нибудь хоть немного смущаетъ вашъ духъ, послушайте его предупрежденій, откажитесь отъ состязанія: извѣстите ихъ, что вы не расположены.

Гамлетъ. И не подумаю; я поступлю вопреки предчувствію. Даже воробей и тотъ не погибнетъ иначе, какъ по волѣ Провидѣнія. Если часъ мой насталъ, откладывать его было бы бесполезно; если не наставалъ, нечего его и бояться. Будетъ-ли это теперь или позже, все равно мы должны быть готовы: вотъ и все. Если человѣкъ не властенъ надъ тѣмъ, съ чѣмъ онъ разстанется, не все-ли равно, ранѣе-ли разстаться съ жизнью, или позже? Будь, что будетъ.

Входятъ Король, Королева, Лаэртъ, Озрикъ, придворные и слуги. Последние приносятъ рапиры, боевые перчатки, столѣикъ и кубки съ виномъ.

Король. Подойди, Гамлетъ. Дай мнѣ вложить въ твою руку другую, вотъ эту (*Соединяетъ руки Гамлета и Лаэрта*).

Гамлетъ. Прости меня, Лаэртъ; я тебя оскорбилъ и прости, какъ подобаетъ настоящему дворянину. Всѣ присутствующіе здѣсь знаютъ, — да, вѣроятно, сообщили и тебѣ какими припадками душевной болѣзни страдаю я за послѣднее время. Если я чѣмъ-нибудь нанесъ тебѣ обиду, оскорбилъ твою честь или хотъ чѣмъ-нибудь задѣлъ тебя за живое, я во всеуслышаніе провозглашаю, что поступилъ такъ подлѣ гнетомъ умопомѣшательства. Гамлетъ-ли оскорбилъ Лаэрта? Никакъ не Гамлетъ. Если самъ Гамлетъ отсутствуетъ и, будучи не самимъ собою, оскорбилъ Лаэрта, значить, оскорбителемъ является не Гамлетъ. Гамлетъ не признаетъ своего проступка. Но онъ виноватъ, а его помѣшательство. Въ такомъ случаѣ самъ Гамлетъ стоитъ на сторонѣ обиженныхъ:

онъ, бѣдный, жестоко обиженъ злѣйшимъ врагомъ — безуміемъ. Итакъ, если это признаніе, сдѣланное при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, ясно доказываетъ тебѣ, что въ нанесеніи тебѣ обиды не участвовала моя воля, смотри на мой поступокъ, какъ на печальную случайность. Могъ-ли бы я считаться виноватымъ, если-бы меча стрѣлы черезъ крышу дома, я нечаянно убилъ родного брата.

Лаэртъ. Моя любящая душа должна бы подстрекать меня къ мщенію. До сихъ поръ и было такъ; но теперь она удовлетворена. Тѣмъ не менѣе, я по законамъ чести до тѣхъ поръ не могу, принцъ, согласиться на полное примиреніе, пока опытные въ этомъ дѣлѣ судьи не заявятъ, что примиреніе не ляжетъ пятномъ на мое имя. Теперь-же принимаю предложенія мнѣ вами согласіе и любовь и ничѣмъ не нарушу ни того, ни другого.

Гамлетъ. Съ меня этого достаточно, и мы можемъ приступить къ братскому состязанію... Подайте рапиры. Скорѣй.

Лаэртъ. Дайте рапиру и мнѣ.

Гамлетъ. Я буду служить тебѣ мишенью, Лаэртъ. Рядомъ съ моею опытностью, твое искусство заблещетъ такъ-же ярко, какъ звѣзда въ непроглядно-темную ночь.

Лаэртъ. Вы насмѣхаетесь надо мною, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь, что нѣтъ.

Король. Подай имъ рапиры, Озрикъ. Любезный племянникъ Гамлетъ, тебѣ извѣстно, въ чемъ состоитъ закладъ?

Гамлетъ. Извѣстно, государь. Вы щедро ставите крупнѣйшій закладъ за слабѣйшую сторону.

Король. Я нисколько не боюсь за своихъ коней. Мнѣ хорошо извѣстно, какъ дерется вы оба. Если Лаэртъ управляетъ оружіемъ красивѣе тебя, ты ловчѣе, и большее число ударовъ останется за нами.

Лаэртъ. Эта слишкомъ тяжела. Покажите другую.

Гамлетъ. Она годится мнѣ. Вѣдь всѣ рапиры одной длины, Озрикъ?

Озрикъ. Точно такъ, добрѣйшій принцъ (*Противники приотворяются къ бою*).

Король. Поставьте кубки съ виномъ на этотъ столъ. Если Гамлетъ нанесетъ первый или второй ударъ, а на третій отпѣтитъ третьимъ, начнется пальба изъ пушекъ, и король выпьетъ за здоровье Гамлета, а затѣмъ въ кубокъ Гамлета опуститъ крупнѣйшую жемчужину, даже болѣе цѣнную, чѣмъ тѣ, что украшаютъ корону послѣднихъ четырехъ королей Дании. Поставьте-же сюда кубки. Пусть трубы сообщать литаврамъ, литавры пушкамъ, пушки небсамъ, а небеса землѣ, что король пьетъ за здоровье Гамлета. Начинайте-же, а вы, судьи, наблюдайте зорко.

Гамлетъ. Начнемъ.

Лаэртъ. Начнемте, принцъ *(Бой начинается)*.

Гамлетъ. Одинъ.

Лаэртъ. Нѣтъ.

Гамлетъ. Что скажутъ судьи.

Озрикъ. Ударъ несомнѣнный.

Лаэртъ. Хорошо. Продолжаемъ.

Король. Нѣтъ, подождите. Вина! Гамлетъ, эта жемчужина твоя. Пьемъ за твое здоровье! Подайте ему кубокъ. *(Трубы гремятъ; за сценой пушечные выстрѣлы)*.

Гамлетъ. Нѣтъ, дайте прежде кончить. Поставьте кубокъ на столъ. Продолжаемъ? *(Бой начинается снова)*. Еще ударъ?

Лаэртъ. Да, сознаюсь.

Король. Побѣда останется за нашимъ сыномъ.

Королева. Кто знаетъ? Нашъ сынъ тученъ, страдаетъ одинокой, поэтому скоро устаетъ. Гамлетъ, возьми этотъ платокъ и оботри имъ лобъ. Королева пьетъ за твой успѣхъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Благодарю, государыня.

Король. Не пей, Гертруда.

Королева. Простите меня, государь, но я все - таки выпью *(Пьетъ)*. Выпей и ты, Гамлетъ.

Король *(Про себя)*. Въ кубкѣ ядъ. Теперь слишкомъ поздно.

Гамлетъ. Нѣтъ, государыня, пить мнѣ еще не время.

Королева. Дай мнѣ утереть тебѣ лицо.

Лаэртъ. На этотъ разъ, государь, я нанесу ударъ.

Король. Не думаю.

Лаэртъ. Нанесу *(Про себя)*, какъ ни противно это совѣсти.

Гамлетъ. Ну, сразимся въ третій. Ты, Лаэртъ, до сихъ поръ какъ-будто забавлялся. Покажи, наконецъ, свое искусство, иначе я подумаю, что ты смотришь на меня, какъ на неумѣлаго ребенка.

Лаэртъ. А, вотъ вы что говорите. Посмотримъ. Начнемте. *(Бой возобновляется)*.

Озрикъ. Ничего ни съ той, ни съ другой стороны.

Лаэртъ. Вотъ это ударъ такъ ударъ. *(Гамлетъ раненъ. Въ разгаръ боя, противники мѣняются рапирами. Лаэртъ раненъ въ свою очередь)*.

Король. Разнимите ихъ. Они доходятъ до ожесточенія.

Гамлетъ. Нѣтъ, начнемъ снова *(Королева падаетъ)*.

Озрикъ. Взгляните на королеву... Что съ ней?

Гораціо. Они оба въ крови. Какъ вы себя чувствуете, принцъ?

Озрикъ. Какъ вы себя чувствуете, Лаэртъ?

Лаэртъ. Какъ можетъ чувствовать себя глупая птица, попавшая въ свои-же силки. Да, Озрикъ, моя собственная хитрость обратилась противъ меня, и я долженъ умереть.

Гамлетъ. Что съ королевой?

Король. Ей сдѣлалось дурно при видѣ крови.

Королева. Нѣтъ, этотъ напитокъ... Этотъ напитокъ!.. О мой безцѣнный Гамлетъ!—этотъ напитокъ... въ немъ ядъ... Я выпила отраву *(Умираетъ)*.

Гамлетъ. Какой ужасъ! Запереть всѣ двери! Здѣсь предательство, измѣна. Надо сейчасъ-же произвести слѣдствіе.

Лаэртъ. Не стоитъ труда, Гамлетъ... Гамлетъ, ты раненъ... все равно что убитъ. Никакое лекарство въ мірѣ тебѣ не поможетъ, и жить тебѣ осталось не болѣе получаса. Предательская рапира, которую ты держишь въ рукахъ отточена и намазана ядомъ. Я сдѣлался жертвой своего-же злого умысла. Видишь, я не устоялъ на ногахъ, упалъ, и мнѣ уже никогда не подняться снова... Твоя мать тоже умерла отъ отравы... Король, король всему виною!

Гамлетъ. А! клинокъ отравленъ, такъ дѣлай-же, ядъ, свое дѣло! (*Наноситъ Королю рану*).

Всѣ. Измѣна! Измѣна!

Король. Помогите, друзья мои! Защитите меня... Я только раненъ.

Гамлетъ. Окаянный датчанинъ, кровосмѣситель, убійца! Допей кубокъ до дна! Ты связанъ былъ съ моей матерью неразрывными узами, такъ слѣдуй за нею! (*Король умираетъ*).

Лавртъ. Ему воздано по заслугамъ. Ядъ изготовленъ былъ имъ самимъ. Благородный Гамлетъ, прости меня, какъ я прощаю тебя. Смерть моего отца да не упадетъ на тебя, какъ не упадетъ на меня и твоя смерть (*Умираетъ*).

Гамлетъ. Да простить ее тебѣ небо... Я слѣдую за тобою... Гораціо, я умираю. Прощай, злополучная королева! А вамъ, безмолвнымъ свидѣтелямъ страшной развязки, смотрящимъ на нее блѣднѣя и дрожа отъ ужаса, я могъ-бы разсказать многое, если-бы имѣлъ время, еслибы смерть уже не смыкала мнѣ уста... Но такъ и быть!.. Да, Гораціо, я умираю. Ты будешь жить, и, зная все, оправдаешь меня въ глазахъ недобольныхъ.

Гораціо. Не думайте, принцъ, чтобы я остался жить! Я душою скорѣе римлянинъ, чѣмъ датчанинъ... Кубокъ еще не совсѣмъ осушенъ.

Гамлетъ. Если въ тебѣ дѣйствительно есть мужество, отдай мнѣ кубокъ. Отдай, или, кланусь, я вырву его у тебя силою!.. О, добрый мой Гораціо, какое запятнанное имя оставлю я по себѣ, если многое, неизвѣстное никому, такъ и останется неизвѣстнымъ. Если-же ты хоть сколько-нибудь любишь меня, отдали на время отъ себя райское блаженство и, какъ бы ни было тяжело жить въ этомъ печальномъ мірѣ, живи, чтобы разсказать другимъ про мою печальную судьбу (*Вдали за сценой слышны маршъ и выстрѣлы*). Что значать эти воинственные звуки?

Озрикъ. То молодой Фортинбрасъ побѣдоносно возвращается изъ Польши и этими громогласными взрывами приветствуютъ англійскихъ пословъ.

Гамлетъ. Я умираю. Гораціо; торжествующій ядъ одер-

живается верхъ надъ моими силами. Мнѣ не дожить до той минуты, когда получится извѣстія изъ Англіи, но я предчувствую, что народный выборъ падетъ на Фортинбраса. Я, умирая, подаю свой голосъ за него. Сообщи ему съ большими или меньшими подробностями все, что нужно. Объ остальномъ—ни слова (*Умираетъ*).

Гораціо. Благороднѣйшее сердце перестало биться. Покойся съ миромъ, добрый принцъ. Пусть сонмы ангеловъ баюкаютъ тебя своими пѣснями (*За сценой торжественный маршъ*). Что, однако, значать эти торжественные звуки? Зачѣмъ раздаются они здѣсь въ такую минуту?

Входятъ Фортинбрасъ, англійскіе послы и другіе.

Фортинбрасъ. Гдѣ-же это? Гдѣ?

Гораціо. Что желаете вы увидать, принцъ:—горчайшую изъ всѣхъ горестей, величайшую бѣду изъ всѣхъ бѣдъ? Такъ идти далѣе не зачѣмъ. Все передъ вами.

Фортинбрасъ. Возмутительная бойня!.. Какой-же кровавый пиръ готовишь ты, надменная смерть, въ своемъ вѣчномъ вертепѣ, что тебѣ понадобилось такое множество царственныхъ жертвъ, сраженныхъ такъ внезапно?

1-й посолъ. Зрѣлище дѣйствительно ужасное, и наши извѣстія изъ Англіи пришли слишкомъ поздно. Тѣ уши, что должны были выслушать насъ, болѣе не могутъ насъ услышать и узнать, что приказаніе исполнено: — Розенкранцъ и Гильденштернъ казнены. Отъ кого-же получимъ мы благодарность?

Гораціо. Не изъ тѣхъ устъ, которые будто-бы отдали приказъ, если-бы они даже и могли снова раскрыться для изъявленія вамъ своей благодарности. Такого приказанія они никогда не изрекали. Оставимъ, однако, въ сторонѣ этотъ кровавый вопросъ. И вы, принцъ, побѣдитель поляковъ, и вы, прибывшіе изъ Англіи, распорядитесь, чтобы трупы умершихъ выставлены были на высокихъ подмосткахъ, дабы видѣть ихъ могли всѣ, а мнѣ не знающимъ, какъ произошелъ весь этотъ рядъ кровавыхъ, почти противуестественныхъ событій, позвольте разъяснить, какъ совершились эти ужасныя дѣла. Тутъ были искупительныя

жертвы и случайныя убійства; смерть частью происходила отъ злой воли, частью вслѣдствіе воли верховной, а въ заключеніе кара пала на тѣхъ, чьи соображенія готовили ее для другихъ. Все это я могу рассказать, не прибѣгая ни къ одному слову лжи.

Фортинбрасъ. Мы нетерпѣливо желаемъ узнать все, поэтому пусть скорѣе созовутъ самыхъ разсудительныхъ сановниковъ. Что-же касается меня, я съ грустью принимаю выпадающую мнѣ счастливую долю. Я давно имѣю права на престолъ Даніи, а теперь представляется случай заявить эти права.

Горацио. Я буду имѣть случай говорить и объ этомъ со словъ того, чей голосъ къ своему прибавитъ много другихъ голосовъ. Но необходимо дѣйствовать сейчасъ-же, пока голы ошеломлены неожиданностью, и пока не успѣлъ образоваться какой-нибудь заговоръ, могущій все испортить.

Фортинбрасъ. Пусть четверо капитановъ поднимутъ на руки отошедшаго въ вѣчность Гамлета и, какъ воителя, положить его на высокій катафалкъ. Онъ, вѣроятно, оказался-бы величайшимъ правителемъ, если бы его силамъ дана была возможность проявиться вполнѣ; а пока его несутъ, вы, воинственные трубы, громко провозглашайте высокія качества его души. Унесите и другіе трупы. Такое скопленіе ихъ мыслимо на полѣ битвы, но не здѣсь; солдатамъ-же пусть отданъ будетъ приказъ стрѣлять *(Трупы уносятся. Раздаются звуки похороннаго марша и палъбы).*

